

Восточный архив

№ 2 (34), 2016

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Тираж 110 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2016

© Институт востоковедения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Беккин Р.И. «Учёный стал во главе вас...» Стихотворение шейха М.А. ат-Тантави в честь министра народного просвещения А.С. Норова	4
Шاپовалов М.С. Российский взгляд на духовное соперничество в Палестине в конце XIX века	8
Марахонова С.И. Российские студенты и учащиеся в учебных заведениях Токио в начале XX века	16
Шмидт Вальдемар. Немцы с Кавказа в Восточной Африке	27
Массов А.Я. Документы о развитии отношений России и Австралии в Архиве внешней политики Российской империи	37
Зеленина Л.В. Путешествие в трёх измерениях. О книге путевых очерков Д.Н. Логофета «На границах Средней Азии»	47
Локшин А.Е. «Сионистскую организацию признать контрреволюционной и ликвидировать». Из истории борьбы с сионистским движением в Советской России	52
Аникеева Т.А., Зайцев И.В. Автографы и экслибрисы на книгах из Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ	64
Прождина С.В. Истоки «бунта угнетённых» в колониальном обществе глазами тунисского писателя Альбера Мемми	74
Бухерт В.Г. «Материал следует брать только из первоисточников». Отзыв В.Б. Луцкого на реферат Е.М. Примакова. 1955 год	85
Мосаки Н.З. О выступлении Ш.Х. Мгои по курдской проблеме в Сирии в 1987 году	89
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 2 (34), 2016

CONTENTS

Editor's notes	3
Bekkin, Renat. The poem by Sheikh Ayyad at-Tantawi in honor of Avraam Norov, the minister of public education	4
Shapovalov, Mikhail. Russian view on spiritual competition in Palestine at the end of XIX century	8
Marakhonova, Svetlana. Russian students in Tokyo educational institutions at the beginning of XX century	16
Schmidt, Waldemar. Germans from Caucasus in Eastern Africa	27
Massov, Aleksander. Documents on Russian-Australian relations in the Archive of the Foreign Policy of Russian Empire	37
Zelenina, Lyudmila. On the books by Nicolay Logofet "At the borders of Central Asia". 1909	47
Lokshin, Aleksander. On struggle with Zionist movement in the Soviet Russia	52
Anikeeva, Tatiana; Zaytsev, Ilya. Autographs and exlibris of books from the Scientific library of MGIMO University	64
Prozhoguina, Svetlana. Source of "rebellion of oppressed" in colonial society in the eyes of Tunisian writer Albert Memmi	74
Bukhert, Vladimir. Review of Professor Vladimir Lutskiy on synopsis by Evgeniy Primakov. 1955	85
Mossaki, Nodar. Report by Professor Mgoi on Kurdish problem in Syria in 1987	89
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Большинство материалов нынешнего номера «Восточного архива» посвящено традиционной для журнала теме «Россия и Восток». Все эти материалы оригинальны и по-своему интересны, так что не буду выделять ни один из них. Отмечу только, что география статей необычайно широка – от Австралии и Японии до Палестины и Египта.

Есть, конечно, материалы и на другие темы. С.В. Прожогина показывает истоки «бунта угнетённых» в колониальном обществе глазами тунисского писателя Альбера Мемми. Т.А. Аникеева и И.В. Зайцев знакомят читателей с наиболее интересными автографами и экслибрисами на книгах, доставшихся Научной библиотеке МГИМО(У) в наследство от Библиотеки Лазаревского института восточных языков. По мнению авторов, они могут служить ценным источником по истории московского востоковедения. В.Г. Бухерт публикует отзыв выдающегося арабиста В.Б. Луцкого на реферат будущего академика Е.М. Примакова в бытность его аспирантом экономического факультета МГУ.

Постоянные авторы и читатели «Восточного архива», вероятно, помнят, что каждые три года редакция журнала проводит Международные научные конференции «Архивное востоковедение». Последняя конференция состоялась в ноябре 2014 года, так что мы уже начали подготовку к следующей, четвёртой конференции. Планируем провести её 15–17 ноября 2017 года в нашем Институте востоковедения РАН. Рекомендуем потенциальным участникам конференции уже сейчас подумать о темах своих докладов, а тем, кто живёт не в Москве – дать заявки на командировку.

Конференция состоится через несколько дней после 100-летия Октябрьской революции. По теме «Октябрь и Восток» в советское время написаны тома, но я уверен, что она не исчерпана. Прежде всего, потому, что стали доступными закрытые в ту пору архивы. Да и угол зрения ныне несколько иной. Так что, полагаю, эту тему можно осветить свежо.

Приближается и другой важный для всех нас юбилей – 200-летие Института востоковедения. Он будет отмечаться в 2018 году. Поэтому прошу обратить внимание на историю отечественного востоковедения, на научный вклад и судьбы востоковедов, особенно тех, кто когда-то работал в нашем институте.

Если по двум этим темам будет представлено значительное количество докладов, то мы посвятим каждой из них отдельное заседание.

Ну а теперь хочу выполнить приятную миссию. За последние полгода трое из пяти членов редколлегии «Восточного архива» отметили юбилей – Людмила Владимировна Зеленина, Наталья Какабалиевна Чарыева и Дмитрий Дмитриевич Васильев. Сердечно поздравляю дорогих коллег и желаю им доброго здоровья и успехов во всех их начинаниях!

Особые поздравления Д.Д. Васильеву – не потому, что он наш начальник, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, а потому, что он самый старший из нас (Дмитрию Дмитриевичу исполнилось 70 лет) и самый заслуженный. Надеюсь, что мы вместе выпустим ещё не один десяток номеров «Восточного архива»!

В.В. Беляков

Р.И. Беккин

«УЧЁНЫЙ СТАЛ ВО ГЛАВЕ ВАС...»

Стихотворение шейха М.А. ат-Тантави

в честь министра народного просвещения А.С. Норова

Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) был, пожалуй, одним из самых заметных министров народного просвещения в Российской империи. Серьезный учёный, писатель, он занял министерский пост на переломе эпох – в самом конце царствования Николая I, в 1854 г.¹ На этой должности он выступил с инициативой создания Сибирского университета (1856 г.). Однако данный проект не был реализован, и дальше переписки между чиновниками дело не пошло. Заслуживший у современников прозвище «старого младенца»², Норов не умел там, где требовалось, проявлять твёрдость в отстаивании важных начинаний.

Между тем имя А.С. Норова связано с другим важным событием в сфере образования – учреждением в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков (ФВЯ). Как и в других ситуациях, здесь также проявилась мягкость нового министра. Изначально (согласно проекту 1851 г.) предполагалось создание в Петербурге Азиатского института, призванного объединить в стенах одного учебного заведения все востоковедные дисциплины. Однако этому воспротивилось Министерство иностранных дел, не желавшее расставаться с Учебным отделением восточных языков при Азиатском департаменте. Норов не стал вступать в конфронтацию с МИД и в феврале 1854 г. представил Николаю I доклад «О замене предполагаемого Азиатского института Факультетом восточных языков при Санкт-Петербургском университете». В докладе предлагалось компромиссное решение, оставлявшее в структуре Министерства иностранных дел Учебное отделение восточных языков.

22 октября (ст. ст.) 1854 г. император подписал указ Правительствующему Сенату

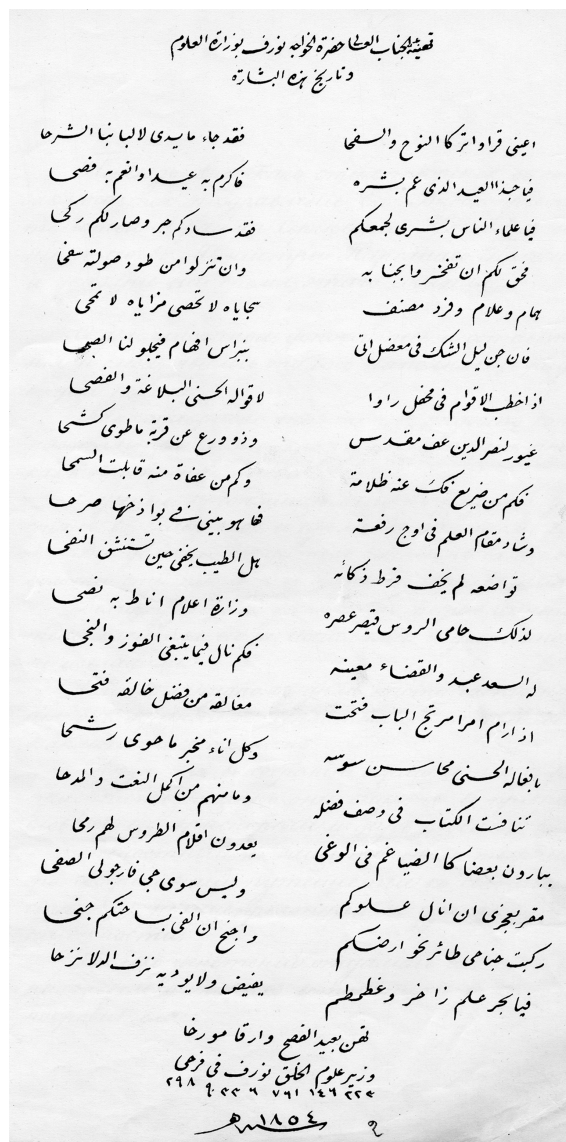
о преобразовании отделения восточных языков Санкт-Петербургского университета в факультет восточных языков с одновременным слиянием его с восточным отделением Казанского университета. Открытие факультета состоялось в 1855 г., уже при Александре II.

Среди профессоров вновь образованного факультета был шейх Мухаммад Аййад ат-Тантави. Шейх ат-Тантави (полное имя Мухаммад ибн Са‘д ибн Сулейман ‘Аййад ат-Тантави аш-Шафи‘и), потомок известного учёного и суфия XVI в. ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани (1493–1565), родился в 1810 г. в деревне Ниджрид в Египте в семье торговца. В 1823 г. он с лёгкостью поступил в один из старейших университетов в мире – аль-Азхар, где впоследствии получил право преподавать различные дисциплины.

В России, испытывавшей потребность в специалистах по мусульманскому Востоку, ат-Тантави оказался желанным гостем. По приезду в 1840 г. он стал преподавать арабский язык в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Поначалу он вёл занятия на французском, но когда в 1847 г. учёный стал экстраординарным профессором Петербургского университета, он уже в достаточной степени владел русским языком. Таким образом, реформа востоковедного образования, проходившая в середине 1850-х гг. и нацеленная на формирование в Петербургском университете центра российского востоковедения, затрагивала шейха самым непосредственным образом. Он продолжал служить в Азиатском департаменте, совмещая эту деятельность с преподаванием в университете.

Публикуемое ниже стихотворение написано шейхом ат-Тантави в связи с назначением А.С. Норова министром народного просвещения. Оригинал стихотворения на арабском языке и его перевод, выполненный неуставленным лицом, хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки³.

Следует отметить, что это далеко не первое и не единственное стихотворение, написанное шейхом в России по торжественному случаю. Еще в 1840 г. ат-Тантави сочинил стихи, приуроченные к женитьбе цесаревича

Александра Николаевича на Марии Александровне, урождённой принцессе Гессенской. Хронограмма, состоявшая из 25 стихов и написанная в размере *вафир*, впоследствии была воспроизведена при оформлении интерьеров Турецкой комнаты в Царском Селе⁴. Перу шейха также принадлежит ода на рождение сына цесаревича Александра – великого князя Николая Александровича (1843–1865). Известны также три его стихотворных произведения в честь Николая I, в том числе траурная ода по случаю кончины императора, и стихи на коронацию Александра II в 1855 г.

Среди адресатов сочинений ат-Тантави были и иностранные гости, посещавшие Петербург. Одно было посвящено герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому (1817–1852) по случаю его прибытия из путешествия в Египет, где он закупил ряд предметов искусства, пополнивших коллекцию Эрмитажа. Другое стихотворение представляло собой оду в честь визита в Петербург короля Вюртембергского Вильгельма I (1781–1864). Последние два произведения были написаны по поручению министра иностранных дел, то есть непосредственного начальника ат-Тантави.

За свои произведения шейх получал высокие награды. Так, в 1852 г. ему был преподнесён бриллиантовый перстень от цесаревича Александра Николаевича – «за особые труды при устройстве Турецкой комнаты в Царскосельском дворце». От короля Вильгельма I ат-Тантави получил медаль.

Возможно, что публикуемое ниже стихотворение по случаю вступления в должность нового министра А.С. Норова также было заказано шейху вышестоящим начальством. Однако нельзя исключать и того, что это было и личной инициативой самого ат-Тантави. Ему был хорошо известен Норов, побывавший к тому времени на родине шейха и описавший свою поездку в книге «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.»⁵. Это сочинение было опубликовано в Петербурге в 1840 г., в год приезда ат-Тантави в столицу Российской империи.

**Перевод арабского стихотворения,
в котором заключается поздравление
Его Высокопревосходительства
Авраама Сергеевича Норова
с назначением его
в Министры Народного Просвещения
и указание на время этого события**

О два глаза мои, успокойтесь и оставьте рыдания и слёзы, явилось то, что наполняет радостью сердца наши.

Как прекрасно торжество, радость которого разделяется всеми; как умиротелен праздник, как прекрасна Пасха!

О учёные, в сонмище вашем радость: учёный стал во главе вас и сделался оплотом вашим.

Вы должны гордиться высоким саном его и должны спуститься к подошве горы величия его.

Великодушный, учёнейший, несравненный писатель, качества его неисчислимы и достоинства неизгладимы.

Если в трудном деле наступает ночь сомнения, он приносит светильник знаний своих и озаряет нас светом.

Когда он в собрании обращается с речью к присутствующим, они видят в прекрасных словах его красноречие и дар слова.

Ревностный в защите веры, творящий добро, совершивший путешествие к святым местам⁶, нелицеприятный, не удаляющийся от набожности.

Сколько угнетений отдалил он от угнетённых, сколько бедных встретили в нём щедрого покровителя.

Он возвысил достоинство науки до высшей степени величия, и вот он созидает дворец на высоте её.

Скромность его не скрывает пронизательного ума его, да разве запах его исчезает, когда обоняет благовоние.

Вот почему покровитель и защитник России Царь волей своею поручил ему министерство учёных для пользы общей.

Счастье у него рабом, а судьба – помощником, зато сколько успехов и побед увенчало предприятие его.

Если он задумывал свершить дело трудное по исполнению⁷, замки его отворялись по милости Божией.

По прекрасным делам его познаётся характер его; так по сосуду можно узнать то, что в нём содержалось.

Писатели старались превзойти друг друга в описании достоинств его; но ни один из них не представил в совершенстве описания и хвалы.

Они состязались друг с другом подобно храбрым воинам в битве; они считали калямы (перья) свои за копья.

Признаюсь в слабости моей. Я не в силах достигнуть высоты вашей; нет у меня ничего, кроме преданности, и я прошу для себя прощения...

Я полетел бы на крыльях птицы к жилищу вашему, и я надеюсь, что нашёл бы в вашей особе защиту и покровительство...

О море науки, волнующееся и выходящее из берегов своих, оно разливается и не уменьшается от ведра, почерпнутого в нём.

Будь поздравлен с праздником Пасхи, возвышайся, Министр Народного Просвещения Норов, посреди торжествующих⁸.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 531. Д. 904. Л. 3–4. Рукописный оригинал.

Примечания

¹ В 1853–1854 гг. А.С. Норов был управляющим Министерством народного просвещения.

² Сачкова Г.С. Министерская деятельность А.С. Норова в контексте развития системы образования в России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 4. С. 49.

³ Стихотворение, посвященное назначению А.С. Норова министром просвещения (1854 г.) // ОР РНБ. Ф. 531. Д. 904. Л. 3–4.

⁴ Черновская В.В. Шейх Мухаммед ат-Тантави (1810–1861) // <http://www.islamrf.ru/news/culture/history/2391>

⁵ Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. СПб., 1840.

⁶ Слово в арабском тексте *мукаддис* означает человека, совершившего путешествие к святым местам в Иерусалим, а также человека набожного, богомольного (*здесь и далее примечания переводчика*).

⁷ Буквально: дело, двери которого заперты.

⁸ Численное значение последнего полустишия в арабском тексте составляет время события, т.е. 1854 год.

М.С. Шаповалов

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДУХОВНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ПАЛЕСТИНЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

По материалам канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода*

В XIX в. интерес к Палестине со стороны европейских держав устойчиво усиливался. Палестина, не обладавшая ключевым стратегическим положением (как, например, Египет), привлекала прежде всего своим духовным и историческим наследием. Многие крупные международные события XIX в. (Египетский поход Наполеона 1799 г., Восточная война 1853–1855 гг.) подчёркивали особый статус этой османской территории. Девятнадцатый век стал для Святой Земли веком археологических раскопок и библейских поисков, временем открытия школ, строительства храмов, деятельности филантропических обществ. В конце XIX в. при видимом сохранении status quo на Святых местах проявилось некое движение, тенденция к переменам, что сразу же обратило на себя внимание правительств европейских держав. Не стала исключением и Российская империя. Считая Палестину для себя чрезвычайно важной областью, российское правительство пристально следило за действием своих прямых, говоря современным языком, геополитических соперников: Великобритании, Франции, Германии.

В этой связи интерес представляет российское восприятие обстановки в Палестине на рубеже XIX–XX вв. Как официальный Петербург оценивал расстановку сил среди конкурирующих сторон? Фиксировали ли имперские чиновники факты нарастания религиозного противостояния на Святой Земле? Если да, то подразумевали ли под духов-

ным соперничеством соперничество политическое? Наконец, палестинский вопрос воспринимался чиновниками как исключительно внешний или ещё и внутренний? Ответы на эти вопросы даёт анализ архивных документов канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода.

В сентябре 1888 г. в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода на имя К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.) поступила записка министра иностранных дел Н.К. Гирса (1882–1895 гг.), название которой в полной мере отражало и её содержание, и оценку этого содержания: «По записке министра иностранных дел касательно действий латинян в Палестине, направленных ко вреду Православия». Министр опирался в записке на донесение управляющего российским консульством в Иерусалиме А.П. Беляева (1888–1889 гг.). Последний докладывал об инциденте вокруг «чистки и мытья северной стороны Св. Вертепа Господня» в Вифлееме. В частности, французские монахи самовольно, не учитывая мнение православных греков и армян, совершили «несогласную с духом установленного порядка вещей чистку и мытьё северной стороны Св. Вертепа Господня, а также и входа в оный». В ответ на протесты греков и армян (очевидно, действовавших также недипломатичными способами) «монахи явились на обычную работу в большем против прежних разов числе – до 50 человек и вооружённые палками, револьверами и вилами. Произошло столкновение, которое разрешилось переломом ноги у одного армянского пономаря»¹.

Подобные религиозные разногласия вокруг Вифлеемской базилики Рождества Христова происходили уже достаточно давно (в частности, послужили поводом для начала

* Публикация подготовлена в рамках подержанного РГНФ научного проекта № 15-61-01007 – «Палестина в системе международных отношений в конце XIX – начале XX в.: российский взгляд».

Восточной войны) и не так редко, и этому было логичное объяснение: храм находился в совместном владении армян, греков и францисканцев, что неминуемо приводило к мелким бытовым конфликтам. Вопрос состоял в том, как эти бытовые стычки относительно совместного использования храма преподнести и как расставлять акценты. Поэтому инцидент 1888 г. сам по себе, казалось, не нес каких бы то ни было серьёзных последствий для разжигания конфликта между Церквями и тем более не являлся примером усиления политического противостояния. Однако А.П. Беляев, а вслед за ним и министр иностранных дел позволили себе в этом усомниться и сместить акценты. А.П. Беляев допускал, что «смелость и дерзость последних действий латинян есть будто бы результат секретного совещания французского посла в Константинополе с Великим Визирем. Католики-де, крайне недовольные тяготением иерусалимского мутесарифа к защите или, по крайней мере, обереганию интересов Православия, всячески помогают в лице здешнего представителя французской правительственной власти смещения Реуфа Паши... имя преемника Реуфа Паши, которым является никто другой, как брат Великого Визиря Шакир Паша»².

Управляющий российским консульством, таким образом, указывал на очередную активизацию усилий Франции в борьбе за преобладание на Святой Земле, преобладание прежде всего духовное. Французы традиционно использовали центральные и местные турецкие власти для продвижения своих интересов. При этом, со слов А.П. Беляева, губернатор Иерусалима Реуф-паша являлся как раз защитником православных интересов, хотя внешне его в этом заподозрить было не так просто. К примеру, в 1878 г. Реуф-паша ввёл запрет на строительство православных храмов в Горнеи и на Елеоне, требуя специального султанского фирмана, и изменил своё решение только после получения разрешительного документа³.

Однако, что более важно, в донесении обращает на себя внимание сослагательное

наклонение «есть будто бы...», «католики-де крайне...», которое использует А.П. Беляев. Важно в этой связи отметить, что всю информацию об инциденте в Вифлееме российскому консульству передавал Иерусалимский патриарх Никодим I. Именно его словами А.П. Беляев докладывал в Петербург, что «латиняне за последнее время... стали дерзким образом реализовывать свои стремления к постоянным нарушениям status quo»⁴, а патриарх, соответственно, «весьма озабочен исходом этого прискорбного для интересов православия в Палестине инцидента»⁵.

Не ставя целью в данной статье анализировать непростые отношения патриарха Никодима с Петербургом, которые подробно описал профессор Н.Н. Лисовой⁶, хочу лишь отметить, что патриарх Никодим воспринимался в мире как «российский проект» (его выборы на патриаршество финансировались Петербургом). Удачную характеристику отношения к патриарху дал журналист, член Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) А.А. Суворин: «Когда он (Никодим. – *Авт.*) поехал в Палестину, в Москве надеялись, что он будет “русским” патриархом, шире допустит славянский язык в службе при Гробе Господнем и своей властью православного патриарха не будет мешать русским начинаниям в Палестине. Ни одна из этих надежд не оправдалась, и вообще Россия и патриарх Никодим испытали все неудобства для себя иметь на Иерусалимском престоле своего ставленника»⁷.

Пересказывая слова Никодима, А.П. Беляев, возможно, подстраховываясь, а возможно, действительно сомневаясь в масштабах события, уточнял: «Спешность донесения, вызванная отходом почты, сделала для меня невозможным отобрать более полные справки о ныне возникшем инциденте в Вифлееме. Мне удалось только заручиться уверением Его Блаженства, что телеграмма Реуфа Паши к Великому Визиру по настоящему делу прекрасно иллюстрирует факт и в то же время хорошо рисует личность Иерусалимского Губернатора, конечно, и в

том, и другом случае на пользу и благо интересов Православия в Святой Земле»⁸.

Тон донесения А.П. Беляева указывает на возможную связь Никодима и местного османского губернатора. Между строк проскальзывает и намёк на некую заинтересованность патриарха в сгущении красок в оценках инцидента в Вифлееме, придании ему повышенной важности. И всё же при всех сомнениях в достоверности слов Никодима А.П. Беляев отправил донесение в Петербург, а министр иностранных дел империи счел необходимым уведомить об инциденте Святейший Синод.

В целом, реакция на укрепление позиций Франции на Святой Земле не была воспринята чиновниками как нечто экстраординарное – такая тенденция существовала на протяжении всего XIX в. Не предложили в своих донесениях они и возможных контрмер против усиления Франции. Возможно, здесь сказалась неточность предоставленных сведений, а возможно – и нежелание входить в конфликт с официальным Парижем. Следует согласиться с исследователем М.И. Якушевым, что долгое время российская дипломатия «занимала позицию стороннего наблюдателя в конфессиональном споре вокруг Базилики в Вифлееме»⁹. Ситуация, казалось, изменилась с избранием патриарха Никодима I, когда на поддержку православия в Палестину снова пошли русские деньги, но оказалось, что официальный Петербург не был готов так резко развернуть свою политику в отношении конфессиональных споров.

С этой точки зрения интересен новый конфликт, произошедший 1 июня 1891 г. между греками и латинянами из-за пользования вратами Вифлеемской базилики Рождества Христова. Православные и латиняне перед службой пользовались каждый своим входом, но, согласно древнему праву, после литургии православный священник мог выходить в храм Рождества со святыми дарами через принадлежавший католикам вход¹⁰. Инцидент 1891 г. получил широкое освещение на страницах ежедневной петербургской газеты «Новое время», читатели кото-

рой с 1 июня по 2 июля 1891 г. следили за событиями на Святой Земле. Информацию о событиях редактор русской газеты (не имея постоянных собственных корреспондентов в Вифлееме) собирал из иностранной прессы, прежде всего турецкой («Agence de Constantinople»).

Итак, как и ранее, в 1888 г., при стычке между католиками и православными в 1891 г. было немало раненых, а французский посол в Османской империи граф Монтебелло (1886–1891 гг.) обратился к Порте с нотой, в которой жаловался, что «Порта постоянно покровительствует грекам в ущерб латинцам»¹¹, и требовал провести скорейшее разбирательство конфликта. Однако в результате расследования турецкое правительство возложило ответственность за инцидент на францисканцев, а не греков. Граф Монтебелло был вынужден теперь просить справедливости уже лично у султана, который «приказал дать Франции удовлетворение»¹². Забегая вперёд, отметим, что в итоге султан предложит создать специальную комиссию по урегулированию конфликта, а пока отдаст приказ «запретить грекам пользоваться северными вратами в пещеру» и предложит «вифлеемскому мудиру противиться в случае надобности даже силою оружия всякому нарушению такого запрета»¹³.

Неудивительно, что этот инцидент сразу же попал в топ новостей мировой прессы, ведь речь шла о конфликте не между латинянами и православными, а между покровителями этих конфессий: Францией и Россией. Со слов «Нового времени»: «Органы тройственного союза стали упрекать Францию, кичащуюся своим положением покровительницы католиков на Востоке, в том, что теперь, из угодливости перед Россией, она позволяет православным обижать католиков»¹⁴. Примерно такого же рода обвинения в отношении России последовали со стороны австрийской прессы. В целом ощущалось, что на Францию оказывали в этом инциденте давление большее, и не только извне (страны Тройственного союза), но и изнутри (французское общественное мнение). А вот «Politische Correspondenz» отме-

тила, «что никакого столкновения между русской и французской дипломатией в Константинополе по этому поводу не было. По словам корреспондента, русский коллега графа Монтебелло (А.И. Нелидов – *Авт.*) предпринял даже морскую прогулку в греческие воды и Смирну, чтобы не мешать успеху представлений французского посла»¹⁵.

Это мнение разделила и поддержала редакция «Нового времени»: «О том, что Россия в этом вопросе выступила противником Франции, никогда не было и речи, и всё, что о том говорилось в печати, ложь или пробные шары. Политическая дружба между Францией и Россией не омрачилась ни на минуту вифлеемским инцидентом»¹⁶.

В действительности, первоначально император Александр III отдал приказ послу в Константинополе поддержать в данном вопросе греков. И именно российский посол в Константинополе А.И. Нелидов (1888–1897 гг.) добился на первоначальном этапе, чтобы Порта составила официальную ноту в пользу православного духовенства. Министр иностранных дел Н.К. Гирс рекомендовал А.И. Нелидову всячески «содействовать благоприятному окончанию Вифлеемского дела, согласно с благом Православной церкви и её интересами»¹⁷. Однако после разговоров с султаном российские дипломаты не стали жёстко отстаивать свою позицию, согласившись, по сути, временно «заморозить» конфликт вокруг Вифлеема.

Существование русско-французского военно-политического союза, складывание которого происходило как раз в 1891–1893 гг.¹⁸, безусловно, стало тем главным аргументом, из-за которого Россия была готова поступиться своими амбициями в конфессиональном споре на Святой Земле. Это ярко показал инцидент в Вифлееме в 1891 г. А вот Франция, напротив, продемонстрировала всю решимость бороться даже с потенциальным союзником не просто за сохранение своих прежних позиций (султан склонялся первоначально сохранить *status quo* в Вифлееме), но и за расширение своих преференций даже в таком, казалось бы, мелком, но очень чувствительном вопросе, как

запрет православным использования северного входа, принадлежавшего латинянам.

Новый взгляд на место и роль Франции в религиозном соперничестве в Палестине в конце XIX в. открывает ещё один документ канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. В 1899 г. министр иностранных дел Российской империи граф М.Н. Муравьев-Виленский (1897–1900 гг.) отправил в Синод письмо по вопросу о принятии под покровительство России католического учреждения в Иерусалиме. В основе его письма лежала секретная депеша российского посла в Константинополе, действительного тайного советника И.А. Зиновьева (1897–1907 гг.) от 28 января (9 февраля) 1899 г. В депеше содержалось экспертное заключение на информацию, полученную из Рима примерно месяцем ранее, и анализ на отзыв обер-прокурора Святейшего Синода по этой информации.

Дело состояло в следующем. К российскому послу в Риме, действительному тайному советнику А.И. Нелидову (1897–1903 гг.) обратился французский подданный духовного звания, не желающий обнаруживать своего имени (впоследствии личность его была установлена – сиро-халдейский униатский священник Эбед-Уезос Бар Михаил). Он сообщил, что владеет в Палестине участком земли, который предназначен для устройства на нем восточно-католического учреждения, имеющего, «по его мысли, стать со временем первенствующим католическим учреждением на Востоке». Смену патрона, со слов А.И. Нелидова, он мотивировал достаточно убедительно и просто: «Будучи истинным патриотом, названный француз не желает, однако, чтобы предполагаемое им учреждение поступило под покровительство Франции, на том основании, что правительство республики слишком тесно связано с официальными католическими учреждениями, патриархией и францисканскою кустодиею и лишено вследствие этого возможности относиться с полным участием к Восточным католикам, заботящимся об охране своего церковного быта от посягательств “латинизма”. Ввиду этого и веруя

в великую будущность, ожидающую Россию на Востоке, упомянутый выше француз желал бы поставить предполагаемое им учреждение под покровительство Императорского Правительства»¹⁹. Единственным условием, выдвигаемым к российской стороне, было «обещание тщательно воздерживаться от попытки к привлечению в лоно Православной церкви как вышеупомянутого учреждения, как и вообще Восточных католиков, которые будут около него группироваться»²⁰.

В своей депеше А.И. Нелидов приводил один весомый аргумент в пользу принятия предложения униатского священника: «Удовлетворение ходатайства Бар Михаила, обеспечивая за нами известную долю влияния на католиков-униатов, могло бы послужить для нас средством противодействия стремлениям Ватикана и Франции “латинизировать” восточных католиков; оно обеспечит, может быть, впоследствии за нами возможность подготовить почву для воссоединения униатов с Православной Церковью»²¹.

Предложение, сделанное российскому послу, действительно представлялось достаточно интересным, даже сам факт обращения униатского священника с просьбой перейти под покровительство России, памятуя о латинизации православных, выглядел как возможность переменить ситуацию и даже открыть новые горизонты перед российской дипломатией. На этой волне И.А. Зиновьев мог поддержать рассуждения А.И. Нелидова, однако он не сделал этого и сосредоточил свой анализ на поисках минусов заманчивого предложения Бар Михаила. Среди минусов чиновник выделил следующие, как он выразился, «неудобства» для России.

Во-первых, И.А. Зиновьев обратил внимание на конфессиональную составляющую предложения: «В настоящее время покровительством нашим в Святой Земле пользуются лишь православные учреждения, которые мы, весьма часто с большим трудом, должны охранять от открыто враждебных посягательств иноверцев, в особенности католиков. Нигде религиозная нетерпимость не проявляется столь резко и, по временам, в

столь грубых формах, как в Святой Земле. Принятие под наше покровительство католического учреждения, в особенности такого, которое, как явствует из сделанного нам предложения, имеет между прочим целью “распространение католической церкви”, произведёт, без всякого сомнения, глубокое и весьма невыгодное для нас впечатление на православное население в Палестине, подаст повод к ложным толкам и поколеблет доверие к нам. Какими аргументами оправдываем мы в глазах православного населения столь несовместимый с традициями нашими шаг? Едва ли нужно говорить о щекотливом положении, в котором мы очутимся, если принятое под наше покровительство католическое учреждение окажется, – чего нельзя не предвидеть, – в столкновении с православными интересами, или если оно в самом деле станет деятельным центром католической пропаганды?»²².

Далее Зиновьев указывал: «Как хорошо известно, Католическая Церковь в течении последнего полувека одержала немаловажные успехи в ущерб Православию в Святой Земле. Целые группы православного населения поддались действию католической пропаганды и вступили в единение с Римской церковью. Напротив того, сколько мне известно, примеры воссоединения униатов с Православной церковью сравнительно весьма немногочисленны. Принятие Россией под своё покровительство католического учреждения может послужить косвенным поощрением унии. Колеблющиеся в православной вере арабы могут подумать, что отречение от веры отцов вовсе не так предосудительно, если Россия, вековая покровительница Православия на Востоке, считает возможным принять под свою защиту католическое учреждение»²³. В этой части рассуждения Зиновьева прозвучали аргументы обер-прокурора Святейшего Синода, который с большой осторожностью относился к подобным предложениям.

Во второй части своих рассуждений И.А. Зиновьев обратил внимание на политический аспект предложения, который, в свою очередь, также был неоднороден. Пре-

жде всего, чиновник напомнил, что «в силу трактатов, католики в Турции состоят под официальным покровительством Франции», и, соответственно, «наше вторжение в область влияния Республики будет для неё чувствительным ударом и неизбежно вовлечёт нас в столкновение с ней». Однако не страх перед Францией заставлял Зиновьева опасаться столкновений. Напротив, именно слабость Франции в регионе заставляла сотрудника российского МИД задуматься о последствиях столкновений. Он писал: «Хотя в последнее время покровительство это и утратило в глазах католиков, и в особенности униатов, своё прежнее значение, при всём том правительство Республики всеми силами старается удержать за собой принадлежащую ему на основании трактатов привилегию, утрата которой неизбежно повлечёт за собой полный упадок влияния Франции на дела Турции»²⁴.

Наконец, что для И.А. Зиновьева представляется более важным в политической части рассуждений, это возможный конфликт с турецким правительством: «Не подлежит сомнению, что такое вторжение встречено будет с непреодолимым предубеждением и Турецким Правительством и подаст ему повод заподозрить нас в каких-либо тайных замыслах. Сознывая всю важность поддержания наилучших отношений к России, Султан, тем не менее, далеко не доверяет нам и постоянно опасается, что влиянием нашим мы, при известных обстоятельствах, можем воспользоваться в ущерб интересам Турции»²⁵.

Суммируя названные «неудобства» для России при принятии предложения Бар Михаила, Зиновьев приходит в депеше к однозначному выводу: «Все эти соображения побуждают меня заключить, что удовлетворение изложенного в записке Бар Михаила ходатайства было бы несовместимо с нашими интересами»²⁶.

Давая следующее довольно категоричное заключение, И.А. Зиновьев мог руководствоваться мотивами, о которых он, естественно, не упомянул в записке. Так, очевидно обратил на себя внимание чиновника тот факт,

что предложение французом было сделано именно А.И. Нелидову, который до 1897 г. и представлял российские интересы на Ближнем Востоке, занимая должность посла в Константинополе. Александр Иванович, проработав в регионе в разных должностях более 20 лет, прекрасно знал конфессиональную и политическую специфику Святой Земли. В то же время А.И. Нелидову было свойственно нередко поддерживать авантюристические проекты (в 1896 г. он представил императору проект захвата Босфора русскими войсками). Поэтому план воссоединения униатов с православной церковью мог вполне восприниматься как очередная опасная авантюра, не имевшая под собой реальных оснований. Возможно поэтому, пересказывая слова А.И. Нелидова, Зиновьев обратил внимание, что посол высказывает предположение «с большой, впрочем, осторожностью»²⁷. С другой стороны, предложение Бар Михаила было подвергнуто критике обер-прокурором К.П. Победоносцевым, имевшим серьёзное влияние на решения императора в подобных вопросах.

В результате по вопросу о принятии под покровительство России католического учреждения в Иерусалиме чиновники МИД и Святейшего Синода сошлись во мнении отказать католическому священнику. Их мнение было разделено императором: «Его Императорскому Величеству благоугодно было признать справедливость высказанных Д.Т.С. Зиновьевым взглядов»²⁸. Таким образом, российские сотрудники МИД и Святейшего Синода, а вслед за ними и российское правительство в очередной раз выступили за сохранение status quo в палестинских делах.

Подводя итоги, следует заметить, что в целом на протяжении последнего десятилетия XIX в. российские чиновники фиксировали отдельные проявления религиозного противостояния на Святой Земле. Большинство из них было сосредоточено вокруг совместного использования Базилики Рождества Христова и представляли собой один длящийся десятилетиями конфликт. Чиновники констатировали, что весь XIX в. прошёл под знаком упрочения влияния католи-

ков в Палестине, причём проходило оно за счёт отступления позиций православия. Эти тенденции вызывали определённую тревогу у российских официальных лиц, что, в свою очередь, объяснялось и тем, что конфессиональные вопросы рассматривались исключительно в контексте политического соперничества на Святой Земле. Главным конкурентом российских интересов в Палестине чиновники традиционно видели Францию. Позиция же России в конфессиональных спорах 1888–1899 гг. не менялась и заключалась в сохранении status quo в религиозных вопросах. Это касалось и столкновений францисканцев и греков, и возможности принятия под покровительство католических учреждений.

Однако отношение к действиям Парижа и его представителей в библейских местах претерпевало эволюцию. Если в 1888 г. российский МИД спешил обратить внимание Петербурга на активизацию усилий Франции в борьбе за преобладание на Святой Земле, то уже в 1891 г. российский представитель занял сдержанную позицию, а в 1899 г. чиновники рекомендовали не ущемлять национальные интересы французов российской поддержкой греко-католиков. Поддержка этого status quo в палестинских делах в разные годы была обусловлена разным спектром причин. Если в 1888 г. осторожность в реакции на конфликт в Вифлееме была скорее отзвуком памяти о Восточной войне и страхом её повторения, то инцидент 1891 г. проходил под влиянием складывания русско-французского военно-политического союза. А в 1899 г., когда имперские чиновники ответили отказом на предложение Бар Михаила, они скорее думали не только о союзнических обязательствах в Европе, но и о смене расстановки сил на Святой Земле и месте Франции в новой ситуации.

Здесь обнаруживается разность отношений и к франко-русскому военному-политическому союзу, и палестинскому вопросу в частности. Французское правительство сознательно отделяло духовное соперничество с Россией в Палестине от общеевропейских

дел. Логика наращивания своего присутствия на Святой Земле, получившая дополнительный толчок после победы в Восточной войне, требовала усиления давления на православную Палестину. Что, собственно, Франция и делала всю вторую половину XIX в., вне зависимости от договорённостей в Европе. В России же этот союз с Францией рассматривали значительно шире. Небезосновательным в этой связи предстаёт тезис исследователя П.В. Мультигули, что значение некоторых стран Ближнего Востока (очевидно, и Палестины) «имело для России по отношению к великим державам подчинённый характер»²⁹. В целом можно отметить, что имперские чиновники в документах обер-прокурора Святейшего Синода констатировали, с одной стороны, активизацию усилий Франции для изменения status quo на Святых местах в свою пользу, с другой – этот процесс, по их мнению, к концу XIX в. подчёркивал общее ослабление позиций Франции в Палестине.

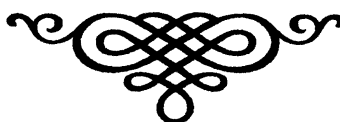
Упомянутые выше архивные дела практически не содержат позиций и реакции обер-прокурора К.П. Победоносцева по поводу религиозных столкновений христианских Церквей в Палестине, однако в архиве хранится и ряд других дел, проясняющих спектр оценок происходящих событий в Палестине высшими представителями Святейшего Синода. Не случайно реакция Синода следовала в тех вопросах, которые воспринимались в России скорее как внутренние, чем внешние. Одним из таких вопросов был вопрос школьный, однако это уже другая история.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 58. Отд. II. Ст. 3. Д. 295. По записке Министра иностранных дел касательно действий латинян в Палестине, направленных ко вреду Православия. Копия донесения Управляющего консульством нашим в Иерусалиме от 5 сентября 1888 г. за № 372 А.П. Беляева. Л. 2.

- ² Там же.
- ³ Подробнее см.: РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 205. Д. 607. Письмо Антонина, начальника Иерусалимской миссии митрополиту Леонтию о положении миссии. 17 апреля 1882 г.
- ⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Отд. II. Ст. 3. Д. 295. Л. 2.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Подробнее см.: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 318–324.
- ⁷ *Суворин А.А.* Палестина. СПб., 1898. С. 15.
- ⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Отд. II. Ст. 3. Д. 295. Л. 2.
- ⁹ *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М., 2013. С. 268.
- ¹⁰ Там же. С. 269.
- ¹¹ Новое время. 1 (13) июня 1891. № 5479.
- ¹² Там же.
- ¹³ Новое время. 2 (14) июля 1891. № 5509.
- ¹⁴ Новое время. 3 (15) июня 1891. № 5481.
- ¹⁵ Новое время. 13 (25) июня 1891. № 5490.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Цит. по: *Якушев М.И.* Указ. соч. С. 269–270.
- ¹⁸ Примечательно, что именно граф Монтебелло станет в 1891 г. послом в Петербурге и будет непосредственно участвовать в оформлении русско-французского союза.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 68. Отд. II. Ст. 3. Д. 314. По письму министра иностранных дел по вопросу о принятии под покровительство России католического учреждения в Иерусалиме. Секретная депеша Д.Т. Советника Зиновьева. Пера, 28 января (9 февраля) 1899 г. № 9. Л. 11.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 12.
- ²³ Там же. Л. 14.
- ²⁴ Там же. Л. 13.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Л. 13.
- ²⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 68. Отд. II. Ст. 3. Д. 314. Его превосходительству К.П. Победоносцеву. 4 марта 1899 г., секретно. Л. 10.
- ²⁹ *Мультипули П.В.* Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М., 2013. С. 19.

С.И. Марахонова

РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ И УЧАЩИЕСЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТОКИО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первым студентом-европейцем, окончившим Токийский императорский университет, был молодой русский – Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975), впоследствии ставший выдающимся учёным-япноведам. Летом 1912 г. он получил диплом Токийского университета, сдав выпускные экзамены на отделении японского языка и литературы историко-филологического факультета и защитив дипломную работу о замечательном средневековом японском поэте Басё. Выпуск Елисеева из японского университета тут же был отмечен в российском издании: «В токиоском императорском университете окончил курс Сергей Елисеев, 23 л., по факультету японской словесности. До сего времени ни одному европейцу не удавалось окончить японский университет. Оканчивали индусы и китайцы. Таким образом, С. Елисеев является первым европейцем, удостоившимся получить учёную степень “бунгакуси”¹. Учёная степень “бунгакуси” молодому учёному присуждена за литературную работу: “О поэзии Басио, великого народного поэта Японии”»².

Через два года, пройдя курс обучения в аспирантуре – Дайгаку-ин, летом 1914 г. Сергей Елисеев вернулся в Петроград, намереваясь продолжить образование на факультете восточных языков университета, а затем в каком-либо университете Европы. Этому не суждено было сбыться в связи с началом Первой мировой войны. После сдачи магистерских экзаменов С.Г. Елисеев в декабре 1915 г. стал преподавателем японских филологических дисциплин в университете.

Он служил также в ряде других исследовательских и учебных учреждений и состоял членом многих научных обществ Петрограда. Наряду с Императорским обществом востоковедения, Императорским русским

археологическим обществом, Императорским русским географическим обществом, Русско-Японским обществом, он был членом довольно «странного» объединения – «Общества окончивших университеты в Японии». Из этого следует, что факт получения высшего образования в Японии русскими не был единичным. Мы, к сожалению, обладаем некоторыми сведениями об этом только относительно самого Токио³.

Сергей Елисеев поступил в Токийский императорский университет в сентябре 1908 г. На своём факультете он был единственным иностранцем. Однако возможно, что одновременно с ним на других факультетах также учились западные студенты, но информация об этом очень скудна. Нам известно лишь о двух подобных случаях. Востоковед Д.М. Позднеев, находившийся в Японии в 1905–1910 гг., в письме Сергею Николаевичу (фамилия неизвестна) от 6 апреля 1909 г. упоминает некоего «студента Андреева, учащегося на третьем курсе медицинского факультета Токийского университета»⁴. Значит, тот должен был поступить в университет в 1906 г., на два года раньше С.Г. Елисеева. Об этом же Андрееве как о «русском студенте, учащим медицину в здешнем университете», пишет в своём дневнике за 11 (24) марта 1910 г. начальник православной миссии в Токио отец Николай (Касаткин)⁵. Он же сообщает, что 25-летний Андреев уже два года находится в связи с православной замужней японкой, т.е. живёт в Японии явно более двух лет.

В Дипломатическом архиве Токио отложилась переписка между российским послом Н.А. Малевским-Малевичем⁶ и министром иностранных дел Японии Комура Дзютаро⁷, относящаяся к сентябрю 1909 – апрелю 1911 г., о возможности обучения русских студентов в Токио. Письма написа-

ны по-французски, их немного. Есть также небольшая переписка Комура с другими японскими официальными лицами. Однако письма на японском языке трудно читаются, т.к. с тех пор язык претерпел значительные изменения. В этих документах упоминаются всего три русских имени – Моисей Бендерский, Трофим Макаров и учёный Василий Мендрин⁸. О Моисее Бендерском сказано только то, что он окончил гимназию во Владивостоке и хочет учиться в Японии, а отца его зовут Д.С. Бендерский, из Владивостока. Согласно другому архивному документу, в 1909 г. в Токийский императорский университет поступил некто Т.Н. Бендерский, окончивший гимназию во Владивостоке. Факультет не указан⁹. Но вот что существенно. В специальном издании «Список [студентов] императорского университета» по факультету литературы в 1908/1909 учебном году как поступивший значится Сергей Елисеев¹⁰. В списках за 1906/1907 по медицинскому факультету как студент I курса числится Николай Андреев из России¹¹. Однако имя Бендерского так и не появляется в списках ни за 1909/1910, ни за более поздние годы. Елисеев присутствует также в списках выпускников, а Андреев и Бендерский нет. На вопрос относительно Андреева ответил отец Николай. Запутавшись в своём любовном романе и попытавшись покончить с собой, Андреев по настоянию священника и, вероятно, матери, к которой отец Николай обратился с письмом, в феврале 1911 г. уехал в Россию¹². Таким образом, он не окончил Токийский университет. О Бендерском данных нет. Возможно, он был вольнослушателем и не получил диплом или, как Андреев, был отчислен.

Вызывает недоумение, почему Андреев, который был родом из Санкт-Петербурга, поехал через всю страну в Японию изучать именно медицину. Желаемую специальность он мог приобрести и в родном городе, и в других российских городах. К тому же для учёбы в Токио ему было необходимо сносное владение языком, правда, изучить японский в Санкт-Петербурге возможности были.

Желание Бендерского получить высшее образование в Японии (нам не известно, в какой области) вполне объяснимо, так как единственным высшим учебным заведением на российском Дальнем Востоке был открытый в 1899 г. Восточный институт во Владивостоке. Однако он готовил лишь востоковедов-практиков и офицеров-переводчиков. Что же касается начального знания японского, необходимого для учёбы в Токио, то в мужской классической гимназии, которая размещалась в одном здании с Восточным институтом и находилась в подчинении его директора, могли работать восточные языковые классы. Раньше, когда эта гимназия размещалась в другом месте, в ней был специальный китайский класс, упразднённый, однако, в 1895 г. Всегда существовала возможность брать частные уроки японского языка у проживавших во Владивостоке японцев или тех же студентов Восточного института.

Обучение студентов факультета восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета и Восточного института во Владивостоке японскому языку предполагало обязательную практику в Японии. Практика могла длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. Восточный институт был, вероятно, лучше обеспечен средствами на заграничные командировки студентов, и они имели возможность ездить на Восток каждое лето в течение четырёх лет обучения. Это было связано с тем, что почётный попечитель института, известный на Дальнем Востоке коммерсант А.С. Даттан, «относился с неизменной отзывчивостью к материальным нуждам института и, например, в 1912 г. из своих собственных средств сделал щедрый дар в две тысячи золотых рублей для пополнения средств для организации заграничных студенческих командировок»¹³.

Обычными были поездки во время летних каникул, когда студенты и офицеры-слушатели знакомились со страной изучаемого языка и совершенствовали японский, нанимая репетиторов из местных жителей. Обязательны были отчёты о командировках.

Первым таким «практикантом» в Японии был Павел Юрьевич (Георгиевич) Васкевич (1876–1958). Он поступил в Восточный институт во Владивостоке в первом его наборе в 1899 г., но главное, что он единственный из японистов-однокурсников дошёл до выпуска в мае 1903 г. и стал первым в России профессионально подготовленным японоведом. Летом 1900 г. и 1901 г. он посещал Японию, где собрал обширный «полевой» материал для своего студенческого исследования. 17 октября 1902 г. его научная работа была удостоена Золотой медали имени генерал-лейтенанта Н.М. Чичагова Восточного института¹⁴. Во время русско-японской войны Васкевич служил советником-переводчиком в дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева. Затем был управляющим русского консульства в Фузане (Корея), в 1911–1917 гг. – драгоманом посольства царской России в Токио. В 1917–1925 гг. Васкевич – консул в Дайрене. До конца дней прожил в эмиграции в Японии.

Воспоминания И.Г. Баранова сохранили для нас ряд малоизвестных имён японистов из числа студентов, учившихся в 1907–1911 гг. вместе с ним в Восточном институте. Из более старших студентов это Борис Воблый, который перед отъездом на Сахалин чиновником особых поручений был удостоен встречи с премьер-министром П.А. Столыпиным. Он поручил Воблому составить описание Сахалина, чего тот не сделал¹⁵.

Старшекурсниками были также Троицкий¹⁶ и М.С. Алексин, написавший выпускную работу по японским источникам и своим наблюдениям «Трепанг, его промышленное значение». Работа была опубликована в Санкт-Петербурге в 1912 г. М.С. Алексин стал крупным специалистом в области рыболовства¹⁷. В выпуске И.Г. Баранова единственным японоведом из гражданских студентов был Николаенко. Он подготовил выпускную работу на тему «Коммерческое образование в Японии»¹⁸. Для сбора материала эти студенты, несомненно, побывали в Японии.

В первой половине 1910-х годов Японию посетили (часто и не один раз) все начинающие русские японисты – студенты и выпускники Санкт-Петербургского/Петроградского университета, Практической восточной академии, Восточного института и, вероятно, ряд студентов из других учебных заведений с японскими классами. Среди них были Василий Мендрин (1866–1920), братья Олег (1893–1929) и Орест (1892–1970) Плетнеры, Николай Конрад (1891–1970)¹⁹, Николай Невский (1892–1937), Мартин Рамминг (1889–1988), Оттон Розенберг (1888–1919), Евгений Поливанов (1891–1938), Алексей Редников²⁰ и другие, чьих имён мы не знаем. Обычно они приезжали только на несколько летних месяцев, когда университеты были закрыты, и занимались сбором этнолингвистических данных для своих студенческих работ, а также улучшали знания в языковой среде. Иногда им удавалось получить консультации университетских профессоров. Е.Д. Поливанов, к примеру, смог поработать в фонетической лаборатории при Токийском университете, занимаясь изучением различных японских диалектов. Были и те, кому посчастливилось остаться в стране изучаемого языка на год или более. Но никто из них, кроме В.М. Мендрина, О.О. Розенберга, Н.И. Конрада, а в 1917–1919 гг. и Ореста Плетнера²¹, не имел возможности систематически совершенствовать свою японистическую подготовку в стенах японских высших учебных заведений.

Среди тех будущих японоведов, чья «практика» в Японии была длительнее, чем обычно, был Михаил Георгиевич Попов (1884–1930), офицер-слушатель (в отличие от гражданских лиц – студентов) Восточного института во Владивостоке. М.Г. Попов окончил Алексеевское военное училище в Москве и участвовал в русско-японской войне. В 1906 г. как боевой офицер поступил в Восточный институт на японско-китайское отделение с целью получения квалификации военного переводчика. Для военных в институте имелись специальные офицерские вакансии. За период учёбы Японию

он посетил дважды: в 1907–1908 гг. и 1908–1909 гг. Во время своей второй практики в Японии он познакомился с Сергеем Елисеевым и даже снимал с ним вместе жильё – просторный дом из семи комнат с садом. Дом находился рядом с Токийским университетом, около синтоистского храма в районе Бункё-ку Яёи 2-тёмэ²².

Правда, вместе они прожили недолго. Обидевшись на Елисеева за то, что тот слишком много занимался, а не гулял по Токио вместе с ним, Попов съехал и, видимо, нашёл себе другую компанию²³. Ничего не известно о том, в чём заключалась столь длительная «практика» Попова. Занимался ли он только с частными репетиторами-японцами, или же ему было разрешено посещать Токийский университет? Скорее всего, первое, так как получение разрешения было сопряжено с бюрократической процедурой, и, видимо, даже поступление в японскую аспирантуру не гарантировало посещения всех желаемых курсов. Так или иначе, М.Г. Попов прекрасно овладел японским и, в меньшей степени, китайским языками²⁴. Во время Первой мировой войны он находился в действующей армии и дослужился до чина полковника.

При советской власти Попов занимался секретной политической и дипломатической деятельностью, связанной с Китаем. В 1920-е гг. он преподавал японский язык и экономику Японии в Военной академии РККА и китайский – в Институте живых восточных языков (вскоре – Институт востоковедения). Судьба его сложилась трагически. Он был арестован 23 декабря 1929 г. по обвинению в шпионаже, масонской деятельности и участии в контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз». 13 августа 1930 г. был приговорён к высшей мере наказания и 17 августа расстрелян²⁵.

И.Г. Баранов не упомянул М.Г. Попова в числе японистов Восточного института, видимо, потому, что военные не часто общались с гражданскими студентами и жили в городе на частных квартирах, а не в общешитии. Зато Баранов зафиксировал Примеча-

тельный факт – в Восточном институте была студентка, и никто иная, как родная сестра М.Г. Попова. «Александра Георгиевна Попова, единственная будущая студентка нашего курса, прибыла из Астрахани, по окончании в России средней школы и во Франции какого-то учебного заведения»²⁶.

В 1911 г. в аспирантуру Токийского императорского университета поступил выпускник Восточного института Василий Мелентьевич Мендрин. В 1889 г. он окончил Алексеевское военное училище в Москве и проходил службу в Забайкалье. Уже в немолодом возрасте поступил в Восточный институт на японско-китайское отделение, но во время русско-японской войны был возвращён в действующую армию, поэтому в институте учился дольше обычного. В 1907 г. Мендрин был оставлен при институте для приготовления к профессорской деятельности по кафедре японской словесности. Вскоре он уехал в Японию: Г.И. Баранов писал, что «оставленный при институте Мендрин жил в продолжительной командировке в Японии, а 12.12.11 г. ходатайствовал о продлении ему командировки до 1 августа 1913 г.»²⁷.

В Японии, где в итоге Мендрин провёл около пяти лет, он приступил к переводу многотомной «Истории сёгуната в Японии» («Неофициальной истории Японии» – «Нихон гайси»), написанной в XVII в. Публикация первых шести книг, переведённых Мендриным, с его примечаниями и комментарием началась уже в 1910 г. в формате «Известий Восточного института» и продолжалась до 1915 г. Он написал учебник письменного японского стиля «Соробун. Анализ японского эпистолярного стиля», изданный там же в 1910–1914 гг. Ещё в 1904 г. в переводе Мендрины была опубликована одна из важнейших книг известного английского дипломата и востоковеда У.Дж. Астона «История японской литературы».

Весной 1911 г. В.М. Мендрин собрался поступать в аспирантуру Токийского императорского университета. В «Списке [студентов] Токийского императорского университета» за 1912–1913 гг. Мендрин значится

как аспирант отделения национального языка и литературы²⁸, а за 1911–1912 гг. данных мы не имеем.

В отличие от ситуации с Сергеем Елисеевым, когда Российское посольство отказало ему в помощи при поступлении в университет²⁹, создав этим молодому человеку лишние сложности, в судьбе Василия Мендрина большое участие принял российский посол Н.А. Малевский-Малевиц, хлопотавший за него перед японскими властями. Сохранилось следующее письмо Малевского-Малевица графу Комура от 20 марта (2 апреля) 1911 г.

«Посольство императорской России.

Токио.

Мой дорогой граф! Русский учёный Мендрин, который посвятил себя изучению японского языка и с этой целью уже три года живёт в Токио, обратился ко мне с просьбой получить для него разрешение посещать в Токийском императорском университете занятия профессоров филологии и права. Зная Мендрина как человека, преданного науке и безупречного характера, я прошу Ваше Превосходительство воспользоваться Вашими заслугами перед своим коллегой из Министерства народного образования, чтобы Мендрин мог быть принят в Императорский университет Токио для посещения вышеупомянутых занятий в течение нынешнего учебного года и также в следующем году. Примите, мой дорогой граф, заверения в моём самом глубоком уважении.

Н. Малевский-Малевиц

Его Превосходительству графу Комура, министру иностранных дел»³⁰.

25 марта Комура ответил российскому послу:

«Господин Посол!

Я постарался сразу же сообщить в Министерство народного образования содержание письма от 20 марта (2 апреля) 1911 г., которое Ваше Превосходительство направило мне по вопросу о желании Мендрина, русского учёного, быть допущенным к посещению занятий в Токийском императорском университете. Господин Комацубара только что сообщил мне, и я имею честь довести до

сведения Вашего Превосходительства, что было решено по его просьбе допустить Мендрина в Дайгакуин в качестве студента, изучающего литературу, в соответствии с правилами этого учреждения.

Примите, господин Посол, мои искренние уверения в моем глубоком расположении. Комура Дзютаро.

Его Превосходительству господину Н. Малевскому-Малевицу, послу императорской России»³¹.

По окончании аспирантуры Токийского университета В.М. Мендрин продолжил деятельность в качестве профессора Восточного института во Владивостоке и рекомендовал себя как один из крупных русских японоведов начала XX в. Когда в 1918 г. Восточный институт пришёл к своему распаду, учёный стал одним из организаторов на его базе Высшего политехникума и стал его ректором.

В упомянутом списке поступившим в 1912 г. в аспирантуру по специальности «Философия буддизма» значится О. Розенберг, вскоре ставший одним из ведущих буддологов России³². В 1910 г. Оттон Оттонович Розенберг окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, где изучал санскрит, пали, пракрит, китайский, японский, тибетский и монгольский языки³³, и был оставлен при кафедре санскритской словесности. Вернувшись в 1911 г. из командировки в Берлин, где он совершенствовался в японском языке, перешёл на кафедру японской словесности. В 1912 г. он был направлен на стажировку в Японию для изучения буддизма. Обучение в аспирантуре в Японии несколько отличалось от западного (и русского). Вот что пишет О. Розенберг об аспирантуре отцу 12 сентября 1912 г.: «...недавно я получил разрешение на доступ в так называемый Daigaku-in (буквально, «университетский зал», это то, что...у нас называется *belassen werden* [быть оставленным для приготовления к профессорскому званию, т.е. аспирантура – С.М.], только иностранцы должны платить 35 иен в год). Я могу теперь пользоваться университетской библиотекой и даже

самостоятельно подходить к книжным шкафам и брать книги – совсем как дома в Петербурге. Кроме того, я имею право слушать любые лекции»³⁴.

В реальности всё обстояло несколько иначе. «Я наконец-то получил мой библиотечный билет в Daigaku-in. Бумажная волокита здесь едва ли не больше, чем в Петербурге. Можно теперь пользоваться библиотекой, только, к сожалению, там не слишком много. О лекциях я уже писал. У меня есть официальное право и добрая воля господ профессоров помогать мне – в том случае, если у них будет соответствующая возможность»³⁵.

За четыре года пребывания в Японии О. Розенберг написал важнейший труд – два тома «Введения в изучение буддизма по китайским и японским источникам», а его первую часть – «Свод лексикографического материала» – ему удалось опубликовать в Токио в 1916 г. В том же году в Петрограде за эту работу ему была присуждена степень доктора японской словесности. Он стал приват-доцентом, а в мае 1919 г. профессором японской филологии факультета восточных языков Петроградского университета. Читал курсы лекций по истории религии и религиозно-философской литературе Японии и др. Был также помощником хранителя Этнографического отдела Русского музея, где разбирал буддийские коллекции, и научным сотрудником Азиатского музея, где работал над китайскими текстами из Дуньхуана.

23 октября 1919 г. О. Розенберг ушёл вместе с отступавшими от Петрограда войсками белых, но, оказавшись в Таллине, умер 26 ноября либо от осложнения скарлатины, либо от сыпного тифа, эпидемия которого тогда подкосила Северо-Западную армию.

Оттон Розенберг неизбежно должен был столкнуться в Дайгаку-ин с Сергеем Елисеевым и Василием Мендриным, которые, по-видимому, ввиду особенностей его характера очень ему не понравились. В письме к матери от 10 ноября 1912 г. он едко отзывался о них обоих: «Дорогая мамочка!.. Что касается обоих – Мендрин и Елисеева, то

первый окончил институт во Владивостоке, уже 4½ года пребывает в Токио, но весьма мало преуспел, в общем, не очень образованный бывший казачий офицер, кажется не вполне нормальным, поэтому его невоспитанностью в обществе не особенно возмущаются. Как-либо полезен мне он быть не может...»³⁶. Далее следует примерно такая же характеристика Елисеева.

Немало иностранцев обучалось в начале XX в. в других учебных заведениях Токио. В конце XIX в. в Токио в районе Киобаси была создана школа японского языка для иностранцев, директором которой стал Мацуда Исао, бывший профессор Высшей нормальной школы (т.е. школы, готовившей учителей японского языка – С.М.). О школе Мацуда следует сказать несколько слов. Школа имела своей целью обучение японскому языку тех иностранцев, которые намеревались работать среди японцев. Речь шла прежде всего о христианских миссионерах, а также секретарях Христианской ассоциации молодежи (Young Men's Christian Association) и родственных ей общественных учреждений, прибывших из стран Запада³⁷. Школа находилась под управлением начальника (Мацуда Исао) и Совещательного совета, который состоял из священников и профессоров из Великобритании и США. Член Совещательного совета священник Х.Х. Гай (Guy) так отзывался о её деятельности: «Я надеюсь, что всякая миссия в Японии, имеющая новоприезжающих миссионеров, признает нужным, чтобы они проходили в этой школе по меньшей мере один год, если же возможно, то два года. Это должно быть одобрено центральными миссионерскими учреждениями в Америке и в Англии»³⁸.

В школе Мацуда использовались почти полностью образовательные программы Совещательного совета, занятия проводились на английском языке. Существовали два разных курса – обыкновенный (регулярный), который был рассчитан на миссионеров и длился три года, а также специальный (нормальный) курс произвольной продолжительности, предназначенный для тех, кто

собирался стать учителем японского языка. Кандидаты в студенты должны были иметь рекомендательное письмо от лица, известного начальнику школы или членам Советательного совета.

Учебный год в школе Мацуда состоял из трёх триместров – с 1 октября по 28 июня. Программа обучения японскому языку начиналась с наиболее лёгких аспектов: разговор, чтение и перевод; грамматика и упражнения; письмо и диктант; заучивание наизусть. И только с третьего триместра первого года присоединялись такие предметы, как перевод с английского на японский; грамматика письменного языка; китайские иероглифы и их письмо. Курс японской литературы и сочинение на японском языке вводились на следующих курсах, затем предметы становились всё более сложными. У Мацуда Исао в школе, кроме него самого, были ещё двое, а фактически, четверо преподавателей³⁹.

Осенью 1905 г. в Японию прибыл бывший директор Восточного института Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937), ставший блестящим преподавателем и учёным в области японоведения и истории Китая. Позднеев окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду. Работая по Министерству финансов, в 1898–1904 гг. он служил в Пекинском отделении Русско-Китайского банка. В 1904–1905 гг. возглавил Восточный институт во Владивостоке после своего брата, выдающегося монголоведа А.М. Позднеева, первого директора института. Осенью 1905 г. он уехал в Японию в командировку, вскоре подал в отставку в Восточном институте и остался там до 1910 г. В середине ноября 1905 г. он прибыл в порт Нагасаки, а 24 ноября (7 декабря) через Кобэ добрался до Токио⁴⁰.

В 1905–1908 гг. Д.М. Позднеев состоял обыкновенным, или регулярным, учеником школы Мацуда. В 1906 г. он сдавал экзамен за первый год обучения и был единственным русским среди семи студентов. Остальные приехали из Америки (или Англии),

четверо из них были женщины. Д.М. Позднеев делал в школе Мацуда большие успехи. Священник Х.Х. Гай, принимавший экзамен, так отзывался о нём: «...В этом году г. Позднеев, русский, состоял в школе и установил как студент прекрасный рекорд. Нужно надеяться, что школа будет полезна деловым людям так же, как и миссионерам»⁴¹.

Однако поступление Позднеева в школу было связано не только с желанием овладеть японским языком. Для этого у него был репетитор-японец. Позднеев преследовал и другую, далеко идущую цель, – изучив на своём опыте систему преподавания японского языка для иностранцев в хорошо зарекомендовавшей себя школе Мацуда, подготовить первый учебник японского для русских учащихся на русском языке. Вот что он сам пишет: «Желая проверить на практике пригодность означенного курса, я состоял в школе Мацуда»⁴². В основу своей научно-педагогической идеи Д.М. Позднеев положил подход к преподаванию, принятый в японских начальных школах и, очевидно, в школе Мацуда. Он имел все основания считать этот подход правильным и эффективным: «Если в японских школах ныне грамотность преподаётся по особым пособиям, разработанным Японским Министерством народного просвещения, то нет сомнений, что цикл этих пособий, ведущих ученика от простейших понятий приготовительного класса до знаний кончающего курс гимназиста, составлен наиболее рационально»⁴³.

Таким образом, Д.М. Позднеев приспособил учебники японских начальных школ (хрестоматии для чтения, пособия по истории Японии и пр.) для русских училищ и гимназий, где вскоре начали открываться японские классы. Уже в 1907 г. он сумел издать в Токио первое такое пособие «Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке», ч. I. В 1908 г. в Йокохама вышла в свет часть II «Токухон». В том же году в России была опубликована «Программа начального изучения японского языка» (СПб., 1908) Д.М. Позднеева. Учебник Позднеева приво-

дил оригинальный текст по-японски, затем шла его транскрипция на латинице (ромадзи), русская транскрипция (не всегда), перевод и словарь. Эта система преподавания была опробована в школе японского языка при православной миссии в Токио⁴⁴.

В ноябре 1909 г. некто «Наблюдатель»⁴⁵, характеризуя деятельность Д.М. Позднеева, так оценил его вклад в дело распространения японского языка в России: «Сделать доступным русским учащимся изучение этих японских пособий и явилось ближайшей задачей Д. Позднеева, причем метод, принятый им за основание... открыл русскому учащемуся доступ в святая святых предмета, т.е. в психологию японской мысли, ибо переводимые книги составлялись для японцев японцами»⁴⁶.

Система преподавания японского, созданная Д.М. Позднеевым, очень быстро была внедрена в России. Газета «Россия» за № 1064 13 мая 1909 г. поместила заметку «О преподавании японского языка в России». В ней упоминается 2-я Санкт-Петербургская гимназия императора Александра I, в которой экзамен по японскому языку блестяще выдержали все пятеро учеников. «Гимназия Александра I в отношении преподавания японского языка является единственною не только в России, но и во всей Европе. Преподавание ведётся по учебникам проживающего в Йокохама профессора Д.М. Позднеева, носящим название “Токухон”»⁴⁷. Попов⁴⁸ в ближайшее время собирался открыть курс японского языка в 8 классе женской гимназии Ефросинии Суздальской. Пример Позднеева по переводу японских учебников тут же нашёл своих последователей: преподаватель японского языка гимназии Александра I Завадский-Краснопольский⁴⁹ перевёл на русский язык начальный учебник японской географии, а протоиерей русского посольства в Токио Пётр Булгаков (1861–1937) был в то время занят изданием начального учебника морали, преподаваемой в низших школах Японии⁵⁰. В дальнейшем Д.М. Позднеев использовал свои пособия во время преподавания японского языка в Практической вос-

точной академии в Санкт-Петербурге/Петрограде.

Благодаря Д.М. Позднееву нам стал известен состав русской колонии в Токио и Йокохама в 1908 г. Колония состояла из лиц, принадлежавших к посольству России и православной миссии. Никакие возможные студенты и учащиеся не указаны, хотя, начиная с 1907 г., в Токийском университете учился Андреев, а с сентября 1908 г. – С. Елисеев. Но об этом Д.М. Позднеев мог тогда не знать.

Помимо изучения японского языка и научной работы, он служил корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Под прикрытием этой деятельности по поручению военного агента (атташе) в Японии полковника Генштаба В.К. Самойлова занимался сбором разведанных. Вернувшись в Россию в 1910 г. и став к тому времени уже очень известным японоведом, до 1917 г. он преподавал в Практической восточной академии, затем – в Ленинградском институте живых восточных языков/Ленинградском восточном институте, Ленинградском государственном университете, Военной академии РККА в Москве. Был экспертом по Дальнему Востоку в советских и военных организациях и консультантом Музея этнографии. В 1937 г. Д.М. Позднеев был арестован по ложному обвинению и приговорен по ст. 58 к высшей мере наказания⁵¹.

Вернёмся снова к школе Мацуда для иностранцев. В Дипломатическом архиве в официальной переписке по поводу русских, желающих учиться в Японии, уже всплывало имя якута Трофима Макарова из Якутска⁵². Оказывается, он и сам написал письмо министру иностранных дел Японской империи графу Комура.

«...Якутское общество для вспомоществования учащимся якутам послало [меня] в Японию с целью изучения японского языка в школу Мацуда для иностранцев, для приобретения более или менее достаточных знаний, необходимых в будущем, предполагаемым ... [неразборчиво] и ином общении нашей несчастнейшей России с Японией, настолько меня заинтересовавшим, что я, не

страшась ни дали, ни чуждости ... [неразборчиво] страны и тех лишений и затруднений, которые могли постигнуть меня благодаря моей неучёности в материальном отношении на новом местожительстве, обуславливаемом тем, что упомянутое общество при всём своём желании, отправляя меня к Вам, не дало денег по скудости средств и отчасти не надеясь успешного результата моей поездки в Японию, ограничившись ассигнованием только прогонных денег на проезд в Токио ... [неразборчиво] я, проникнувшись единственной целью быть полезным своим единоплеменникам и служить примером якутам, отчаянно решаясь ехать в Японию. Ввиду всего этого вышеизложенного я прошу покорнейше Ваше Высокопревосходительство всякого содействия при достижении данной моей цели и, вошедши в крайнее моё критическое положение, дать возможность поступить в названную школу и назначить мне стипендию»⁵³.

Ответ графа Комура утрачен, но хочется надеяться, что упоминание Трофима Макарова в письмах за 1909–1911 гг. служит доказательством его поступления в школу Мацууда.

Так кто же, кроме Сергея Елисеева, мог состоять в «Обществе окончивших университеты в Японии»? Когда оно было создано и объединяло ли только жителей Санкт-Петербурга/Петрограда или и других городов России? К тому же его членами должны были быть не только востоковеды, к которым мы можем добавить О.О. Розенберга и В.М. Мендрину, а также представители других специальностей. Выявить этих людей – это большая работа на будущее.

Примечания

¹ Бакалавр словесности.

² Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. 1912. С. 300.

³ Автор сердечно благодарит Катитакэ Киэко, Мацубара Хитоси и Петра Подалко за прочтение документов на японском языке.

⁴ Отдел рукописей РНБ. Ф. 590. А.М. и Д.М. Позднеевы. Ед. хр. 117. Л. 258.

⁵ Дневники святого Николая Японского. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 5 (1904–1912). С. 631.

⁶ Малевский-Малевич Николай Андреевич (1856 – не ранее 1917) – дипломат. На службе в МИД с 1881 г. Способствовал урегулированию русско-японских отношений после русско-японской войны 1904–1905 гг. С июля 1908 до 1916 г. – посол России в Японии.

⁷ Комура Дзютаро (1855–1911), барон – японский дипломат. Министр иностранных дел Японии в 1901–1906 гг. и 1908–1911 гг. Играл видную роль в подготовке русско-японской войны и последующих мирных переговорах. Подписал Портсмутский мирный договор 1905 г.

⁸ Токио. Дипломатический архив. 3.10.5 4-3.

⁹ Там же.

¹⁰ Токио Тэйкоку Дайгаку Итиран. Список [студентов] Токийского императорского университета. Токио: Токио Тэйкоку Дайгаку. Издательство Токийского университета. 1908–1909 гг. С. 85.

¹¹ Там же. 1907–1908 гг. С. 55.

¹² Дневники святого. С. 718, 730.

¹³ Большой объём ценной информации о Восточном институте сохранили для нас воспоминания его выпускника 1911 г. Китаиста Ипполита Гавриловича Баранова (1886–1972) // АВ ИВР РАН. Ф. 153. И.Г. Баранов. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 15.

¹⁴ <http://khisamutdinov.ru/forum/viewtopic.php?p=28>

¹⁵ Б. Воблый после Сахалина преподавал русский язык в Японии, но после Октября 1917 г. решил вернуться на Родину. Однако о его жизни в СССР Баранов ничего не знал // АВ. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52–54. Борис Воблый упоминается в издании «Дневники святого Николая Японского». С. 322: «Пришло прошение от псаломщика Бориса Воблаго, кончившего курс Семинарии при церкви в ст. Пограничной Китайско-Восточной железной дороги; просится сюда на службу; тотчас же послал отказ: здесь нужны только миссионеры – молодые иеромонахи-академисты, а все прочие службы по Миссии и Церкви исполняются японцами» (от 23 февраля/8 марта 1906 г.).

Возможно, речь идёт о Воблом Борисе Ивановиче (2.08.1883–20.07.1956), участнике Белого движения, затем в эмиграции в США <http://xn--90adhkb6ag0f.xn--p1ai/arhiv/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-vo-vya.html>

¹⁶ Троицкий затем работал в должности крепостянского начальника в русском Приамурье,

эмигрировал в Канаду // АВ. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 60.

¹⁷ Хисамутдинова Н.В. От Восточного института – к Дальневосточному федеральному университету // Актуальные вопросы современной науки. № 7-1. 2009.

¹⁸ АВ. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 105-106.

¹⁹ Н.И. Конрад во время научной командировки в Японии в июле 1914 – июле 1917 г. слушал лекции по японской филологии в Токийском императорском университете // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1675. Н.И. Конрад. Оп. 1. Архивная справка.

²⁰ Студент второго курса Практической восточной академии, который летом 1914 г. вместе с братьями Плетнерами должен был посетить Японию «для практического усовершенствования в языке и для ознакомления с бытом страны» // РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 115. Л. 205.

²¹ Список [студентов] императорского университета. С. 5.

²² Курата Ясуо. Нацумэ Сосэки и легенда японоведения. Токио, 2007. С. 84–85; Кавагучи Хисао. Ветер из Дуньхуана. Т. 6. Люди, посещавшие Дуньхуан. Префектура Нагано: Мэйдзи-сёин, 2001. С. 142.

²³ Кавагучи. Указ. соч. С. 142.

²⁴ Баранов вспоминал, что «на японско-китайском отделении учащиеся продолжали изучать китайский язык, но более краткой программы, чем на других отделениях. Главное внимание они должны были обращать на усвоение японского языка» // АВ. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 106.

²⁵ Центральный архив ФСБ РФ. Р-40164, т. 6. // Цит. по: Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публ., вступит. статьи, коммент., указ. А.Л. Никитина. М., 2005. С. 260–274; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. СПб, 2003. С. 311–312; Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М: Памятники исторической мысли, 2000.

²⁶ АВ. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35.

²⁷ Там же. Л. 68 об., 69.

²⁸ Список [студентов] Токийского императорского университета. 1912–1913 гг. С. 6.

²⁹ От российского посла требовалось стать гарантом достойного поведения русского студента

в Японии. Однако Н.А. Малевский-Малевич занял свой пост менее двух месяцев назад, и Елисееву было отказано в связи с отсутствием прецедента.

³⁰ Токио. Дипломатический архив. 3.10.5 4-3.

³¹ Там же.

³² Список [студентов] Токийского императорского университета. 1912–1913 гг. С. 6.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45758. Л. 1, 2, 2 об., 5, 9, 10.

³⁴ Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: Изд. Степаненко, 2008. С. 450.

³⁵ Там же. С. 455.

³⁶ Там же. С. 466.

³⁷ РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 4. Б/л; Ед. хр. 117. Л. 13.

³⁸ РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 4. Б/л.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Дневник Д.М. Позднеева за 1903–1906 гг. // РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 12. Б/л.

⁴¹ РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 4. Б/л.

⁴² РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 117. Л. 13.

⁴³ Там же. Л. 321.

⁴⁴ Михайлова Ю.Д. «Познать Японию чрезвычайно сложно»: Дмитрий Позднеев о Японии и русско-японских отношениях // Известия Восточного института Дальневосточного госуниверситета. № 16. 2010. С. 26–41.

⁴⁵ Ю.Д. Михайлова справедливо полагает, что за этим псевдонимом мог скрываться Сыромятников Сергей Николаевич (1864–1933) – журналист, писатель и публицист, китаевед, сотрудник журнала «Новое время», редактор газеты «Россия». Работал в Китае и Корее, недолго был в Японии. Интересовался проблемами российско-го востоковедения, так как одну из причин поражения России в русско-японской войне видел в недостаточном знании Японии и японского языка. Состоял в переписке с Д.М. Позднеевым и был в курсе его работы над японскими учебниками, приспособленными для русских гимназий. Относился к этому положительно. По его предложению Позднеев писал очерки для «России» // Хохлов А.Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 218–219.

⁴⁶ РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 117. Л. 321.

⁴⁷ Там же. Л. 259.

⁴⁸ Весьма вероятно, речь идет о Попов-Тативе Николае Михайловиче (1883–1937), востоковеде, японисте, переводчике. В 1906 г. окончил специальные классы Лазаревского восточного института в Москве по отделению Ближнего Востока (арабский, персидский и турецкий языки). В 1910 гг. окончил курсы востоковедения при Обществе востоковедов по японскому отделению. Изучал также китайский и хинди (индустани). Преподавал в Практической восточной академии. В 1914–1917 гг. учёный секретарь Японского отделения Общества востоковедов. В 1920-е гг. преподавал в ряде восточковедных учебных заведений Москвы // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 496. Л.1. Curriculum vitae Н.М. Попова // Цит. по: *Никитина В.Р.* Дом окнами на запад: Воспоминания. М., 1996. С. 88, сн. 62. 10 декабря 1937 г. приговорён «за шпионскую деятельность и участие в террористической группе» к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день // *Люди и судьбы*. С. 313. В письме В.А. Завадскому-Краснопольскому (сн. 44) от 22 июля 1909 г. Д.М. Позднеев спрашивает: «Кто это г-н Попов... и действительно ли надеется он найти среди девушек лиц, интересующихся данным предметом?» // Цит. по: *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 221.

⁴⁹ Завадский-Краснопольский Владимир (Валериан?) Андреевич (1871 – не ранее 1936) – филолог-классик, востоковед-японист, педагог, преподаватель классических, русского и японского языков, русской литературы. Выпускник классического отделения историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1896 г.), в 1896–1905 гг. преподаватель 2-й гимназии в Санкт-Петербурге. В 1899 г. открыл частные курсы древних языков, а в 1905 г. – бесплатный курс японского языка. Преподавал японский и другие языки в ряде гимназий. В советское время, вероятно, преподавал в средних школах Петрограда/Ленинграда или Москвы // *Варнеке Б.В.* Старые филологи. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И.В. Тункиной // *Вестник древней истории*. 2013. № 4. С. 134. Очевидно, он первым в Санкт-Петербурге начал преподавание японского для детей и юношей.

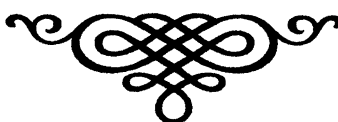
«В России нет ни одного учебного заведения, где бы русские мальчики с юных лет изучали язык самураев и постепенно овладевали им как родным. Этот пробел по собственному почину решил восполнить энергичный преподаватель 2-й Петербургской гимназии В.А. Завадский-Краснопольский, и на собственные средства этот человек идеи открыл бесплатные курсы японского языка. Курсы существуют уже четвёртый год и разделяются на две группы: старшую, где в настоящее время занимаются два воспитанника гимназии, и младшую (шесть гимназистов и один гардемарин Морского кадетского корпуса). Японский язык проходится по руководству ректора Православной семинарии в Токио И. Сэну-ма и по хрестоматиям Д.М. Позднеева и японского Министерства народного просвещения... Курсы Завадского, изучавшего постановку преподавания японского языка в Берлине, Париже и Лондоне, заслуживают особенного внимания» (Д.Г. Янчевецкий. Японский язык в С.-Петербурге // «Россия». 4 мая 1908 г.) // Цит. по: *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 222.

⁵⁰ РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 117. Л. 259.

⁵¹ *Михайлова Ю.Д.* Указ. соч. С. 26–41; *Подалько П.Э.* Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. С. 98–99.

⁵² По данным Орулуура Оруоса, Макаров Трофим Афанасьевич родился 20 мая 1887 г. в Батурусском уресе Якутской области, но жил в Иркутске. 9 ноября 1910 г. у него в доме при обыске были обнаружены документы тайного кружка якутских националистов «Независимые от русских», которые, недовольные усилением русификации и навязыванием им новых форм хозяйствования, выступали за присоединение Якутии к Японии. Этот кружок и направил своего члена Т. Макарова на учёбу в Токио, используя средства «Якутского общества для вспомоществования учащимся якутам»: <http://uhhan.ru/news/2012-02-27-5523> Автор ссылается на некие документы из Государственного архива Иркутской области, но не приводит их точные данные. Вопрос нуждается в проверке и доработке.

⁵³ Токио. Дипломатический архив. 3.10.5 4-3.

Вальдемар Шмидт

НЕМЦЫ С КАВКАЗА В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Исследование проблем заселения немецких колоний в Африке перед началом Первой мировой войны имеет важное историко-политическое значение для понимания развития этих территорий. Прежде чем приступить к рассмотрению этого процесса, следовало бы остановиться на ряде вопросов, которые стали актуальными для германских колониальных и правительственных кругов после упрочения позиций в этом регионе.

После того, как Восточная Африка попала под управление Германии, правительство начало рассматривать эту территорию как регион, подходящий для немецких переселенцев, в особенности её малообжитые районы. Идея о заселении северных регионов Восточной Африки переселенцами из Европы была высказана губернатором этой колонии фон Шеле (1847–1899)¹. Свои мысли по этому вопросу губернатор формулировал на основе сведений, полученных в ответ на многочисленные запросы к доктору Фолкенсу, руководителю научной лаборатории в Килиманджаро, о возможности заселения этого района европейцами. Получив конкретные положительные ответы, Шеле пришёл к убеждению, что северные районы колонии действительно являются благоприятными для заселения выходцами из Европы. Поэтому в 1893 г. он обратился с этим предложением к канцлеру фон Каприви², чтобы впоследствии дать возможность развиваться колонизации и переселению из Европы в эти районы, преимущественно для развития сельского хозяйства³.

Особенно остро этот вопрос стал ощущаться при организации переселенческого дела в северные районы Восточной Африки в 1890-е годы. Трудности заключались в том, что колониальные органы в Восточной Африке, несмотря на своё желание организовать масштабное переселение европейцев в колонию, не совсем точно представляли,

какими должны быть цели и задачи этих мероприятий со стороны центрального колониального управления⁴. Надо отметить, что у деятелей Германии, занимавшихся вопросами заселения этой колонии, имелись противоречивые точки зрения на использование при колонизации различных категорий европейского населения, что, в свою очередь, вызывало определённые трения среди представителей как правительственных, так и колониальных кругов.

Обсуждение данного вопроса в правительственных и колониальных кругах стало возможным именно тогда, когда в среде российских немцев возникла идея о переселении в немецкие колонии Германии в Восточной Африке. Подобная инициатива со стороны «восточных немцев» нашла определённый отклик и интерес прежде всего среди колониальных кругов.

Первые запросы о возможности переселения в Восточную Африку приходили в Германию от немецких крестьян из Бессарабии ещё в 1895 г. Они хотели переселиться по чисто экономическим причинам, к которым в первую очередь следовало отнести их обезземеливание в «материнских колониях». В связи с создавшимся экономическим положением в 1890-х годах они обратились к пастору Янке из Констанции (Румыния) с просьбой через его брата, служившего в управлении губернатора Восточной Африки, передать через фон Трота⁵ их прошение о переселении в Восточную Африку.

Фон Трота рассмотрел эту просьбу и на её основании предложил губернатору, а затем рейхсканцлеру рассматривать немецких крестьян из Бессарабии в качестве переселенческого контингента для заселения ими района западной Узамбары⁶. Выгодное географическое положение района западной Узамбары могло, по его мнению, способствовать упрочнению европейского влияния, а с другой стороны – содействовало бы созда-

нию долгосрочных немецких переселенческих хозяйств⁷. Помимо этого, фон Трота объяснял свою позицию тем, что заселение региона Узамбары могло бы в целом укрепить позиции Германии во вновь приобретённой колонии и её противостояние английским интересам в этом регионе.

Однако предложение фон Трота не было принято. 23 марта 1896 г. новый губернатор Восточной Африки Висманн⁸ отклонил идею фон Трота о переселении немцев из бессарабских колоний, обосновывая отказ тем, что ещё не всё известно о гигиенических и климатических условиях восточноафриканских колоний. Кроме того, к причинам, по которым губернатор Висманн отказался от плана фон Трота, можно отнести и то, что в северных регионах, куда предполагалось переселение немцев из Бессарабии, не имелось хороших путей сообщения, что, конечно же, должно было негативно влиять на сам процесс заселения этой части колонии⁹.

После назначения губернатором Восточной Африки Либерта¹⁰ вновь поднимается вопрос о заселении определённых территорий Восточной Африки переселенцами из Восточной Европы. Своё мнение губернатор Либерт подкрепляет возможностью использования опыта сельскохозяйственной станции Квай. Цель её создания сводилась к тому, чтобы исследовать земли западной Узамбары, пригодные для развития европейского земледелия и скотоводства. В результате её работы в восточноафриканской колонии были выявлены определённые районы, пригодные для заселения их европейцами¹¹.

Ограничение переселения из Германии в XIX в., которое также распространялось и на колонии, в действительности не представляло трудности. Единственно, что работало, — ограничение переселенческого движения в Бразилию по так называемому рескрипту Хейдче¹² от 1859 г., но, в сущности, мероприятия по переселению поддерживались государством.

В основном вновь организованная колония рассматривалась в колониальных кругах как неблагоприятная в климатическом отно-

шении территория¹³. Ещё перед началом переселения немцев из Российской империи в северные районы Восточной Африки был поднят вопрос, который оставался одним из самых острых в развитии колониальной и экономической политики Германии в этом регионе, а именно проблема создания так называемых мелких переселенческих хозяйств на основе европейских переселенцев. Этот вопрос широко обсуждался в немецком обществе, при этом высказывались различные мысли, которые в итоге сводились к одному: имперское правительство было заинтересовано в поощрении и развитии колонизации северных районов на основе использования труда крестьян из мелких немецких хозяйств Восточной Европы¹⁴. Развитие долгосрочного переселенческого хозяйства в северных районах колонии, по мнению организаторов этой политики, было возможно благодаря климатическим условиям, которые подходили для переселенцев из Восточной Европы¹⁵.

Перед началом переселения российских немцев в восточноафриканские колонии в немецком обществе и колониальных кругах также развернулась широкая дискуссия об использовании конкретных типов переселенцев, при этом учитывались: национальность, религиозная принадлежность, пол, состояние здоровья, образовательный уровень, наличие имущества и семейное положение. Все эти критерии должны были быть рассмотрены при отборе переселенцев в немецкие колонии в Восточной Африке¹⁶. В частности, существовало мнение, что без определённой финансовой помощи переселение немецкого элемента в эти колонии Германии невозможно¹⁷. До 1904 г. колониальные власти не предпринимали каких-либо конкретных шагов для использования переселенцев из Европы для своих колониальных мероприятий в этом регионе. Однако к началу переселения немцев из Восточной Европы были выработаны конкретная программа и задачи мероприятий колониального управления в Восточной Африке в решении колонизации северных регионов этой колонии¹⁸.

По решению колониального ведомства Германии для упрочения немецкого влияния в северных регионах предполагалось создавать при участии выходцев из Восточной Европы не мелкие, а крупные земледельческие хозяйства с сильными производительными силами, которые способствовали бы развитию хозяйственной деятельности местного населения. В 1905 г. в северные районы колонии, а особенно в район Килиманджаро – Меру была организована специальная экспедиция во главе с капитаном колониальной службы Шлобахом, который впоследствии высказал свои соображения относительно возможностей заселения этого региона европейцами. В частности, в своём сообщении по этому поводу он писал: «Луга западнее реки Мара исключительно благоприятны для развития скотоводческого хозяйства, а также для развития в этом районе европейской колонизации»¹⁹. Его сведения были подтверждены в докладе доктора Арнинга, прочитанном на заседании колониального конгресса в 1905 г.

Кроме того, Шлобах в своей докладной записке высказал также мысль, что строительство железной дороги способствовало бы более успешному проведению переселенческой политики²⁰. Для этой цели к концу 1905 г. Немецкое колониальное общество создало в Ессене специальный фонд, целью которого было субсидирование переселенческих мероприятий в районе Килиманджаро – Меру²¹. Возможность переселения европейцев в округ Килиманджаро – Меру стала реальной после создания в этом районе резервата для племён массаи. При этом немецкие переселенцы получили плодородные земли в этом округе²².

Анализ процесса переселения российских немцев в восточноафриканские колонии даёт основания говорить о существовании основного эмиграционного потока – немцев с Кавказа. Появление немецких переселенческих деревень на территории Кавказа было связано с особым указом императора Александра I, на основании которого в 1818 и 1819 гг. на территорию Грузии переселилось 500 швабских семей²³. Интерес

царского правительства к переселению немецких колонистов на территорию Кавказа был вызван прежде всего геополитическими причинами, так как Петербург искал возможности быстрее освоения этого региона и создания прочной границы между Российской империей и Турцией, а также Персией.

Кроме геополитических целей царизм видел в Кавказе также и важный экономический регион²⁴. В 1804 г. император Александр I принял решение о принятии немецких переселенцев из Вюрттемберга в этом стратегически важном регионе. В этом вопросе немаловажную роль играли также и родственные отношения императора Александра I с королевством Вюрттемберг²⁵. По манифесту Александра I от 1804 г. к переселению приглашались немцы из Вюрттемберга, Пфальца, Баварии и Гессена, но основной поток переселенцев шёл из Вюрттемберга²⁶. В результате переселения на территории Грузии было создано пять крупных немецких деревень, позднее возникли и другие немецкие колонии на территории Кавказа. В 1818–1820 гг. на территории Кавказа существовало уже восемь немецких колоний с общим числом населения 2500 человек²⁷. К началу XX в. число немецких колонистов в Грузии достигло 20 000 человек²⁸.

Уже во второй половине XIX в. территория Северного Кавказа превращается в один из самых популярных районов переселения из «материнских колоний», куда в основном переезжали поволжские немцы. Другой поток немцев – переселенцев на территорию Северного Кавказа происходил из причерноморских немецких колоний²⁹.

Большинство старых немецких поселений на Кавказе было организовано на так называемых государственных землях. Это означало, что у колонистов было немного возможностей покупать землю, которая бы считалась их собственностью. Цены на покупку и аренду земли к 1900 г. поднялись очень высоко. Поэтому во многих немецких колониях частым следствием безземелья был голод, что служило основанием для переселения.

Большинство семей, желавших переселиться в восточноафриканские колонии Германии, были выходцами из деревни Никколаевка на Северном Кавказе. Это сравнительно большое немецкое поселением находилось недалеко от Пятигорска. Оно было основано переселенцами из Поволжья, откуда они переехали в количестве 42 семей в 1834 г. Чрезвычайно острой проблемой для этого поселения было его перенаселение, поэтому в этом поселении часто был голод. Среди колонистов стали зреть мысли о переселении в Африку, Бразилию и Канаду³⁰.

В 1892 г. в Российской империи был принят специальный закон, по которому генерал-губернаторам было предоставлено право выдавать иностранным поселенцам бесплатные эмиграционные свидетельства для свободного переезда в другие страны. Кроме того, среди немцев Кавказа распространялись специальные брошюры и письма, агитирующие к переселению. Главной причиной выезда немцев из кавказских поселений явились слухи о раздаче германским правительством своим подданным в колониях в Восточной Африке земель на выкуп. О причинах эмиграции немцев с Кавказа писал в своих полугодовых сообщениях за 1906 г. миссионер Арно Краузе³¹ из евангелическо-лютеранской миссии в Нкороанге, что была расположена в Меру: «В июне мы получили сообщение, которое должно было послужить этапом в дальнейшем развитии отношений в районе Меру, что определённое количество семей уже выехало из России, чтобы поселиться в Меру, и что ещё большее число переселенцев находится в ожидании. Как мне известно, новые переселенцы с Кавказа. Причина их переселения – нестабильное положение, поэтому они решили поменять место своего проживания и переселиться сюда, чтобы найти здесь новую родину. Земля, которую им передаёт в пользование правительство – это прежде всего лесные и степные земли, которые являются резерватом для племён варо. В последующие дни в эти места должны прибыть первые переселенцы»³². Уже

после приезда переселенцев с Кавказа миссионер Краузе вновь писал о причинах, побудивших их к переселению в восточноафриканские колонии. В сообщении Краузе от июля – сентября 1906 г. даны не только разъяснения причин переселения, но и характеристика вновь прибывших переселенцев в округ Килиманджаро – Меру. «Ещё несколько слов о переселенцах, – писал Краузе. – Это немцы, которые с давнего времени жили на Кавказе. Один старик рассказывал, что его прадед родился в Саксонии и потом переселился в Россию. О Кавказе они рассказывали, что это прекрасная страна: вино, зерно и фрукты имеются там в большом количестве. Но условия, в которых они жили, были тяжёлыми. Земля, которую они обрабатывали, принадлежала не им, а государству, и налог, который они платили каждый год, был очень высоким. Следствием чего явилось то, что им очень мало оставалось, чтобы вести нормальное существование. Большинство из них так и осталось бедными. Кроме того, в месте, где они жили, было небезопасно. Татары крали лошадей, и никто не мог этому противостоять. В последнее время от населения начались угрозы по отношению к немцам. Если поближе познакомиться с этими людьми, то становится ясно, что они привыкли выполнять тяжёлую работу, да и здесь они не сидят сложа руки»³³.

Ещё в мае 1906 г. миссионер Краузе ничего конкретно не знал о контингенте переселенцев, хотя в письме директора евангелическо-лютеранской миссии в Лейпциге Шварца от 9 мая 1906 г. были упомянуты переселенческие планы колониального ведомства. В своём ответе на это письмо миссионер Краузе писал: «Вы пишете о переселении российских немцев и говорите о надежде, что этот план реалистичен. Я думаю, что об этом говорить ещё рано. Когда они действительно переселятся, то некоторые семьи переселенцев должны будут разместиться на общинных полях местного населения, которые пока ещё закрыты для поселения. Однако имеется достаточно других свободных земель в предгорных областях, хотя

они не все пригодны для переселения в плане их климатических условий»³⁴.

13 мая 1906 г. из Гамбурга отплыл первый транспорт переселенцев, который прибыл в Момбасу 18 июня. После двухдневного пребывания в Момбасе в помещении немецкого вице-консульства переселенцы были доставлены по железной дороге до станции Вой, откуда их забрал офицер санитарной службы, который их сопровождал до военного укрепления Моши. 1 июля 1906 г. из Моши переселенцы продолжили свой путь в сопровождении фермера Фрица Рихтера. В районе Кибошо, где находилась католическая миссия, переселенцев радушно встретил работник этой миссии Дюрр, который раздал переселенческим семьям продукты.

8 июля 1906 г. переселенцы достигли места их поселения, где к моменту их прибытия был построен временный жилой дом. О прибытии новых переселенцев в округ Килиманджаро – Меру писал в своём сообщении за июль, август, сентябрь 1906 года миссионер Арно Краузе: «Новые переселенцы, о которых шла речь в моём последнем сообщении, прибыли сюда 8 июля. Место, где должна строиться их переселенческая деревня, лежит на краю степи. Почти с уверенностью можно сказать, что они живут в области, свободной от высокой температуры»³⁵.

Далее Краузе сообщал: «В месяцах июне и июле, когда начинаются работы – это период высокой температуры в степи. Переселенцы прибыли слишком поздно, чтобы что-то посеять. Их посев кукурузы плохо растёт, потому что в этом году в августе и сентябре почти не было дождей»³⁶.

Практически территория, куда прибыли переселенцы с Кавказа, оказалась не обжитой, и многие из иммигрантов были разочарованы. Они ожидали от предпринятого ими мероприятия большего. В первую очередь, они думали, что получают в этом районе хорошую, более пригодную для сельского хозяйства и обработанную землю, а также готовые жилые дома. Они надеялись при усердной работе получать четыре урожая в

год. С другой стороны, переселенцы считали, что в течение десяти лет смогут разбогатеть. Многие из них утратили мужество и интерес к предпринятому делу, так как землю нужно было приводить в порядок собственными силами.

К тому же о возвращении обратно не могло идти речи, так как первоначально намеченное поселение находилось на расстоянии 250 км от близлежащей железнодорожной станции. Однако помощь, оказанная переселенцам в первые дни их пребывания в восточноафриканской колонии, укрепила их в правильности сделанного выбора. Кроме того, во избежание разрастания возвращенческих настроений инженер по строительству дорог Бюхнер предпринял попытку, с согласия Переселенческого комитета, показать переселенцам другие земельные участки, чтобы они смогли сформировать своё мнение и решить самостоятельно, в каком месте им больше нравится, и где, по их мнению, можно организовать поселение³⁷.

Их выбор остановился на месте, указанном Бюхнером. Оно находилось на высоте 1420 метров над уровнем моря и относилось к числу мест, свободных от малярии. К тому же оно оказалось гораздо более удобным, так как располагалось на расстоянии 1 часа от евангелическо-лютеранской миссии Нкароаганга и в 21 км от окружного центра Аруша³⁸.

На местном языке эта деревня называлась Леганга, но Переселенческий комитет дал ей наименование Лейдорф³⁹ – в честь инициатора и руководителя этого поселения Августа Лейе⁴⁰. 28 февраля 1907 г., по возвращении в Тангу после инспекционной поездки, Лейе сообщил председателю Переселенческого комитета Штрауху: «Поселение находится в хорошем состоянии. Все довольны. Мы можем и должны продолжать приём переселенческих семей»⁴¹. Уже 22 мая 1907 г. на заседании Немецкого колониального общества Август Лейе в своём докладе остановился на основных моментах в развитии нового поселения в округе Килиманджаро – Меру. Конечно, в докладе Лейе были отмечены определённые успехи, дос-

тигнутые в процессе формирования этого переселенческого поселения на основе российских немцев – выходцев с Кавказа. Он подчеркнул, что за короткое время переселенцы из Российской империи достигли определённых успехов, в основном в строительстве жилых домов. Завершая свой доклад, Лейе отмечал, что большинство переселенцев довольно своим экономическим положением. В данном регионе имелась хорошая земля, пригодная для возделывания многих сельскохозяйственных культур, а также для организации кофейных и каучуковых плантаций. Кроме того, здесь имелось достаточно водных ресурсов и пастбищных угодий. Оросительная система в этом районе была развита ещё до того, как Восточная Африка стала колонией кайзеровской Германии. Она была вполне работоспособна, причём каналы достигали протяженности в несколько километров⁴².

У немцев-переселенцев первоначально бытовало мнение, что колониальное управление удовлетворено тем, что получило их как важный элемент для заселения этих необжитых территорий. Кроме того, вновь прибывшие переселенцы считали, что «не все мосты разрушены», поэтому они думали, что германское правительство и Переселенческий комитет морально обязаны оказывать им дальнейшую помощь. После выбора земельного участка, на котором должно было возникнуть поселение переселенцев с Кавказа, инженер Бюхнер был вынужден провести конкретные землеустроительные работы и определить границы данного земельного участка, во избежание разногласий по этому вопросу в дальнейшем. Однако колониальное отделение при министерстве иностранных дел Германии отдало распоряжение, в котором говорилось, что не может быть речи о заключении договора о передаче земли в пользование вновь переселившимся, так как многие из них пока имеют упаднические настроения, поэтому в первое время подписание таких договоров маловероятно.

По итогам землеустроительных работ каждая семья первоначально получила 1,5

га земли, причём было также разъяснено, что на этой земле они должны строить только необходимые сооружения – жилые дома и хозяйственные постройки, которые нужны для поддержания их жизненного существования. Но уже к концу сентября 1906 г. каждая переселенческая семья имела в распоряжении 5 га земли, при её обработке использовалась наёмная рабочая сила. Многие переселенцы с Кавказа высказывали мысль, что здесь они действительно обрели надежду на будущее.

Однако проблема организации поселения переселенцев из России в восточафриканских колониях состояла в том, что у Переселенческого комитета не было конкретной точки зрения и конкретной программы по развитию типа хозяйственной деятельности переселенцев. По мнению Переселенческого комитета, переселенцы должны были развивать своё хозяйство только в одном направлении, а именно – ориентироваться на развитие кофейных плантаций. Как писал в своём исследовании Форстер, прибывшие переселенцы были в большей мере пригодны для развития в округе Килиманджаро – Меру земледельческого хозяйства. Эту идею Форстер обосновывал тем, что у переселенцев из России не было навыков организации плантационного хозяйства⁴³.

Форстер также отмечал, что у переселенцев в округ Килиманджаро – Меру были свои взгляды на развитие хозяйственной деятельности. Форстер считал, что переселенцев следовало рассматривать как контингент мелких крестьян с определёнными ремесленными навыками⁴⁴.

В первый год своего пребывания в округе Килиманджаро – Меру российские немцы вели мелкое крестьянское хозяйство, то есть они имели небольшое количество скота (свиней, кур), необходимого для поддержания повседневной жизни. В первый год они выращивали преимущественно земляной орех (арахис), но в основном они планировали развивать в Лейдорфе земледелие, т.е. выращивать зерновые культуры, в частности, пшеницу.

Относительно первого года пребывания немецких переселенцев с Кавказа интересны сведения, оставленные Паулем Самассой, который посетил поселение российских немцев Лейдорф в регионе Килиманджаро – Меру летом 1908 г. Это была специально организованная поездка для исследования вопроса о возможностях дальнейшей организации переселенческих участков в этом регионе. Самасса провёл там четыре недели, в течение которых он смог изучить сложившуюся хозяйственную ситуацию в мелком крестьянском поселении Лейдорф, в основном населённом российскими немцами – переселенцами с Кавказа. Самасса писал, что в первый год переселения организация переселенческой деревни в районе Килиманджаро – Меру была сопряжена с трудностями, в частности, с очень низким урожаем зерна, главным образом пшеницы⁴⁵. О сложностях другого характера, с которыми пришлось столкнуться переселенцам в первый год пребывания в районе Килиманджаро – Меру, писал миссионер Краузе: «Трудными для переселенцев являются и другие вопросы: где можно купить одежду и обувь, а также инвентарь для дома и полевых работ? В большинстве случаев прибывшие сюда европейцы привезли их из Европы, кто же желает это приобрести, должен платить высокую цену на побережье. Поблизости нет крупных городов. В Моши и Аруше имеются только маленькие лавки индийцев и гоанезов⁴⁶, и они предлагают в основном то, в чём нуждаются местные жители: дешёвые хлопчатобумажные ткани и жемчуг. Товары, которыми могли бы пользоваться европейские переселенцы: чашки, тарелки, мыло, кастрюли, обувь – всё очень дорогое и плохого качества. Заказ этих товаров связан с бумажной волокитой, что, конечно же, невозможно для переселенцев. Это связано с определёнными условиями, в первую очередь нужно лично встретиться с поставщиком, но таможенные правила не всегда просты»⁴⁷. Помимо вышеназванных трудностей Краузе в своём сообщении уделил внимание вопросу сбыта сельскохозяйственной продукции, с которым столкнулись переселен-

цы. По этому поводу он писал: «Трудным вопросом для переселенцев, без сомнения, является проблема: кому они должны продавать сельскохозяйственные продукты? Разве не правильно мнение, что переселенцы должны иметь достаточно для своего существования, они прежде всего должны иметь необходимые средства, чтобы увеличить количество скота, одеть себя и своих детей, обустроить свой дом и обновить сельскохозяйственный инвентарь, и всё это, как было сказано раньше, дорого. Этот вопрос может быть решён только тогда, когда будут улучшены транспортные возможности, т.е. когда будет построена железная дорога»⁴⁸.

В этом же сообщении миссионер Краузе пишет о том, что могло бы в действительности быть более продуктивным в развитии сельского хозяйства вновь прибывших переселенцев. Точнее, он высказал мысль о специализации переселенческого хозяйства в округе Килиманджаро – Меру, в смысле его ориентации на выращивание определённых видов сельскохозяйственных культур. По его мнению, более продуктивными сельскохозяйственными культурами в данном регионе могли бы стать земляной орех и каучук. При этом Краузе резко негативно высказался по поводу инициативы Восточно-африканского переселенческого комитета относительно развития кофейных плантаций. В частности, по этому поводу он писал: «Что связано с развитием кофейных плантаций в этом районе, то необходимо сказать следующее: это очень трудоёмкий процесс, для которого требуется определённый этап подготовительных работ»⁴⁹.

В своём отчёте окружной служащий в Моши Абель разъяснял, что план по «уровню обеспечения», т.е. средства, выделяемые окружным ведомством для обеспечения переселенцев, являются достаточными для семьи из пяти человек. Далее он оговаривал момент, что для многодетных семей по этому плану должны быть введены определённые надбавки, особенно для тех, в которых имелись маленькие дети. Завершая свой отчёт, Абель подчёркивал: окружное ведомство уверено в том, что при предложенном плане по обеспе-

чению поселение переселенцев из России Лейддорф будет существовать дальше.

После определённых трудностей при организации поселения Лейддорф в Берлин все-таки пошли положительные сообщения. В одном из них, написанных Абелем 13 сентября 1906 г. из Моши, говорилось следующее: «Сейчас переселенцы чувствуют себя нормально, и все они благодарны судьбе. Когда в середине августа я предложил им возможность бесплатного возвращения, они это предложение отклонили»⁵⁰.

Абель, однако, также писал о том, что если вновь возникшее поселение не будет достаточно субсидироваться, то в течение двух или трёх лет перед Переселенческим комитетом встанет необходимость вернуть русских немцев, как обедневших, обратно в Россию, и все до этого вложенные средства просто будут потеряны. Однако мысли, изложенные Абелем в сентябрьском отчёте о развитии переселенческой деревни Лейддорф, основанной переселившимися с Кавказа российскими немцами, не были приняты во внимание колониальным ведомством. Для успешного развития Лейддорфа были нужны не только денежные средства. В донесении, направленном ещё 28 августа 1906 г., о действиях, предпринятых в округе Килиманджаро – Меру, отмечалось, что: «Эта вторая возможность развития поселения в Восточной Африке [первая – буры. – *Авт.*] вызывает в определённых кругах большой интерес, который сводится к тому, что из этого мероприятия должно получиться что-то положительное... Важным фактором являются не только денежные средства, но прежде всего взаимоотношения переселенцев с местным населением»⁵¹.

Вновь назначенный служащий окружного ведомства в Моши Метнер дал общую благоприятную характеристику развитию поселения. В конце января 1907 г. он сообщал в Берлин: «На поставленный вами вопрос об ожидаемых успехах поселения могу сказать, исходя из своего посещения этого поселения и на основании сообщений других служащих, которые непосредственно находятся в служебных отношениях с рус-

скими немцами: можно вынести заключение, что данное поселение выглядит достаточно благополучным»⁵².

Успех переселения российских немцев должен был также признать и противник этого мероприятия, губернатор Восточной Африки фон Рехенберг⁵³, который отмечал в 1907 г., что эти люди очень прилежны. Несмотря на то, что их первый урожай был уничтожен насекомыми, они добились, что в этом году он был более богатым. Отрицательное мнение губернатора Рехенберга относительно поселения российских немцев можно объяснить тем, что оно в значительной мере основывалось на различных слухах, которые фактически не соответствовали действительности.

Метнер отмечал, что к этому времени, то есть к 1907 г., было обработано 20 га земли, которые использовались переселенцами. В течение года переселенцы из России культивировали больше земли, сделав её пригодной для обработки, чем буры, которые были переселены в этот округ раньше.

Метнер не относил переселившихся с Кавказа русских немцев к числу переселенцев, которые могли бы служить примером при дальнейшей колонизации данного региона. Но при этом он всё-таки признавал, что они очень прилежные работники. Метнеру удалось опровергнуть скептические точки зрения на возможность создания в округе Килиманджаро – Меру европейского поселения на основе переселенцев – немцев из Восточной Европы.

Подводя итог, следует отметить, что уже в первый год пребывания российских немцев, переселившихся с Кавказа, в округе Килиманджаро – Меру имелись определённые недоработки со стороны колониальных властей, которые проявились, прежде всего, в общей непродуманности данного мероприятия. С другой стороны, переселенцы из России оказались перед сложным выбором ведения хозяйства, так как Восточноафриканский переселенческий комитет настаивал на развитии не зернового хозяйства, а плантационного, в частности, на создании кофейных плантаций. Только благодаря терпению

и труду переселенцев поселение Лейддорф развивалось дальше.

¹ См. *Klossel, Hans*: Kleinsiedlung. Ein Beitrag zur Besiedlungsfrage in den deutschen Schutzgebieten // „Die deutsche Kolonien“. Monatsschrift des Deutschnationalen Kolonialvereins. VIII. Jahrgang, 1 (1909). S. 15–18.

² Георг Лео фон Каприви (24.02.1831, Шарлоттенбург, провинция Бранденбург – 6.02.1899, Скирени, провинция Бранденбург). С 20.03.1890 по 29.10.1894 г. был вторым (после Бисмарка) рейхсканцлером Германии.

³ *Zechlin, Edmond / Ruppel, Edith*: Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch-Ostafrika. Leipzig, 1944. S. 2; *Troll, Carl*. Koloniale Raumplanung in Afrika // „Das afrikanische Kolonialproblem“. Berlin, 1941. S. 12–16.

⁴ *Rohrbach, Paul*. Rückblick auf unsere koloniale Entwicklung im Jahre 1908/1909 // „Jahrbuch über die deutschen Kolonien“. Karl Schneider (Hrsg.). III. Jahrgang (1910). S. 21.

⁵ Адриан Дитрих Лотарь фон Трота (3.07.1848, Магдебург – 31.03.1920, Бонн). С 1894 по 1897 г. являлся уполномоченным генерал-губернатора Восточной Африки и одновременно командующим колониальными войсками.

⁶ *Zechlin, Edmond / Ruppel, Edith*. Op. cit. S. 3.

⁷ *Troll, Carl*. Weißer Siedlungsraum in Afrika // „Koloniale Rundschau“ XXVII. Jahrgang (1936). S. 440.

⁸ Германн Висманн (4.09.1853, Франкфурт-на-Одере – 15.06.1905, Вайсенбах недалеко от Линца). Исследователь Африки, офицер, колониальный служащий. С 8.02.1888 по 21.02.1891 г. рейхскомиссар восточноафриканских колоний. С 26.08.1895 г. по 3.12.1896 г. губернатор Восточной Африки.

⁹ *Wegener, Georg*. Das deutsche Kolonialreich. Potsdam, 1937. S. 135–136.

¹⁰ Эдуард Вильгельм Люис фон Либерт (16.04.1850, Рендсбург, Шлезвиг-Гольштейн – 14.11.1934, Чандте, Верхняя Силезия). С 1894 г. в чине генерал-майора был командующим колониальными войсками в Восточной Африке, в 1897 г. назначен губернатором Восточной Африки. В этой должности он усилил систему налогообложения, за что был в 1901 г. смещен с этого поста.

¹¹ *Barth, Chr.* Unsere Schutzgebiete nach ihrem wirtschaftlichen Verhältnissen. Leipzig, 1910. S. 23–24.

¹² Во второй половине XIX в. сокращается поток немецких переселенцев в Бразилию. Причинами этого были, во-первых, активная пропаганда в Германии против переселения в эту страну, а также принятый в 1859 г. так называемый рескрипт Хейдче с сильным ограничением переселения из Пруссии в Бразилию. Также одной из причин, ограничивавших переселение в Бразилию, стало плохое отношение к переселенцам со стороны властей Бразилии и обман при вербовке к переселению.

¹³ *Kolb, Georg*. Die Ansiedlung deutscher Landwirte in Deutsch-Ostafrika besonders dem Uhehe-Hochlande. Gießen, 1898. S. 30–32.

¹⁴ „Alldeutsche Blätter“. №11 vom 17.03.1906.

¹⁵ *Lignitz*. Produktion, Handel und Besiedlungsfähigkeit der deutschen Kolonien. Berlin, 1908. S. 67.

¹⁶ *Kundrus, Birthe*. Moderne Imperialisten. Das Kaiserreich im Spiegel seiner Kolonien. Köln; Weimar; Wien, 2003. S. 43.

¹⁷ Ibid. S. 52.

¹⁸ *Methner, Wilhelm*. Unter drei Gouverneuren. Breslau, 1938. S. 181.

¹⁹ *Paasche, Hermann*. Deutsch-Ostafrika. Hamburg, 1913. S. 413–414.

²⁰ Ibid. S. 415.

²¹ *Arning, M.* Die Besiedlung von Deutsch-Ostafrika // „Jahrbuch über die deutschen Kolonien“. Karl Schneider (Hrsg.). I. Jahrgang (1908). S. 144.

²² *Jahmles, Karl*. In der ostafrikanischen Steppe // „Aus Vergangenheit und Gegenwart der Leipziger Mission“. Heft 11 (1936). S. 7–8.

²³ *Büttner, Karl*. Die Auswanderung aus Württemberg. Stuttgart, 1938. S. 67.

²⁴ См.: *Springhorn, Daphne*. Deutsche in Georgien. Tbilisi, 2004. S. 24–25.

²⁵ Мать Александра I принцесса София Доротея Вюртемберг-Мемпельгард доводилась племянницей королю Вюртемберга Фридриху I.

²⁶ *Föll, Renate*. Sehnsucht nach Jerusalem. Zur Ostwanderung schwäbischer Pietisten. Tübingen, 2002. S. 100–101.

²⁷ *Fischer, Karl August*. Die „Kaukasische Post“. Leipzig, 1944. S. 100.

²⁸ *Rohrbach, Paul*. Abriß des Deutschum im Ausland und in den deutschen Kolonien. Leipzig, 1938. S. 18.

²⁹ *Fischer, Karl August*. Op. cit. S. 155.

³⁰ Ibid. S. 157–158.

³¹ Арно Краузе (20.08.1876, Эльбисбах, Саксен-Ангальт – 11.04.1968, Ольберенхау). В 1887–

1890 гг. обучался в гимназии в городе Гримм. В 1896 г. окончил гимназию с отличными оценками, поступил на теологический факультет Лейпцигского университета. 8.08.1899 г. Краузе делает попытку поступить на службу в евангелическо-лютеранскую миссию, знакомится с директором этой миссии Карлом фон Шварцем и принят миссионером для африканских колоний. В феврале 1902 г. Краузе совместно с Куртом Фикертом основал миссионерское поселение Нкоаранга.

³² Afrika Archiv, Leipzig (auf Microfiches), далее AAL. №142, F. 3. Nkoaranga. Stationsbuch I. 1901–1906.

³³ AAL. №143. F. 1. Nkoaranga. Stationsbuch II. 1904–1914.

³⁴ AAL. №370. F. 3. Krause, Arno (Pfarrer), 1899–1907. Personalien, Briefe, Berichte 1896–1974; Kissel, Klaus-Peter. Arno Krause. Tagebuch der Missionsstation Nkoaranga (Tanzania), 1902–1905. Leipzig, 2004. S. 122–123.

³⁵ AAL. № 143. F. 1. Nkoaranga. Stationsbuch II. 1904–1914.

³⁶ AAL. № 143. F. 1. Nkoaranga. Stationsbuch II. 1904–1914; Kissel, Klaus-Peter. Op. cit. S. 125.

³⁷ Zechlin, Edmond / Ruppel, Edith. Op. cit. S. 27.

³⁸ Округ Аруша являлся лучшим из переселенческих округов во всей колонии.

³⁹ Сегодня это поселение называется Леганга, или Нгоре Серо.

⁴⁰ Лейе, Август (1.10.1854, Дюльцен-при-Миндене, Вестфалия – 1922). Окончил высшую техническую школу в Ганновере. В начале 1880-х гг. примкнул к колониальному движению. Был секретарём общества немецкой колонизации, а затем секретарём Немецкого Восточноафриканского общества.

В 1887 г. организовал поселение Дар-эс-Салам и в 1888 г. ввёл там немецкое управление. В 1907–1919 гг. – представитель немецкого Восточноафриканского переселенческого комитета в Лейддорфе. Во время Первой мировой войны был выслан в Германию.

⁴¹ Zechlin, Edmond / Ruppel, Edith. Op. cit. S. 33.

⁴² Herzog, Jürgen. Geschichte Tansanias. Von Beginn des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart. Berlin, (Ost) 1986. S. 17–18.

⁴³ Förster, E.Th. Die Siedlung am Kilimandzaro und Meru // „Koloniale Abhandlungen“. Heft 12. Berlin, 1907. S. 9.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Samassa, Paul. Die Besiedlung Deutsch-Ostafrikas. Berlin, 1909. S. 65.

⁴⁶ В большинстве случаев индийцы католического вероисповедания, которые из португальской колонии Гоа (до 1962 г.) переселялись на Юго-Восток Индии.

⁴⁷ AAL. № 143. F. 1. Nkoaranga. Stationsbuch II. 1904–1914.

⁴⁸ AAL. № 143. F. 1. Nkoaranga. Stationsbuch II. 1904–1914.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Zechlin, Egmont / Ruppel, Edith. Op. cit. S. 30.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. S. 31.

⁵³ Георг Альбрехт Юлиус Фридрих Карл Мария фон Рехенберг (15.09.1861, Мадрид – 26.02.1935, Берлин). В 1905 г. по инициативе рейхсканцлера Бюлова назначен губернатором Восточной Африки. На посту губернатора Рехенберг проводил в колонии политику реформ, предложенных Деренбургом.

А.Я. Массов

ДОКУМЕНТЫ О РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АВСТРАЛИИ В АРХИВЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История становления и развития связей России и Австралии ведёт своё начало с 1807 г., когда Сидней – центр Нового Южного Уэльса, первой английской колонии на пятом континенте, посетил шлюп Российско-американской компании «Нева». В последующем, вплоть до начала XX в., порты Австралии посещали участники русских кругосветных и полукругосветных плаваний и корабли русской эскадры Тихого океана. После открытия золота в 1851 г. австралийские переселенческие колонии вступают в период бурного экономического роста, быстро растёт численность их населения. В Австралии появляется немало выходцев из Российской империи, к концу XIX в. обозначает себя, хотя пока и не принимает сколько-нибудь значительных размеров, русско-австралийская торговля, начинают налаживаться культурные и научные связи. Необходимость защиты интересов русских подданных, а также потребность в получении информации о внутривнутриполитическом развитии переселенческих колоний приводит к учреждению в Австралии российской консульской службы.

С 1857 г. в Мельбурне и Сиднее начинают работать нештатные вице-консулы, статус которых повышается в 1875 г. до нештатных консулов. В 1894 г. русское консульское представительство в Мельбурне было преобразовано в штатное, которое возглавил уже профессиональный дипломат. С 1902 г., через год после объединения в 1901 г. переселенческих колоний в Австралийский Союз, интересы России в этом новом британском доминионе стал представлять генеральный консул. Консульские отношения между Российской империей и Австралией поддерживались вплоть до русской революции 1917 г.

В настоящее время документальные материалы о политических аспектах отношений России и Австралии и деятельности российских консульских представителей в этой стране хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Они представляют собой один из наиболее значимых источников по истории становления и развития русско-австралийских связей во второй половине XIX – начале XX века. Их изучение позволяет судить о степени осведомлённости российских внешнеполитических ведомств о положении дел в австралийских переселенческих колониях и Австралийском Союзе, а также о степени вовлечённости российской внешней политики в процессы развития международных отношений в южной части бассейна Тихого океана. Наибольшее количество документов хранится в фондах 155 (II департамент, I–5), 184 (Посольство в Лондоне) и 256 (Генеральное консульство в Лондоне). Ряд документальных материалов, относящихся к периоду Первой мировой войны, удалось обнаружить также в фондах 134 (Архив войны) и 135 (Особый политический отдел).

Весь массив документов, в той или иной степени относящийся к австралийской тематике, условно можно поделить на два больших блока. Первый из них связан с активной деятельностью в 1880-е гг. Н.Н. Миклухо-Маклая, когда известный русский путешественник и учёный настойчиво пытался побудить Россию к участию в колониальном разделе Океании. Второй блок – донесения и делопроизводственная переписка российских нештатных и штатных консулов. Тексты донесений и служебная переписка нештатных консулов сосредоточены в фонде 256, поскольку они подчинялись российскому генеральному консулу в Лондоне. Штатные кон-

сулы и генеральные консулы подчинялись уже непосредственно российскому послу в Лондоне, но с начала XX в. нередко напрямую выходили и на II департамент (Департамент внутренних сношений) МИД, поэтому большая часть их донесений сосредоточена в фондах 184 и 155. Если российские консулы по служебной необходимости должны были обращаться в другие государственные ведомства России, копии их писем и обращений в обязательном порядке направлялись в российское посольство в Лондоне и ныне также представлены в фондах АВПРИ.

Попытки Н.Н. Миклухо-Маклая побудить русское правительство установить протекторат над Берегом Маклая в восточной части Новой Гвинеи, его намерение способствовать созданию русской сферы влияния в Океании и, наконец, добиться присоединения к владениям России одного из островов южной части Тихого океана с целью создания там русской колонии относятся к 1883–1886 гг. В АВПРИ документальные материалы, связанные с этой стороной деятельности русского учёного, отложились в делах фонда 155 (II Департамент, I–5)¹.

Усилия Н.Н. Миклухо-Маклая по активизации русской внешней политики в южно-тихоокеанском регионе, как и документы, отражающие эту деятельность путешественника, в целом уже известны российским исследователям. Письма Н.Н. Миклухо-Маклая императору Александру III, министру иностранных дел России Н.К. Гирсу и другим государственным и военным деятелям вошли в 5-й том шеститомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая². Опубликована также хранящаяся в различных архивах России часть переписки должностных лиц российских правительственных учреждений, связанной с попытками России вмешаться в развитие политической ситуации в Океании³.

Однако до сих пор анализ этого эпизода в истории российской внешней политики проводился в отечественной историографии либо с позиций изучения политической деятельности М.М. Миклухо-Маклая, либо с точки зрения возможной конфронтации Рос-

сии с Германией и Англией в случае вмешательства России в колониальный раздел островов тихоокеанского бассейна. Практически совершенно вне поля зрения исследователей остаётся «австралийский аспект» попыток России активизировать свою политику в южной части Тихого океана. Между тем в российских правящих кругах отчётливо осознавали, что именно австралийские переселенческие колонии являются инициаторами колониального раздела Океании и стоят за спиной попыток Великобритании расширить и укрепить свои позиции в этой части земного шара. В докладной записке российского Министерства иностранных дел о положении дел в южной части Тихого океана, направленной императору Александру III 18 декабря (ст. ст.) 1884 г., указывалось, что, наряду со стремительно нарастающим соперничеством Германии и Англии, «обостряется и соперничество... (этого не следует упускать из виду) не столько вообще английское, сколько специально австралийское и притом... пока более политического, чем коммерческого свойства. Для австралийцев, имеющих довольно дел у себя дома, важно не дать другим твёрдо засесть в разных непечатых уголках тихоокеанского бассейна и этим оберечь себя от опасного соседства»⁴.

Известно, что российское министерство иностранных дел обратилось к Н.Н. Миклухо-Маклаю с просьбой собрать и представить в МИД информацию о положении дел в Австралии и на островах Океании и при этом обратить особое внимание на политическое положение и военные приготовления в австралийских переселенческих колониях, которые проводились там в связи с серьёзным обострением в середине 1880-х гг. отношений Англии и России. Н.Н. Миклухо-Маклай ответил на поставленные ему вопросы в трёх обширных донесениях, которые, насколько можно судить по сохранившимся документам, изучались как во внешнеполитическом ведомстве России, так и в Морском министерстве⁵.

В конечном итоге попытка Н.Н. Миклухо-Маклая вовлечь Россию в колониальную

гонку в Океании успехом не увенчалась: в Петербурге вполне реалистично оценивали возможности Российской империи и справедливо посчитали предложения русского путешественника опасной авантюрой⁶. Вместе с тем инициативы Н.Н. Миклухо-Маклая, которые касались региона, уже превратившегося в арену внешнеполитической активности австралийских колоний, и о которых, кстати, хорошо знали в австралийских правительственных сферах⁷, стали, по сути дела, первым соприкосновением внешнеполитических интересов России и Австралии.

Гораздо больший массив материалов по истории русско-австралийских связей в фондах АВПРИ (как хронологически, так и тематически) относится к блоку документов, связанному с консульской деятельностью. Эти документы, в свою очередь, могут быть поделены на две больших и в известной степени самостоятельных части: донесения и переписка нештатных российских консулов в Мельбурне и Сиднее за 1857–1894 гг. и донесения и переписка штатных консулов в Мельбурне за 1894–1917 гг. Остановимся на характере и содержании этих документов подробнее.

Должность нештатных консулов занимали в Мельбурне житель столицы Виктории коммерсант Дж. Деймион (с 1857 по 1894 г.), в Сиднее – также местный житель и коммерсант Э.М. Поль (с 1857 по 1913 г.). Помимо представительских функций в их задачи входила, прежде всего, защита интересов русских подданных, которые в не малом количестве появились на пятом континенте после начала там «золотой лихорадки». Уже в 1863 г. мичман русского корвета «Богатырь» П.С. Муханов, побывавший вместе со своим кораблём в Австралии, отмечал, что «в Мельбурне трудно пройти по улице, не встретив кого-нибудь, говорящего по-русски», и указывал, что в городе «довольно много» поляков, немцев и евреев из западных российских губерний⁸. Консульские документы, хранящиеся в АВПРИ, свидетельствуют, что к 1891 г. в австралийских переселенческих колониях насчитывался 2881 эмигрант из России⁹.

В донесениях русских нештатных консулов в российское генеральное консульство в Лондоне и в переписке русских представителей с австралийскими властями содержится масса сведений об усилиях консулов по защите интересов российских подданных. Это и материальная поддержка бедолаг, оказавшихся в Австралии без копейки в кармане, и помощь в отправке писем или денег родным в Россию, и заверение и подтверждение всевозможных документов¹⁰. Очень часто приходилось оказывать юридическую помощь и вывозить из тюрем российских подданных, попадавших туда, как правило, за воровство¹¹. Среди русских подданных нередко оказывались моряки-финны, члены команд торговых кораблей, ходивших под русским коммерческим флагом и доставлявших грузы из Европы в Австралию. Чаще всего финские моряки обращались в консульство после крушения своих кораблей, когда экипаж оставался без средств к существованию и без крыши над головой. Консулы активно участвовали в размещении жертв кораблекрушений и подыскании для них новой работы¹².

Нештатные консулы должны были оказывать помощь командирам кораблей российского военного флота, которые посещали порты пятого континента в ходе учебно-тренировочных плаваний, а также при переходе кораблей русской эскадры Тихого океана из Балтики на Дальний Восток или в обратном направлении. Консулы содействовали закупке провизии и – в случае необходимости – организации ремонта кораблей¹³. Об их усилиях и готовности оказать «полное содействие к удовлетворению всем встретившимся нуждам» неоднократно писали в своих официальных отчетах о плавании командиры русских военных кораблей¹⁴.

Периодически нештатные консулы высылали в российское генеральное консульство в Лондоне статистические сведения о положении дел в экономике австралийских переселенческих колоний, особо отмечая при этом факты посещения портов Австралии русскими (финскими) торговыми суда-

ми¹⁵. Они же принимали участие в налаживании первых культурных и научных контактов между Россией и Австралией – например, в организации обмена научной литературой между Ормондским колледжем в Мельбурне и Дерптским университетом, в организации сотрудничества ботанических садов Петербурга и Мельбурна, помощи в пересылке в Петербург геологических материалов и карт, полученных от соответствующих австралийских ведомств. Документы АВПРИ содержат довольно много свидетельств о такого рода деятельности российских консульских представителей¹⁶.

Нештатный статус российских консулов не предполагал сбор ими информации политического характера, поэтому их донесения, хранящиеся в АВПРИ, почти не затрагивают политические аспекты развития австралийских переселенческих колоний. Однако Дж. Деймион, необычайно серьезно относившийся к консульским обязанностям и искренне любивший Россию, по своей инициативе собирал и пересылал в Лондон информацию политического характера. При этом он руководствовался собственными представлениями о значимости тех или иных политических вопросов для русского правительства. Так, в 1863 г. он передал в Россию материалы о новой, одобренной правительством Виктории, схеме обороны залива Порт Филлип¹⁷, в 1864 г. сообщал о мерах по усилению обороноспособности Мельбурна и отослал в Лондон обширную справку о развитии движения волонтеров в Виктории¹⁸. В 1864 г. в нескольких донесениях русский нештатный консул кратко останавливается на эпизодах войны с маори, которую англичане вели в это время в Новой Зеландии¹⁹.

Дж. Деймион также более или менее регулярно извещал генеральное консульство в Лондоне об антирусской пропаганде в Австралии польских эмигрантов, в частности, о деятельности в Мельбурне польско-австралийского комитета солидарности с восстанием 1863 г. в Польше, который возглавлял поляк-эмигрант С. Раковский²⁰. Эти документы представляют определенный интерес

не только в плане характеристики активности русских консулов, но и с точки зрения изучения истории польской диаспоры в Австралии.

К 1890-м годам ситуация в южной части бассейна Тихого океана существенно меняется. Некогда отдаленный регион активно вовлекается в орбиту мировой политики. Усиливается колониальная экспансия, растёт военно-морское присутствие Англии, Франции и Германии в Океании. В Австралии быстро развивается федералистское движение, итогом которого стало образование в 1901 г. нового британского доминиона – Австралийского Союза.

Это государственное образование, территориально охватившее собой целый континент, приступило к созданию собственных вооружённых сил и имело вполне сформировавшиеся внешнеполитические приоритеты и колониальные амбиции в Океании. Новые тенденции в развитии международных отношений и изменившиеся геополитические реалии в южной части бассейна Тихого океана настоятельно требовали расширения и укрепления там дипломатического присутствия России²¹.

Нештатное российское консульство в Мельбурне преобразуется в штатное, с 1894 г. его возглавляют сотрудники российского Министерства иностранных дел. В их задачи по-прежнему в полном объёме входит исполнение собственно консульских обязанностей, таких, как представительская деятельность, многообразная работа по защите интересов русских подданных, содействие развитию русской торговли с Австралией и помощь судам российского военного и торгового флота, посещающим порты Австралии. Вместе с тем теперь всё большее место в работе штатных консульских представителей занимает сбор и пересылка в российский МИД информации политического характера – о процессах внутривнутриполитического развития австралийских переселенческих колоний (после 1901 г. Австралийского Союза), о мерах по укреплению их обороноспособности, о первых внешнеполитических акциях австралийцев.

Таким образом, объём и содержание сведений, которые Петербург ожидал и получал от своих представителей в Мельбурне, выходили далеко за рамки собственно консульской деятельности. В этом плане задачи российских консулов в Австралии вполне могли быть приравнены к обязанностям русского консула в другой английской колонии, уже ставшей к тому времени доминионом, – Канаде. Вот как определялся круг его задач в инструкции российского МИД: «Этому консульскому агенту предстоит двоякого рода обязанности: с одной стороны, он является консулом в тесном смысле этого слова... а с другой стороны, ему надлежит исполнять обязанности политического агента, зорко следящего как за всеми видоизменениями, могущими произойти в отношении канадского правительства к метрополии... так и за настроениями самой страны»²². Усиление политической составляющей в работе русских консулов в Австралии в полной мере находит своё отражение в характере хранящихся в АВПРИ документов – как собственно в содержании донесений консулов, так и в заметно возросшем количестве переписки должностных лиц МИД, связанной с австралийской проблематикой.

Подробнейшая информация о внутривнутриполитическом развитии колонии Виктория содержится в документах консула А.Д. Путята. Он занимал свой пост недолго, всего 11 месяцев 1894 г., и скоропостижно скончался от обострения болезни почек. Однако за этот небольшой срок им было подготовлено и отправлено в Российское императорское посольство в Лондоне 33 донесения²³.

Анализ внутривнутриполитического положения австралийских переселенческих колоний продолжил консул Р.Р. Унгерн-Штернберг, работавший в Мельбурне в 1895–1898 гг. Он также уделял большое внимание экономической тематике. В АВПРИ хранится большое число авторских копий его донесений, направленных в департамент торговли и мануфактур Министерства финансов России. Консул освещал различные стороны развития австралийской экономики и финансов, сообщал о торговом балансе, оценивал пер-

спективы становления российско-австралийской торговли и предлагал меры для её активизации²⁴. Нельзя не признать – и переписка чиновников различных государственных ведомств служит тому подтверждением, – что в российских коридорах власти и организациях русских предпринимателей более чем прохладно относились к возможности развивать торговлю с Австралией.

И А.Д. Путята, и Р.Р. Унгерн-Штернберг в целой серии донесений останавливаются на развитии федералистского движения в австралийских колониях, однако довольно долго, вплоть до самого конца XIX в., российские представители в Австралии весьма скептически относились к возможности объединения переселенческих колоний в федерацию²⁵.

По специальной программе, разработанной Морским министерством России, консулы собирали сведения о портах и военноморских силах Австралии²⁶. В 1896 г. справку по этому вопросу, а также информацию о портовых сооружениях и каменноугольных станциях Австралии направил в МИД консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг²⁷. В 1900 г. задание такого рода получил консул Н.П. Пассек (работал в Австралии в 1900–1902 гг.)²⁸.

Из вопросов внешнеполитической направленности для современных исследователей истории колониализма в Океании может быть небезынтересна оценка русскими представителями попыток австралийских колоний вмешаться в решение вопроса о статусе Самоа и поддержать выдвинутое Новой Зеландией в 1894 г. предложение о замене трёхстороннего протектората над Самоа Англии, Германии и США протекторатом Новой Зеландии²⁹.

Пристальное внимание чиновников российского МИД привлекли сообщения Р.Р. Унгерн-Штернберга об острой оппозиции австралийцев наметившемуся в конце XIX в. англо-японскому сближению³⁰. В связи с заключением в 1884 г. англо-японского торгового договора в Австралии опасались как японской промышленной конкуренции, так и в ещё большей степени – на-

плыва японских иммигрантов на пятый континент, что противоречило тщательно соблюдаемой в переселенческих колониях политике «Белой Австралии». Естественно, что информация о трениях внутри Британской империи, объективно ведущих к ослаблению её влияния в бассейне Тихого океана, с интересом изучалась в России: материалы о позиции Австралии по отношению к Японии немедленно пересылались из российского посольства в Лондоне непосредственно в Петербург³¹.

Особое значение как источник русского происхождения для изучения истории Австралии и истории русско-австралийских связей имеют документы АВПРИ первых двух десятилетий (до 1917 г.) существования Австралийского Союза. Русские консулы (с 1902 г. их статус, как уже отмечалось, был повышен до генеральных консулов) в Мельбурне пристально всматриваются в процесс становления нового британского доминиона, анализируют интенсивную законодательную деятельность, имевшую целью юридически закрепить все стороны жизни молодого австралийского государства, исследуют проблемы его политического, социального и экономического развития. Н.П. Пассек переслал в российское посольство в Лондоне текст конституции Австралийского Союза и подробно рассказал о торжествах по поводу его провозглашения в 1901 г.³². Пришедший на смену Н.П. Пассеку М.М. Устинов (служил в Мельбурне в 1903–1906 гг.) анализировал в своих донесениях отношение Австралии и австралийцев к России в период русско-японской войны³³.

Все консулы останавливались на развитии – по их мнению, явно чрезмерном – демократических начал в общественной и политической жизни Австралии, отмечали – разумеется, с крайним неодобрением – необычайную силу и влияние австралийского рабочего движения и успехи австралийских лейбористов³⁴. Подробное донесение «Социализм в Австралии» подготовил и отправил непосредственно в Петербург М.М. Геденштром (генеральный консул в Мельбурне в 1908–1910 гг.)³⁵.

В чрезвычайно объёмистых донесениях М.М. Геденштрома серьёзно проанализировано внутреннее законодательство Австралийского Союза, его место на политической карте мира и перспективы развития. М.М. Геденштром первым из русских представителей в Австралии пришёл к осознанию того факта, что Австралийский Союз идёт по пути ослабления политических и военных уз с его британской метрополией, по пути обретения полного суверенитета. Этому, по мнению консула, способствует политика, нацеленная на создание собственного военно-морского флота, попытки обрести нового внешнеполитического покровителя в лице США, стремление утвердить исключительное австралийское влияние в юго-западной части бассейна Тихого океана³⁶.

Документы АВПРИ о деятельности российской консульской службы в Австралии позволяют проследить эволюцию двусторонних отношений Австралии и России. Во второй половине XIX в., в условиях крайне напряжённых отношений Англии и России, в Австралии доминировали страх перед «русской угрозой» и, по словам А.Д. Путяты, «наивное опасение, что Россия в будущую войну (с Англией. – А.М.), в близость которой все здесь почему-то твёрдо верят, непременно изберёт Австралию одним из пунктов своего нападения»³⁷. В 1908 г., через три года после неудачной для России русско-японской войны, генеральный консул М.М. Геденштром уже констатирует решительное изменение ситуации: страх, что «Россия имеет виды на Австралию... прошёл»³⁸, опасения у австралийцев теперь вызывают Япония и Германия.

Наряду с общеполитическими оценками русско-австралийских отношений в материалах АВПРИ можно найти немало сведений о состоянии и развитии связей России и Австралии в конкретных областях. Это информация о состоянии (по-прежнему весьма незавидном) русско-австралийской торговли и посещении Австралии русскими кораблями (большинство их принадлежало финским шкиперам)³⁹. Это материалы о содействии российских консулов становлению право-

славной общины и строительству первого православного храма в Австралии⁴⁰.

Большой интерес представляют документы о деятельности российских консульских представителей по юридической защите российских подданных. При этом речь идёт не просто о помощи в подыскании адвокатов, заверке юридических документов или переводе их с одного языка на другой, но и об активном участии консулов в судебных процессах, где, по их мнению, существовала опасность противоправных по отношению к русским решений. Так, в 1898 г. консул Р.Р. Унгерн-Штернберг вступил в переписку с австралийскими властями и предпринял решительные действия по пересмотру дела несправедливо осуждённого по обвинению в убийстве российского подданного финна Ю. Андерсена⁴¹. В 1910 г. генеральный консул А.Н. Абаза (занимал свой пост в 1910–1917 гг.) участвовал в защите русского подданного Б. Зенковича, также обвинённого в убийстве, которое этот юноша совершил, отбиваясь от сексуальных домогательств своего компаньона по путешествию в Австралию⁴².

Работа с соотечественниками, как временно прибывавшими в Австралию, так и с эмигрантами из Российской империи, поток которых на пятый континент в начале XX в. заметно увеличился, занимала всё большее место в деятельности российского консульского представительства и также отразилась в документах АВПРИ. Она усложнилась и не сводилась теперь только лишь к оформлению или заверке документов, помощи в решении наследственных дел, продлению паспортов и тому подобной консульской деятельности. После первой русской революции в Австралии в составе русской общины появилось немало эмигрантов-революционеров, бежавших из России от преследований царского правительства. Они продолжили свою революционную и пропагандистскую деятельность в Австралии, пытаясь радикализировать политические настроения в русской диаспоре.

Русские консулы (прежде всего, А.Н. Абаза) стремились не только осуществ-

лять статистический учёт прибывающих русских, но вести своего рода мониторинг господствующих в русской общине настроений. А.Н. Абаза направил во второй департамент МИД ряд донесений на эту тему, призывая обратить более пристальное внимание на «австралийских русских»⁴³. «Лишённые возможности своевременной поддержки со стороны отечественных властей, – писал консул, – многие русские принимают, даже против желания, австралийское подданство, между тем как другие – и таких сотни! – подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных, верноподданных переселенцев в ярых социалистов и анархистов»⁴⁴.

Отметим в этой связи, что под русскими понимались не только собственно этнические русские, но все подданные Российской империи. Так, консульские представители неоднократно оказывали помощь финнам, евреям и другим выходцам из Российской империи. В АВПРИ, например, хранится относящаяся к 1900 г. переписка консула Н.П. Пассека и генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Н.И. Бобрикова. В ней идёт речь о группе финнов в составе 125 человек, осевших в Квинсленде и оказавшихся в бедственном материальном положении. Финны были сагитированы «агентами с политической подкладкой» покинуть Финляндию и поселиться в Австралии, чтобы избежать службы в российской армии. Консул предлагал Н.И. Бобрикову продумать вопрос о том, как помочь финнам вернуться на родину⁴⁵.

Для усиления контроля над состоянием дел во всё более растущей русской общине российская консульская служба в Австралии к 1914 г. была заметно расширена. В АВПРИ хранятся документы начала XX в. о назначении нештатных русских консулов в Аделаиде, Порт-Пирри, Ньюкасле, Брисбене, Хобарте и других австралийских городах, переписка по этому вопросу с британским министерством иностранных дел и правительственными должностными лицами Австралии⁴⁶.

В годы Первой мировой войны российская консульская служба в Австралии принимала меры по оказанию поддержки австрийским славянам, которым, как гражданам воюющей с Австралией Австро-Венгрии, грозило интернирование. Консулы содействовали организации акций солидарности австралийцев с воюющим народом России. Эта деятельность также находит своё документальное подтверждение и отражена в фондах 134 и 135⁴⁷.

Таким образом, документальные материалы по истории русско-австралийских связей, хранящиеся в фондах АВПРИ, свидетельствуют о давней истории отношений между двумя странами и освещают многогранную деятельность российских консулов по их укреплению. При этом значимость и ценность «австралийских» материалов в АВПРИ определяется отнюдь не только наличием документов русского происхождения: донесениями консулов, их перепиской с австралийскими корреспондентами, аналитическими материалами, перепиской российских должностных лиц Министерства иностранных дел и других государственных учреждений России по вопросам, связанным с Австралией. Ценность документальных материалов АВПРИ заметно возрастает благодаря наличию в его фондах большого количества материалов австралийского происхождения. Это подлинники и копии писем, полученных российским консульством в Мельбурне от австралийских правительственных учреждений, частных предприятий или общественных организаций, многочисленные вырезки из австралийских газет и приложенные к консульским отчётам австралийские статистические справочники, брошюры публицистического содержания, афиши и тому подобные исторические свидетельства. Материалы такого рода представляют особый интерес для отечественных специалистов, изучающих историю Австралии, поскольку в российских библиотеках количество источников и документальных публикаций австралийского происхождения весьма и весьма ограничено.

В 2014 г. в издательстве «Международные отношения» был издан сборник документов «Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг.»⁴⁸. Он содержит более ста донесений российских консулов в Мельбурне и Сиднее, и, таким образом, часть документального наследия российской консульской службы на пятом континенте уже введена в научный оборот. Однако немалая часть консульских донесений, как и почти вся переписка должностных лиц по австралийской проблематике, всё ещё остаётся неопубликованной. А если судить по спискам донесений, которые обычно составляли сами консулы по завершении своей работы, всё ещё и не обнаруженной⁴⁹. Задачи розыска и введения в научный оборот документальных материалов по истории русско-австралийских связей стоят в повестке дня отечественных исследователей.

Примечания

¹ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 403. Д. 103, 104.

² Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. Письма. Документы и материалы. М.: Наука, 1996.

³ Назовём лишь часть из таких публикаций: Некоторые неизданные документы Н.Н. Миклухо-Маклая / Подготовила к печати Б.А. Вальская // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. Т. 78. Вып. 5–6. С. 561–574; Вальская Б.А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. // Страны и народы Востока. 1972. Вып. 13. С. 7–40; Неизвестный Миклухо-Маклай: Переписка путешественника с царствующим Домом Романовых, Министерством иностранных дел, Морским министерством и Императорским русским географическим обществом. М.: Русская разведка; Кучково поле, 2014.

⁴ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 403. Д. 104. Л. 44 об.

⁵ См. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. Письма. Документы и материалы. С. 409–413, 420–427, 432–442; АВПРИ. Ф. 155. Оп. 403. Д. 103, 104; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 410

(Канцелярия Морского министерства). Оп. 2. Д. 4155.

⁶ Подробнее см.: *Тумаркин Д.Д.* Белый папуас: Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Вост. лит., 2011. С. 323–332, 455–460, 473–490, 498–510, 516–541.

⁷ В феврале 1883 г. губернатор Нового Южно-го Уэльса А. Лофтус в своём письме министру колоний Великобритании лорду Дерби по поводу будущего Новой Гвинеи обращал внимание на «предложения, сделанные недавно русскому правительству неким бароном Маклаем-Миклухо... об аннексии Новой Гвинеи и учреждении военно-морской и угольной станции в непосредственной близости от Торресова пролива». См. *British Parliamentary Papers. Further Correspondence Respecting New Guinea*. [с. 3617]. London, 1883. Р. 124.

⁸ *Муханов П.С.* Австралия. Описание плавание в Австралию с историческим очерком её / Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608 (Помяловский И.В.). Оп. 1. Д. 3031. Л. 63.

⁹ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 34.

¹⁰ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1104. Л. 2 об.–3; д. 1146. Л. 4–6 об., 18; д. 1191. Л. 1–1 об., 4 об., 20–20 об.; д. 1264. Л. 27–28, 45–45 об., 47; д. 1279. Л. 120–120 об., 150; д. 1322. Л. 181–181 об.

¹¹ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 21–21 об., 44–44 об.; д. 1279. Л. 114–123.

¹² Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1104. Л. 9 об., 20–20 об.; д. 1146. Л. 11–14 об., 17–17 об.

¹³ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1191. Л. 3, 5–11; д. 1264. Л. 7.

¹⁴ См. Рапорт начальника отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала М.Я. Федоровского от 25 августа 1872 г. / РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3207. Л. 521.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1104. Л. 9–11, 22 об.; д. 1146. Л. 7–8 об., 10–10 об., 29–29 об.; д. 1147. Л. 3–4, 6–7; д. 1264. Л. 8; д. 1279. Л. 148–148 об.; д. 1322. Л. 176–176 об., 180, 183–185 об.

¹⁶ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1191. Л. 14–14 об., 21–21 об.; д. 1264. Л. 20, 25; д. 1279. Л. 114–114 об., 124–125, 151; д. 1322. Л. 3–3 об., 194–194 об.

¹⁷ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 29–43.

¹⁸ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1279. Л. 126, 130–143, 153 об., 155.

¹⁹ Там же. Л. 121 об., 147.

²⁰ Там же. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 45 об.; д. 1279. Л. 115–115 об., 117–117 об., 121 об.–122, 123–123 об., 126, 127, 151–151 об., 153.

²¹ *Олтаржевский В.П.* Начало деятельности российского консульства в Мельбурне (Австралия) // Проблемы истории Австралии и Океании. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. С. 29. См. также: *Олтаржевский В.П.* О первых российских дипломатах в Австралии // Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича. Воспоминания и научные статьи к 100-летию со дня рождения. Иркутск: Отгиск, 2002. С. 219–220.

²² АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 951. Л. 72–72 об.

²³ Донесения А.Д. Путяты сосредоточены в АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 692.

²⁴ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 779. Л. 63–65 об., 192–194; д. 820. Л. 66–69 об., 107–109 об., 113–113 об., 124–125 об., 140–142; д. 859. Л. 18–20, 27–31 об., 39–41 об., 56–59 об., 98–102, 118–120 об., 130–132 об., 151–153 об., 184–187 об.

²⁵ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 692. Л. 20–22 об., 98–98 об., 105–106 об.; д. 779. Л. 113–114 об.; д. 820. Л. 7–8 об., 170–172 об.; д. 859. Л. 134–136 об. Подробнее см.: *Массов А.Я.* Российские консулы в Мельбурне о развитии федералистского движения в Австралии и проблемах формирования Австралийского Союза (конец XIX – начало XX в.) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2014, № 13. С. 99–112.

²⁶ Тексты программы см.: АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 469. Л. 54–54 об.

²⁷ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 16. Отметим, что в Морском министерстве России были весьма удовлетворены полученными материалами, оценив их как «обстоятельный и ценный вклад» в имеющуюся информацию о военно-морских силах иностранных государств. См. РГА ВМФ. Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 2146. Л. 7.

²⁸ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 469. Л. 23–23 об., 56.

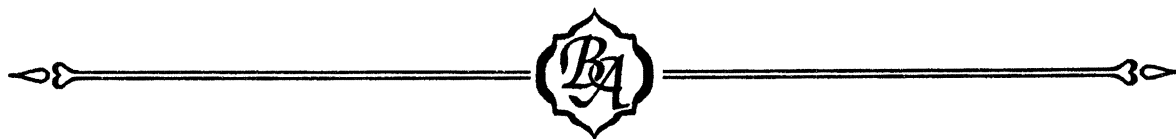
²⁹ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 692. Л. 59–62 об.

³⁰ См. там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 779. Л. 299–300 об.; д. 820. Л. 77–77 об., 141–142; д. 859. Л. 55.

³¹ См., например, АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 77–77 об.

³² Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 984. Л. 120; д. 1004. Л. 50–50 об., 134–136 об.

³³ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1155. Л. 2–4 об.; д. 1162. Л. 19–21.

³⁴ Там же. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1194. Л. 1–4; ф. 184. Оп. 520. Д. 692. Л. 17–18 об., 35–38, 83–84 об., 149–150 об., 171–172 об., 179–180 об.

³⁵ Там же. Ф. 155. Оп. 408. Д. 484. Л. 168–240.

³⁶ См. там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1037. Л. 98–101 об., 194–226 об.; д. 1300. Л. 76–82 об., 86–152 об., 153–176 об.

³⁷ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 692. Л. 14 об.

³⁸ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1300. Л. 77–77 об.

³⁹ Там же. Ф. 155. Оп. 408. Д. 171. Л. 9–18; д. 484. Л. 124–126, 340–342 об.; д. 905. Л. 49–53 об.; ф. 184. Оп. 520. Д. 692. Л. 56–58, 177 об.–178 об.; д. 779. Л. 51–52, 63–64; д. 859. Л. 28–29 об., 39–41 об., 152–153, 172–175; д. 951. Л. 250–252.

⁴⁰ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 859. Л. 163–170 об.; д. 1004. Л. 10–20.

⁴¹ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 1–93. Кампания по пересмотру дела Андерсена продолжалась два года, пока, наконец, в марте 1900 г. российскому моряку не была дарована амнистия.

⁴² АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1404. Л. 8–18.

⁴³ Там же. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1274. Л. 1–3 об., 5–10 об.; ф. 184. Оп. 520. Д. 1441. Л. 80–80 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1274. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 4–9 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1274. Л. 1–3; ф. 184. Оп. 520. Д. 1314. Л. 1–9; д. 1441. Л. 1–9; д. 1473. Л. 14–14 об., 18–18 об.; д. 1491. Л. 2–4.

⁴⁷ См. там же. Ф. 134. Оп. 473. Д. 142. Л. 61; ф. 135. Оп. 474. Д. 355. Л. 5, 8.

⁴⁸ Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. Сборник документов. Составители и авторы вводных статей и комментариев А.Я. Массов, М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. 352 с.

⁴⁹ Из списка донесений, составленного Р.Р. Унгерн-Штернбергом по итогам его пребывания на посту консула в Мельбурне, следует, что только из его донесений политического характера до сих пор не обнаружено больше половины. См. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 859. Л. 178–179.

Л.В. Зеленина

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТРЁХ ИЗМЕРЕНИЯХ

О книге путевых очерков Д.Н. Логофета «На границах Средней Азии»

Поздней осенью 1909 г. в Петербурге, в издательстве В. Березовского, вышли в свет три тонких томика, скромно озаглавленные «На границах Средней Азии. Путевые очерки в трёх книгах»¹. Книги недаром были опубликованы издателем, который специализировался на военной и военно-исторической тематике. Автором этого трёхтомника был полковник Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) Дмитрий Николаевич Логофет (1865–1922), к тому времени уже пять лет командовавший одним из отделений Аму-Дарьинской бригады ОКПС, в ведении которого была Пянджская пограничная линия.

Д.Н. Логофета вряд ли можно было назвать типичным представителем офицерского сословия. Да, он происходил из семьи, где служили все. Отец – отставной кавалерийский офицер, один брат служил в армии, второй – тоже в ОКПС. Сам Дмитрий Николаевич учился сначала в Орловском кадетском корпусе, затем в Киевском пехотном юнкерском училище, откуда выпустился в 1891 г. в чине поручика.

Однако на этом его образование не завершилось. Позже Логофет окончил курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД и Санкт-Петербургский археологический институт. Во время службы в Средней Азии ему пригодились полученные знания.

Статьи Д.Н. Логофета охотно принимали к печати журналы «Военный сборник», «Разведчик», «Туркестанские ведомости». «На границах Средней Азии» – первая (и достаточно объёмная) книга.

На первый взгляд, сюжет книги очень прост. Некая инспекционная группа, возглавляемая неким генералом, продвигается вдоль южной границы Российской империи. В состав группы входят неназванные офицеры, безымянный доктор и казачий от-

ряд сопровождения. Автор ни разу не упоминает фамилии своих спутников. Да и встреченные ими в пути люди – это капитан Н., штаб-ротмистр Р., есаул Н... Правда, если речь идёт о делах прошлых лет, особенно о несправедливо забытых событиях и людях, Логофет рассказывает о них очень подробно.

С первых страниц книги читатель погружается в атмосферу среднеазиатской полупустыни. Путникам не помогает даже то, что Красноводск, от которого начинается путешествие, расположен на берегу Каспийского моря. Естественных источников пресной воды очень мало, положение спасают опреснители, но всё равно ведро воды стоит не меньше копейки, – так описывает ситуацию в разговоре с автором один из жителей города. И это один из стилистических приёмов писателя. Он сравнительно редко приводит какие-либо факты в своём собственном, если можно так сказать, изложении. Чаще это будет чей-то рассказ, реплика в общей беседе, случайно услышанный отрывок разговора. Вообще стоит отметить очень хороший литературный язык Д.Н. Логофета. Он нашёл удачное сочетание живого, хотя и несколько пышного, стиля и почти топографически точного описания маршрута. К первому тому книги приложена подробная (масштаб 40 вёрст в дюйме) карта южной границы Российской империи, вдоль которой и лежит путь героев Д.Н. Логофета.

После недельного пребывания в Красноводске путешественники отправились на принадлежавшем Закаспийской бригаде пограничной стражи шлюпе «Адриан» на Петровскую Косу и остров Челекен. Описывая недолгое плавание, автор успевает изложить краткую историю этих мест, рассказать о рыбных промыслах, посетовать, что используемая при консервировании плохо очищенная горьковатая соль не даёт возможности

развернуть обширную торговлю... Но не всё так плохо: недавно пущенная «льдоделательная фабрика» позволила серьёзно расширить масштабы торговли мороженой рыбой; на Челекене активно развивается добыча нефти – к скважинам, принадлежащим братьям Нобель, недавно добавились скважины, пробуренные Московским нефтяно-промышленным товариществом. Вся нефть, добываемая на острове, танкерами («наливными судами») переправляется в Баку для дальнейшей переработки.

На Челекене путешественники провели некоторое время в гостях у геолога, который подробно рассказал им (и читателям) о геологических особенностях и истории острова, о том, что добываемая на нём соль практически вся вывозится в Персию. Торговые суда приплывают на южный берег Челекена, где есть удобная глубокая бухта. Там же сосредоточены корабли таможенной службы. В этой бухте путешественники поднялись на борт крейсера «Часовой», который должен был доставить их в Чикишляр. Несколько страниц посвящено истории крейсера, таможенному досмотру парусной лодки, идущей из Персии с грузом ячменя, исключительно живописной картине переправы с крейсера на берег. Из-за мелководья путешественники вынуждены по штормовому трапу спуститься с борта крейсера на парусную шлюпку, которая перевозит их, в частности, через линию бурунов – пенистых волн над прибрежными скалами, отделяющими открытое море от залива. В ветреную погоду рёв бурунов Чикишляра моряки слышат за тридцать вёрст...

После скал глубина залива резко уменьшилась, и путникам пришлось перебраться на гребную шлюпку. На ней они проплыли ещё около одной версты. А последние две версты своего путешествия они проделали на арбах: лошади брели по колено в воде, ни одна лодка не могла плыть на таком мелководье.

В 1879 г. Чикишляр предполагалось сделать опорным пунктом Ахалтекинской экспедиции. Была построена огромная пристань, проложены железнодорожные пути.

Однако оказалось, что Атрек, по которому предполагалось перевозить войска, слишком мелководен. Планы операции пришлось менять. От пристани остались уходящие далеко в море поломанные помосты, рельсы прожгавели, шпалы сгнили... Сегодня весь Чикишляр – это три десятка домов и православная церковь.

По пути к Гасан-Кули, куда пришлось добираться на повозке, запряжённой традиционной русской тройкой, путешественникам встречаются древние несторианские кладбища. Это даёт возможность автору очередной раз погрузиться в историю, припомнить легенду о пресвитере Иоанне, посвятить, что профессиональные археологи ещё не добрались до этого региона.

Известие о том, что рядом с Гасан-Кули живут прокажённые, становится поводом для рассказа доктора, входящего в инспекционную группу, об истории болезни, попытках лечения, рассуждениях о возможности создания лепрозориев.

И так построен весь первый том этих путевых очерков. К описанию неторопливого продвижения путешественников вдоль русско-персидской границы приложены созданные живым, образным языком картины природы (с описанием охоты и охотников) и геологической структуры горного хребта. Путешественники обсуждают проблемы древней истории региона, перспективы развития сельского хозяйства и промышленности... В текст удачно вплетено несколько местных легенд и преданий. Подробно изложена история Ахалтекинской экспедиции и покорения Геок-Тепе. Автор рассказывает о первых удачных попытках русского правительства разместить в Фирюзинской долине переселенцев из Европейской части Российской империи, прежде всего тех, кого привлекало обещанное им освобождение от воинской повинности. Так быстро возникло более двадцати русских поселений, где обосновались баптисты, штундисты, молокане и др. Среди переселенцев были не только русские. Большая часть баптистов – это немцы из Поволжья и с Кавказа. Они с трудом, но всё же приспособлялись к но-

вой для себя системе поливного земледелия, учились беречь воду. Поскольку близость к границе создаёт большой соблазн для контрабандистов, рядом с поселениями размещены кордоны пограничной стражи и каза- чьи сотни.

Д.Н. Логофет считает, что такую практи- ку желательно применять и на других терри- ториях в Средней Азии, но привлекать боль- ше православных, чтобы на них распростра- нялась воинская повинность. Надо сказать, что в Петербурге было много сторонников этого мнения. Поездка Д.Н. Логофета и его спутников относится к 1905 году. Девять лет спустя, в 1914 г., проехавший этим же маршрутом английский путешественник, корреспондент газеты «Таймс» Стивен Грэм отмечал, что вдоль Закаспийской железной дороги созданы десятки поселений, куда при мощной правительственной поддержке переселяются крестьяне из российского Не- черноземья и даже из Сибири².

В моём тексте очень часто для описания героев книги используется слово «путешест- венники». И это не случайно. Первый том путевых очерков Д.Н. Логофета по стилю и построению больше всего похож на книги Жюль Верна. Автор использует тот же лите- ратурный приём – путешествие некоей группы людей к определённой цели. При этом используются самые различные виды транспорта – это и пароходы, и повозки, и верховые лошади. И в ходе путешествия из- лагаются самые разные данные – история, география, геология, сельское хозяйство, промышленность, военное дело... Путники сталкиваются с экзотическими местными жителями, выслушивают их легенды и ска- зания, знакомятся с непривычными для себя обычаями. Иногда попадают в сложные си- туации – это может быть лесной пожар на горных склонах или внезапный разлив реки после ливня где-то высоко в горах... Не на- поминает, скажем, «Детей капитана Гранта» или «Вокруг света в восемьдесят дней»? А ведь это – краткое содержание «Персидской границы»!

Тональность книги меняется буквально с первых страниц второго тома – «Русско-

афганская граница». Книга начинается с описания того, как на Зюльфагарском по- граничном пункте в 200–300 шагах друг от друга по обе стороны границы стоят часо- вые – русский и афганский, каждый на сво- ём посту. Смотрят друг на друга – хмуро и жёстко.

Часто проводятся тренировки и учения солдат. Причём одновременно. Подчёркива- ется, что на афганском часовом ярко-крас- ный мундир. Английского образца.

В афганской армии служит много вете- ранов английских сипайских и бенгальских частей – и как инструкторы, и как младшие офицеры, и просто как рядовые. Они поль- зуются огромным уважением афганских солдат.

Далее путешественники направились к Кушке. Ярко описав свои впечатления от местности и климата, автор излагает исто- рию взаимоотношений Российской импе- рии, Афганистана и Великобритании. Потом следует исключительно подробный рассказ о присоединении Пендинского оазиса к Рос- сии, разъяснение запутанной ситуации с дворцовыми переворотами и проблемами престолонаследия в Афганистане, излагает- ся история крупных городов Афганистана.

Поездка к реке Мургаб даёт повод пут- никам поговорить о системе ирригации, ко- торая существовала в здешних краях в древ- ности и была разрушена во время нашествия Чингисхана. И о крайне неудачной попытке не восстановить часть этой системы, а соз- дать новую в последние годы; все труды привели только к появлению гигантских бо- лот и резкому повышению смертности от малярии. В то же время арыки, которые строят местные жители, прекрасно функ- ционируют и позволяют снимать с полей два-три урожая в год...

Освоение Средней Азии давалось Рос- сийской империи дорого. И дело не только в средствах, которые приходилось вкладывать в строительство железной дороги, обустрой- ство границы, развитие новых поселений, переселение крестьян из регионов, страдаю- щих от малоземелья. Рядом с каждой желез- нодорожной станцией, с каждым погранич-

ным постом – могилы погибших от болезней, повального пьянства, набегов бандитов...

Во всём Туркестане существует всего полдюжины учебных заведений для мальчиков, для девочек – ни одного. Дети офицеров, инженеров, путейцев оказываются в неприятном положении по сравнению со своими сверстниками из других регионов. Цены на многие товары выше, чем в Центральной России, и повышенные оклады офицеров и инженеров не спасают. Из-за отсутствия врачебной помощи любая болезнь может оказаться смертельной.

В целом тональность второй книги гораздо более жёсткая, чем первой. Намного больше внимания уделено проблемам внешней политики Российской империи, Большой Игры – всего хитросплетения международных отношений и геополитического соперничества Лондона и Санкт-Петербурга за влияние в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Кстати, очень подробно изложив историю взаимоотношений Афганистана и России, Д.Н. Логофет с горечью отмечает, что сейчас они находятся на таком же уровне, как в XVII веке, при Алексее Михайловиче.

Третья книга посвящена не столько обзору бухарско-афганской границы, сколько самому Бухарскому ханству. Это не удивляет: Бухарское ханство (так по традиции продолжали называть государство, с 1785 г. формально являвшееся эмиратом) с 1868 г. было протекторатом Российской империи.

И опять меняется авторская тональность. Конечно, как и тогда, когда речь шла о других регионах, здесь Д.Н. Логофет говорит и о древней истории, и достаточно подробно описывает средневековую Бухару, но всё-таки в основном его внимание уделено современному состоянию этого государства, перспективам развития и взаимоотношений с Российской империей в рамках существующих ныне условий.

У Бухары много проблем. Есть районы с плодородной землёй и обилием воды, но... Резкое повышение закупочных цен на хлопок привело к тому, что стали сеять гораздо

меньше зерновых. Цены на хлеб и фураж заметно повысились. Правительство Афганистана переманивает на свою сторону переселенцев. Им предлагают землю бесплатно и дают подъёмные – 100 рупий на семью. Через границу уходят целые деревни, в Афганистане их встречают специально организованными празднествами и пирами. Население Сарайской долины уже уменьшилось вдвое. У оставшихся не хватает рабочих рук на то, чтобы поддерживать в рабочем состоянии ирригационные сооружения. В долине Пянджа с населения в 1901 г. было собрано 15 тыс. рублей налогов, а в 1902 г. – меньше тысячи.

Несколько лет подряд посевы и сады уничтожала саранча. С ней даже не пытаются бороться.

Заметный ущерб здоровью местных жителей наносит терьяк – так в этих краях называют опий. Но... Курильщики опия платят за него по весу серебра – на одну чашку весов кладут серебряную монету, а на другую такое же по весу количество опия. Для местных властей опий – просто ещё один вид товара, за который уплачивается особый налог. Опий в основном поступает из Индии и Афганистана, но через границы Бухарского ханства его переправляют в Туркестан, Семиреченскую область и даже в Сибирь. А кое-кто из бухарских торговцев утверждал, что большое количество опия тайно доходит и до Нижегородской ярмарки...

Ещё одну опасность для мирной жизни и благополучия автор видит в распространении исламского фундаментализма (он использует термин «фанатизм»). Он напоминает, что в соответствии с принципами халифата главой всех мусульман мира формально считается османский султан. Во время паломничества в Мекку мусульмане из Российской империи сталкиваются с жесткой антирусской пропагандой.

Кроме того, на распространение среди мусульманского населения Российской империи, в первую очередь в Средней Азии, нацелено большое количество книг и периодических изданий на персидском языке, которые публикуются в Индии и Афганистане

английским правительством. Их также контрабандой переправляют через Бухарское ханство.

Ещё одну проблему Д.Н. Логофет видит в земельном вопросе. Подданные Бухарского ханства имеют право покупать землю на всей территории Российской империи, но подданные России такого права в Бухарском ханстве не имеют. А в восточной части ханства пустуют большие площади плодородной земли, когда-то обрабатываемой, но теперь заброшенной. По мнению автора, следовало бы законодательно решить этот вопрос.

Серьёзным упущением со стороны России автор считает тот факт, что русские промышленники практически не заинтересованы в какой-либо деятельности на территории Бухарского ханства. Богатейшие залежи полезных ископаемых — золото, медь, слюда, киноварь, драгоценные камни — можно добывать при минимальных капиталовложениях, но при слишком скудной информации о Средней Азии вообще и Бухарском ханстве в частности никто не желает рисковать своими финансами.

В целом Бухарское ханство, его история, современное состояние и проблемы развития настолько заинтересовали Д.Н. Логофета, что в последующие четыре года он издал несколько книг, полностью посвящённых этому государству³.

Книги замечательного исследователя и публициста Д.Н. Логофета остаются одним из самых интересных источников по Средней Азии и русской политике в этом регионе в канун Первой мировой войны.

Примечания

¹ Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки. В 3-х книгах. СПб.: Изд. В. Березовский, 1909. Книга I. Персидская граница. 245 с., ил., карта. Книга II. Русско-афганская граница. 208 с., ил. Книга III. Бухарско-афганская граница. 208 с., ил.

² Зеленина Л.В. «Русская Центральная Азия» накануне Первой мировой войны: взгляд из Англии // Первая мировая война в «восточном измерении». Сб. статей. М.: ИВ РАН, 2014. С. 82–101.

³ Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: Изд. В. Березовский, 1909 (современное переиздание: М.: Либроком, 2011); Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, 2. СПб.: Изд. В. Березовский, 1911; В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). СПб.: Изд. В. Березовский, 1913.

А.Е. Локшин

«СИОНИСТСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ПРИЗНАТЬ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ И ЛИКВИДИРОВАТЬ»

Из истории борьбы с сионистским движением в Советской России

Сионистская активность и идеология заявили о себе в имперской России ещё в начале 1880-х гг. Участники возникшего тогда палестинофильского движения, несколько тысяч молодых евреев, отправились в Палестину, на которую смотрели как на свою историческую родину. Благодаря их тяжёлому самоотверженному и многолетнему труду в Палестине или, как сами евреи называли эту землю, Эрец-Исраэль – Стране Израиля, появились еврейские сельскохозяйственные поселения, а позже и город Тель-Авив.

Новый сильный импульс раннее сионистское движение получило после проведения в 1897 г. в Базеле, в Швейцарии, Первого сионистского конгресса. Он прошёл по инициативе д-ра Теодора Герцля – венского журналиста, автора книги «Еврейское государство». На конгрессе было принято решение о создании Всемирной сионистской организации, основной задачей которой является создание «охраняемого публичным правом общежития для еврейского народа в Палестине»¹. Делегаты из России играли на конгрессе важную роль и составляли примерно одну треть всех участников.

Царское правительство в отношении сионистского движения занимало достаточно противоречивую позицию. С одной стороны, преследовало сионистов, особенно радикальное направление, партию Поалей-Цион. С другой – закрывало глаза на их деятельность, надеясь, что сионисты смогут организовать массовую эмиграцию евреев-трудящихся из России «без возврата»². На участие в революционном движении ремесленников и рабочих из еврейского населе-

ния власти смотрели как на силу, угрожающую устоям самодержавия.

Влияние сионистской организации в России значительно возросло после Февральской революции, особенно после обнародования британским правительством Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г., в которой правительство Его Величества выражало «сочувствие к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа» и обещало «приложить все усилия для содействия достижению этой цели»³.

После большевистской революции, по мере укрепления режима, сионистское движение становилось всё более неуютным новым властям. Начало репрессий по отношению к сионистскому движению на Украине относится к 1919 г. Однако в течение ряда лет позиция советских властей оставалась достаточно неопределённой. Даже в 1924 г. глава ОГПУ Ф.Э. Дзержинский писал: «Программа сионистов нам неопасна, наоборот, считаю её полезной...» А через год риторически вопрошал в записке своему заместителю В.Р. Менжинскому: «Правильно ли мы преследуем сионистов?» И сам же отвечал: «Я думаю, что это политическая ошибка... Надо пересматривать нашу тактику. Она неправильна». Ещё через два месяца, обращаясь к тому же Менжинскому, замечал: «Ведь мы... могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос поставить в Политбюро»⁴.

Сионистское руководство в России договорилось с советскими властями о проведении в апреле 1920 г. в Москве всероссийского сионистского съезда-конференции. Однако в последний день съезда все его делегаты были арестованы ВЧК.

Публикуемый ниже документ представляет собой «заключение», которое было составлено по результатам проведённого расследования по делу арестованных делегатов сионистского съезда. В нём уполномоченный секретного отдела ВЧК М. Бренер (сама по себе фигура достаточно любопытная, о нем см. сноску 39 в Примечаниях) обосновывает настоятельную необходимость борьбы с сионистским движением в Советской России и даже выносит – в духе формировавшейся в ту пору советской «правовой» системы – «приговор» ряду участников съезда.

Сам документ хорошо отражает атмосферу эпохи и особенно настроения в ударном отряде пролетарской диктатуры – ВЧК, а также нередко инспирировавшие её действия в отношении к не санкционированной властью активности Еврейской секции при ЦК РКП(б). Одна из копий этого секретного документа была направлена руководству Евсекции.

Сведения, которые сообщает Бренер, вместе с характерной для того времени риторикой и демагогией достаточно симптоматичны. Автор записки игнорирует начавшие бурно развиваться в ту пору различные течения и группы внутри движения социалистического сионизма, либо занимавшие просоветскую позицию, либо избиравшие третий, демократический, путь в своей деятельности, противостоящий как белым, так и красным. Невзирая на «приговор» Бренера, лидеры и активисты сионистской организации на тот момент были помилованы с условием, что дадут подписку об отказе от сионистской деятельности.

Копия публикуемого документа хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в фонде 17 (Еврейской секции при ЦК РКП).

Документ публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических и орфографических особенностей. В квадратные скобки вставлены пропущенные слова, буквы и раскрыты сокращения. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Копия в ЦБ ЕВСЕКЦИЙ РКП
Секретно

**Заключение по делу сионистов,
арестованных 23 апреля 1920 г.**

1920 г. июня 29 дня. Я, уполномоченный Секретного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии, закончив рассмотрение дела сионистской организации, начатое 23 апреля 1920 г. арестом негласной (! – *Авт.*) Всероссийской конференции⁵, пришёл на основании данных следствия, как то: показание свидетелей /тов. Серебренера, еврейского legionера⁶ из Палестины, не перешедшего на сторону красных после Английского десанта в Одессе⁷, и тов. Бирбрайера из Иркутска/, а равно и на основании результатов обысков, выемок в Петрограде, Москве и др[угих] городах и на основании ознакомления с официальными органами сионистской организации в России и за границей к заключению, что: «беспартийная, аполитичная», а тем более нейтральная сионистская организация есть фикция. Это было фикцией при царизме, когда русский сионизм со свойственной вообще лакейской угодливостью молил об успехе царского оружия – того самого оружия, при помощи которого расстреливались пионеры русского освободительного движения. Это оставалось такой же ложью при «демократическом» режиме Керенского, когда сионизм поддерживал травлю вождей революционного пролетариата, и еще БОЛЬШЕЙ ЛОЖЬЮ (выделено в тексте. – *Авт.*) это является в эпоху диктатуры пролетариата, когда сионистская организация, в силу социальной сущности входящих в неё групп, не может принять пролетарскую революцию, являясь фактически её жертвой. Характерной иллюстрацией в этом отношении служит тот факт, что при эвакуации в свое время из Царицына⁸, Харькова и др[угих] местностей Советской власти – сионисты оставались на местах, но удирали вместе с белыми, как только вступали в эти города победоносные красные войска. И это делалось в то время, когда они являлись ближайшими свидетелями волны

погромов и антисемитской агитации, так ревностно вдохновлявшейся и поддерживавшейся белыми генералами. Последнее обстоятельство важно – поскольку вскрывает перед нами «надклассовую» идеологию сионистов, о которой они не прекращают твердить.

Если Деникин со своими погромами⁹ для них приемлем, а Советская власть без погромов есть «контрреволюционное и антидемократическое явление» (см. «Еврейскую жизнь»¹⁰ № 1), то ясно, что перед нами выступает не группа лиц, «распинающихся за судьбу своего народа», а отъявленные враги пролетариата, которые в стремлении к своему капиталистическому «возрождению» не брезгуют никакими путями – даже путями, ведущими через истребление нации, какой характер носили деникинские погромы на Украине.

Если придерживаться точного смысла сионистских официальных докладных записок, к чему они так убедительно призывают, то нужно полагать, что одним из таких официальных документов является также устав Российской сионистской организации. В п. I «Устава» говорится: «Сионистская организация в России входит в состав Всемирной Сионистской Организации», – и разумеется само собой, что первая, как составная часть, подчиняется директивам целого. А что такое представляет это целое – эта Всемирная Сионистская Организация. Здесь мы ограничимся лишь фактической справкой. Ллойд-Джордж¹¹ обратился через английское посольство в Дании к сионистскому бюро в Копенгагене с официальным письмом, в котором предлагает Всемирной Сионистской Организации представлять еврейский народ в Лиге Наций¹². Этого сионисты уже давно добиваются, и если они ещё не приняты, то отнюдь не по их вине.

В «Еврейской жизни» от 16 апреля мы находим резолюцию, из которой видно, что даже радикальнейшие из сионистов, т. е. Соц[иал]-Дем[ократическая] Раб[очая] партия (Поалей-Цион)¹³ на своём II съезде в Филадельфии настаивали, что[бы] еврейский народ вошёл как самостоятельная единица в Лигу Наций. Фактом же приглаше-

ния Ллойд-Джордж показывает, что у него нет оснований (рукописная правка. – *Авт.*) в приглашении сионистов сесть с ними рядом в Лиге Наций (так в документе. – *Авт.*).

В том же уставе Российской Сионист[ской] организации мы находим примечание к п. 4 в главе «О съездах организации», в котором говорится буквально следующее: «Помимо делегатов на съезде участвуют с правом решающего голоса и директора БАНКОВ» (выделено в тексте. – *Авт.*). Не трудящиеся, не рабочие, а директора-бандиты, директора банков творят политику сионистской организации. Здесь приходится сказать, что с тех пор, как на арену революционной, классовой борьбы совместно с Всероссийским пролетариатом выступил еврейский рабочий, он встретил в своей борьбе в лице сионистских организаций своего классового противника – еврейскую буржуазию.

В противовес классовой идеологии пролетариата и его интернационалистических методов борьбы, сионизм выставил лозунг национального единения, основанного на общности вековых страданий для всех групп и классов еврейского народа как целого и неделимого.

К сожалению, ещё и ныне, когда в России проведена диктатура пролетариата, когда все буржуазные организации закрыты и их влияние совершенно парализовано – еврейская буржуазия в лице сионистской организации торжествует ещё до сих пор и продолжает распространять своё разлагающее контрреволюционное влияние на еврейские трудящиеся массы.

В своём стремлении к своему идеалу сионисты не могут, конечно, опираться на трудовые элементы, но, идя проти[в] них и творя своё злое дело в союзе с клерикалами, они, с другой стороны, стараются отвлекать еврейские трудящиеся массы от революционной борьбы. Это было прекрасно понято царской реакцией, проявивш[ей] большую толерантность по отношению к сионизму. Плеве в своё время, после посещения его Dr. Герцлем, распорядился не преследовать сионистов (рукописная вставка. – *Авт.*)¹⁴.

Политика сионистов в Палестине и их стремление к созданию Государства в Палестине зиждется на самом ярком нарушении всех принципов национальностей даже в худшем толковании этого понятия и построено исключительно на порабощении арабов, живущих в Палестине, чего по необходимости сионисты и сами не скрывают. «В отношении Палестины, – читаем мы в одном из официальных органов сионистской мысли, – мы должны выступить с требованиями, не сочетая их и не соразмеряя их с другими национальными элементами страны» (Палестины), и «на Палестину еврейский народ имеет право предъявлять требование, которое не соответствует обычно применяемому количественному масштабу», а это значит, что арабское большинство должно быть ограничено в своих правах. Сионисты в данном случае ничем не отличаются от воюющей с нами Польской шляхты¹⁵, требующей присоединения к ней территорий, входивших до 1772 года в пределы Польско-Литовского Королевства, также не соотносящейся с «количественным масштабом» польского населения в этих областях¹⁶. Лишнее подтверждение этому мы находим в авторитетном выступлении председателя Центрального Комитета сионистской организации, заявляющего: «Палестина была оккупирована Англией, и ясно, что мы будем работать в определённых направлениях по примеру Польши» (см. Протокол от 30.XII. 17 г. стр. 10. № 3). Не менее видный деятель сионизма РОЗОВ заявляет: «Еврей, поставленный в нормальные условия жизни, должен получать столько же, сколько и араб, и всё же иметь возможность конкурировать с ним И ДАЖЕ ВЫТЕСНИТЬ ЕГО (выделено в тексте. – *Авт.*)» (см. прот[окол] 6.X.18 г.).

Каким образом уживаются у сионистов требования равноправия для евреев во всех странах и программа угнетения арабов и отказа им в таком же равноправии бесправными евреями, им только одним известно. Сионистская программа, вначале туманная, приобретает рельефность и ясность выдвинутом Жаботинским¹⁷ планом похода про-

тив арабов. Ещё до войны он проводит ту мысль, что евреи должны идти войной против арабов. И приспособля[я] к положению, созданному войной, меняя свою ставку с Турции на могущество Англии, Жаботинский осуществляет свою идею в жизнь, вербует еврейские легионы, которые вместе с Английской армией походом против турок и арабов сражаются в Палестине, Аравии и Египте и до сих пор продолжают свою позорную роль душителя арабских и других народов, подавляя восстания в Аравии, да и в Египте. О подавлении еврейскими легионерами революционного восстания сообщала еврейская буржуазная газета «Тог»¹⁸, причём сионистская конференция в Париже послала еврейским легионерам приветственную телеграмму по этому поводу (см. показания еврейского легионера Серебренера, попавшего в плен к красным).

Вот что говорит о будущем этих легионов их вождь Жаботинский. Еврейские легионеры составляют часть Британской армии. Они могут оставаться в стране только в случае, если Британская армия останется в стране. Следовательно, пока мирная конференция ещё ничего не решила насчёт международного положения Палестины (это было до апрельской конференции союзников в Сан-Ремо¹⁹), никто не может сказать положительно о будущем наших легионеров. Все мы, разумеется, надеемся, что наша страна будет поставлена под защиту Англии и тогда здесь будет существовать многочисленный еврейский легион (См. Хроника евр[ейской] жизни от 19 мая 19 г.). Сионисты работали энергично в пользу «многочисленного» еврейского легиона. В «Евр[ейской] жизни»²⁰ (№ 9, Иркутск) под заголовком «Первая еврейская армия» приводится следующее сообщение: «Английское правительство отозвало с Палестинского фронта и других близлежащих территорий Ближнего Востока всех солдат-христиан своей армии и заменило их исключительно солдатами-евреями. Английское правительство организовало специально еврейскую армию, и весь занятый Англией Ближний Восток охраняется ныне Еврейской армией, насчитываю-

щей приблизительно 100.000 солдат, из коих 25.000 еврейских легионеров»²¹.

Став всецело на сторону империалистов, восхваляя, возвышая до небес благодетельские порывы Антанты, сионисты зовут еврейский народ на дружбу и помощь ей. Сионизм приобретает очень опасный характер в момент роковой схватки пролетариата с буржуазией в мировом масштабе.

Ориентируясь исключительно на успехах Лиги Наций, сионисты вполне должны быть заинтересованы, как сама Лига Наций, в крушении Советской власти и идеи коммунизма. С этой целью сионисты не упускают случая ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ, КЛЕВЕТАТЬ, СЕЯТЬ СМУТУ, ОТВЛЕЧЬ ОТ НЕЁ СИМПАТИЮ НАСЕЛЕНИЯ, ПОЛЬЗУЯСЬ ПРИ ЭТОМ САМЫМИ ГНУСНЫМИ МЕТОДАМИ.

С другой стороны, мы наблюдаем с их стороны (вставка. – *Авт.*) самые лучшие отзывы об Антанте, дружеское сожительство и общие планы.

Приведём несколько фактов из истории сионизма во время Октяб[р]ск[ой] революции.

На Украине при белых сионисты вели агитацию среди еврейского населения, что **ВИНОВНИКОМ ПОГРОМА** (выделено в тексте. – *Авт.*) является **СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ**, в Елисаветградской еврейской синагоге член Ц. К. С[ионистской] О[рганизации] Тёмкин²² доказывал вину Советской власти в погромах. Он открыто звал еврейское население бойкотировать Советскую власть и бороться с коммунистами. И совсем не случайно наряду с этим сионисты широко распространяют самые подробные [сведения. – *Авт.*] о том, что **ДЕНИКИН ХОРОШО ОТНОСИТСЯ К ЕВРЕЯМ, ЧТО В ЕГО СТАНЕ НЕ[Т] ПОГРОМОВ И ЧТО ВИНОВНИКИ ПОГРОМОВ, И ЧТО ОПАСЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЕ** прессе (вставка чернилами. – *Авт.*) **ЛОЖЬ И ВЫДУМКИ**. Этим преследуется цель завоевания симпатии выбитых из колеи (так в тексте. – *Авт.*) еврейских масс, это, безусловно, имело, в свою очередь, свои последствия и влияние на боеспособность Красной армии

на Украине, среди которой (так в тексте. – *Авт.*) много евреев.

Сионисты не стесняются обвинять Советскую власть в антисемитизме и открыто писать об этом в своей прессе (см. хронику «Евр[ейской жизни]» № 8).

После оккупации польскими белогвардейцами Вильны, орган Виленского комитета сионистской организации «Идише Цайтунг» стал печатать провокационные сведения о положении Советской власти, о том, что она накануне падения. Кронштадт горит. Приводились в этой газетке известия, что тов. Ленин застрелился, о тов. Троцком сообщались две версии: по одной из них, его растерзала Красная армия, по другой, он повесился. Эта самая газета печатает ложные сведения о том, что Красная армия произвела погром над евреями в Свенцянах Виленской г[убернии].

Когда Варшавский совет рабочих депутатов объявляет день протеста против погромов, сионисты не принимают участие в нём и бойкотируют его.

В Белогвардейской Литовской тариб²³ находился официальный представитель Розенбаум²⁴, ныне член Литовской мирной делегации в Москве, которая от имени Тарибы всё время вел[а] заграничную кампанию против Рабоче-крестьянской республики Литвы²⁵.

В газете «Коммунистише фон»²⁶ в Киеве в своё время сообщалось, что все сионисты в Париже содействовали отправке денег Колчаку, особенно при этом старался Жаботинский – вождь еврейских легионеров.

Яков Шиф²⁷, известный сионист-миллионер в Америке, снабжает за свой счёт польских белогвардейцев оружием и средствами.

Когда в Вильне случайно был арестован сионист, то после предъявления последним сионистской карточки жандармский офицер сказал, что «это самая симпатичная еврейская партия», и сейчас же освободил арестованного.

Сиониста Усышкина²⁸, едущего из Одессы в Париж во время оккупации французским десантом, французы приветствуют и

украшают его вагон надписью «Еврейский министр едет в Париж».

В Сибири мы встречаем ту же картину. Первую еврейскую ячейку в армии Семёнова²⁹ составляют сионисты, и с тех пор всех мобилизованных евреев укомплектовывают вместе с ними, не без основания полагая, что так будет надёжнее. Эта ячейка развертывается в роту и борется против большевиков в районе станции Могочи Амурской ж. д. (см. «Еврейскую жизнь», 10/11, Иркутск)³⁰. Национальный совет еврейских общин в Иркутске, в котором подавляющее большинство сионистов, подаёт верховному правителю докладную записку, в которой между прочим обращает его верховное внимание на то, что в большевистской революц[ии] повинны [не евреи], а латыши.

В Екатеринбурге сионисты – члены Городской думы участвуют в торжественных встречах и преподнесениях адресов верховному правительству правителю (правка чернилами. – *Авт.*).

На Всероссийском сионистском съезде в Омске³¹ выступают с большими приветственными речами дипломатический представитель Англии и представитель чехо-словацкого национального совета (См. Хр[оника] «Еврейской жизни»).

«Все сибирские газеты, особенно с[оциалистов]-р[еволюционеров], давали ежедневно самый подробный отчёт съезда и помещали большие статьи о сионизме. Вообще сибирское общество проявляет громадный интерес к сионизму и Палестине». Так пишет официальный орган сионистов. Но спрашивается вопрос, за какие блага подобное благосклонное внимательное отношение со стороны этого пёстрого контрреволюционного сибирского союза Англии, чехо-словаков и с[оциалистов]-р[еволюционеров] по отношению к сионистам, и не ясен ли ответ на этот вопрос. В наше время всякое возвышенное чувство и внимательный взгляд этих господ-разбойников имеет под собой реальную почву и требует реальной оплаты.

И не служит ли авансом со стороны сионистов в оплате своих счетов Антанте – участие сионистских легионеров из отряда Жа-

ботинского в Английском десанте на нашем Архангельском фронте[?]

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ СИОНИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Еврейская буржуазия в лице сионистов на территории Советской Республики, испытывая на своей шкуре, как и вся русская буржуазия, тиски пролетарской диктатуры, хранит за последнее время как будто молчание и будто бездействует, но это бездействие и молчание притаившейся, выжидающей момент ядовитой змеи. Стоит белому генералу занять какую-нибудь территорию Советской Республики, как эта змея с шипением выползает из своего ущелья и занимает достойное место в семье многоголовой контрреволюционной гидры, как, например, в Сибири очутившиеся под пятой Колчака сионисты упрекают Ллойд-Джорджа, считая его политику недостаточно энергичной и медлительной по отношению к большевикам.

В статье «К мирной конференции» в официальном сибирском органе «Еврейская жизнь» № 1 сионисты пишут: «В освобождённой от комиссародержавия России, лишённой в Бресте возможности закончить гигантскую борьбу, благовест мира был встречен не с бурной радостью, как на западе, а с тихой, затаённой грустью.

Твёрдая вера в союзников, что они окончили войну с центральными державами, немедленно придут на помощь той России, которая не признала Брестского мира, велика и разделялась всеми. Все говорили об интервенции. Об этом изо дня в день сообщали агентские телеграммы. Прошли на запад эшелоны иностранных войск: японские, английские, американские и итальянские, и все ждали со дня на день общего победоносного наступления на Москву и Петроград.

Но шли недели и месяцы, и сомнение стало вкрадываться во все круги русского общества. На Волжском, Уральском фронтах, на Южном фронте и на Мурманском, где ожидали значительных действий иностранных войск, дело ограничилось небольшими операциями второстепенного характе-

ра. Строились догадки, стали искать причины медлительности союзников.

Но эти догадки были прерваны сенсационной телеграммой о Принцевых островах³². Предварительная мирная конференция пяти великих держав решила пригласить представителей всех государственных образований рассыпанной России, в том числе и большевиков, на Принцевы острова. Неведомые до сих пор острова на Мраморном море вдруг врезались клином в многострадальную историю бытия России последних двух лет.

И ВНОВЬ МЫ СТОИМ ПЕРЕД ЗАГАДКОЙ, ГОТОВЫЕ УПРЕКАТЬ В ИЗМЕНЕ СОЮЗНИКОВ, С КОТОРЫМИ ОСВОБОЖДЁННАЯ ОТ БОЛЬШЕВИКОВ РОССИЯ СВЯЗАЛА СВОЮ СУДЬБУ, ГОТОВЫЕ ОБВИНИТЬ ИХ В ЗАБВЕНИИ НЕОЦЕНИМЫХ УСЛУГ, ОКАЗАННЫХ ИМ РОССИЕЙ В ОСТРЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ (выделено в тексте. – *Авт.*).

«Чем объяснить это новое отношение союзников к большевистскому Правительству. Франция, наиболее пострадавшая от декрета Совнаркома, аннулировавшего многочисленные, заключенные у ней с Россией займы, за ней Англия, ссудившая Россию во время войны гигантскими суммами, Япония, ведшая вооружённую борьбу с большевиками на Амуре и в Забайкалье – все они приложили руку к документу, пригласившему русских делегатов и представителей Московского Совнаркома на Принцевы острова».

«Пытаясь объяснить это явление, сионисты, к их великому сожалению, должны признать, что здесь приходится иметь дело с фактом давления народных масс Западной Европы и Америки, у которых совершенно иное отношение к большевизму, чем у нас (сионистов. – *Прим. М.Б.*), прошедших его школу».

Чему же научила сионистов пройденная ими школа?

Сионистская гидра отвечает, что российский большевизм известен ей испытывавшей его определённое контрреволюционное антидемократическое явление (См. «Еврейскую жизнь» № 1).

На общем фоне контрреволюционной политики Всемирной Сионистской Организации – российские сионисты не выделяются ничем, что хотя бы в определённой степени указывало на их лояльность к советской власти (рукописная вставка. – *Авт.*). Их докладные записки и заявления, представленные в ВЧК в связи с арестом их конференции, в этом смысле не заслуживают ни малейшего внимания. Если со многими оговорками можно было признать за ними в эпоху буржуазных общественных взаимоотношений в России некоторую видимость нейтралитета и беспартийности, то это является абсолютной ложью в эпоху революционного осуществления марксизма, которая неминуемо несёт им полную гибель как буржуазной социальной единице. В период коммунистического переустройства общества сионизм в его буржуазном течении не может поэтому остаться аполитичным, беспартийным, нейтральным. Противоположное есть ложь.

Ценным доказательством в этом смысле являются резолюции и вопросы, принятые и обсуждавшиеся на заседаниях Центрального Комитета Сионистской организации в период после Октябрьской революции.

Среди протокола заседаний Мерказа³³, забранных на обыске 3/ **ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИОНИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ЧЕРЕЗ СВОИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**. Во всех этих трёх моментах мы видим сионистов выступающими против Советской власти делом и словом. Хотя нами не установлен истинный характер связи Ц. К. С. О. с заграницей, тем не менее, факт такой нелегальной связи доказан и, в условиях бешеной борьбы против нас Всемирного Империализма, он сам по себе является актом контрреволюционным.

В протоколе от 18/XI 18 г. А.Д. Идельсон³⁴ сообщает: «Получена Копенгагенская почта». Тогда у сионистов была регулярная связь с Стокгольмом. Отношения с Англией были у нас, как и теперь, враждебные, и тогда, как и теперь, Англия имела своих агентов в России. Почему бы им не использовать

сионистов, своих покорных слуг, ради контрреволюционных замыслов в России. 24 февраля 1919 года Б. Немещанский посылает из Гельсингфорса³⁵ письма сионистской организации в Россию через курьера и просит с[ионистскую] о[рганизацию] пользоваться теми же курьерами для обратной передачи сведений и газет (см.: письмо Немещанского № 13). В то время прямого сообщения с Финляндией у нас не было, так же нет и сейчас связи между Россией и Польшей и Литвой. Куда Мерказ делегирует уже в 1920 году (подчеркнуто в тексте. – *Авт.*) для связи и информации курьера Ефима Марковича Стейматского³⁶. Выходит, что курьеры организации, дружественной Англии, нелегально пробираются через нашу границу и везут с собой туда и обратно никем не контролируемые пакеты. Английское правительство было бы слишком глупым, если бы не использовало этих курьеров.

На основании всего вышеуказанного: я предлагаю 1/ СИОНИСТСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ПРИЗНАТЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ И ЛИКВИДИРОВАТЬ. 2/ ПРИЗНАТЬ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ /СИОНИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ/ КАК ФАКТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ СИОНИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВИНОВНЫМ И ОТВЕТСТВЕННЫМ ЗА ОЗНАЧЕННУЮ ПОЛИТИКУ. 3/ ПОДВЕРГНУТЬ ЧЛЕНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СИОНИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАСЛУЖЕННОМУ ИМИ НАКАЗАНИЮ, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ МНОЮ В ОТНОШЕНИИ:

4/ 1. БРУЦКУСА Юлия Давидовича³⁷,
2. РУБИНШТЕЙНА Рувима Борисовича³⁸,

3. ИДЕЛЬСОНА Абрама Исаковича

В ДВА ГОДА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.

В отношении ГИТЕЛЬСОНА Гладия Ильича, члена Редакционной коллегии журнала «Еврейская жизнь», выходившего в Иркутске при Колчаке, разрешавшего помещать в редактируемом им органе статьи с явным призывом к интервенции Антанты в

Советскую Россию – к ДВУМ ГОДАМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.

В отношении СТЕЙМАТСКОГО Ефима Марковича, состоявшего курьером Ц. К. С. О. и по поручению последнего нелегально пробиравш[его]ся через границу в страны, ведущие с нами войну (Польша, Литва), К ДВУМ ГОДАМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ, без лишения свободы (вписано чернилами. – *Авт.*).

Члена Центрального Комитета Сионистской Организации СЛИЦАНА Льва Израильевича, ввиду его болезненного состояния и преклонного возраста /61 год/, ОСВОБОДИТЬ, зачтя ему наказанием время предварительного заключения.

Остальных арестованных по делу сионистов 23 апреля 1920 года ОПРАВДАТЬ И ИЗ-ПОД СТРАЖИ ОСВОБОДИТЬ.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА ВЕЧЕКА: М. БРЕНЕР³⁹

29 июня 1920 г.

Р.С. Факт обнаружения пироксилиновых шашек в Ц. К. С. О. считать доказанным, но считать не доказанным их отношение (за-чёркнуто. – *Авт.*) принадлежность сионистам⁴⁰ (рукописная вставка. – *Авт.*).

М. БРЕНЕР.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–15. Копия.

Машинопись с рукописной правкой.

Примечания

¹ Первый сионистский конгресс. Базельская программа // Евреи в современном мире: История евреев в новое и новейшее время / Антология документов / В 2 т. / Сост. П. Мендес-Флор, Й. Рейнхарц. М.: [б. и.], 1995. С. 452.

² См.: Локшин А. В поисках *modus vivendi*. Сионистское движение и царское правительство в конце XIX – начале XX века // Российский сионизм: история и культура / Редкол.: Будницкий О. и др. М.: Дом евр. кн., 2002. С. 70–86.

³ Декларация Бальфура // Евреи в современном мире. С. 526.

⁴ Цит. по: *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 77.

⁵ На основании решения президиума ВЦИК от 21 июля 1919 г. ЦК Всероссийской сионистской организации созвал и провёл 20–23 апреля 1920 г. в Москве всероссийский сионистский съезд, который рассматривался как легальный, разрешённый советскими властями.

⁶ Речь идёт о бойце Еврейского легиона – воинского подразделения в британской армии во время Первой мировой войны, состоявшего из еврейских добровольцев.

⁷ Речь идёт об английской десантной войсковой операции в Одессе против войск Красной армии в августе 1919 г. с целью овладения городом и портом.

⁸ Ныне г. Волгоград.

⁹ Речь идёт о массовых еврейских погромах, учинённых Добровольческой армией А. Деникина на Украине осенью 1919 г. и зимой 1920 г.

¹⁰ Еженедельный журнал «Еврейская жизнь» выходил в Москве с июля 1915 г. С приходом к власти большевиков (ноябрь 1917 г.) сионистскую прессу ещё некоторое время терпели, но в сентябре 1918 г. ВЧК закрыла журнал, который тогда именовался «Рассвет». С ноября 1918 г. вместо «Рассвета» стал выходить в Петрограде журнал «Еврейская жизнь», или «Хроника еврейской жизни». Однако после обращения в ВЧК Евсекции, недовольной публикациями в «Хронике...» статей против запрещения преподавания иврита как «языка контрреволюции», в июле 1919 г. по распоряжению Петроградской ЧК выпуск журнала окончательно был прекращён.

¹¹ Ллойд-Джордж, Дэвид (1863–1945) – британский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

¹² Лига Наций – международная организация, основанная в результате Версальского соглашения 10 января 1920 г. С 1920 по 1935 г. в неё входило 58 государств. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 г.

¹³ По'aley-Цион (ивр. «Трудящиеся Сиона») – общественно-политическое движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической идеологией; первые группы возникли в России в конце XIX в. В 1907 г. в Гааге представители П.-Ц. разных стран учредили Всемирный социалистический союз еврейских рабочих П.-Ц. Члены П.-Ц. выступали за создание сионистской организации еврейского пролетариата и за совместную деятельность представителей различных групп партии в рамках Всемирной сионистской организации (ВСО). В П.-Ц. существовали острые разногласия по вопросу об участии в революционной деятельности в России. В США организации П.-Ц. появились в 1903 г. как ответвление российских групп. П.-Ц. подчеркивала свою приверженность сионизму и поддерживала Базельскую программу. Во время Первой мировой войны Всемирный социалистический союз еврейских рабочих П.-Ц. принят в Социалистический рабочий интернационал (СРИ). П.-Ц. настаивала на международной ответственности в деле решения еврейского вопроса, требовала признания права евреев на автономию в России, Австрии, Румынии и Польше и поддержки еврейских поселений в Палестине. В 1919 г. постоянный комитет СРИ принял резолюцию П.-Ц. о праве евреев на возрождение своей национальной жизни в Палестине под покровительством Лиги Наций. Большевицкая революция в России и создание Коминтерна вызвали раскол в П.-Ц. В конце 1917 г. П.-Ц. в России выделились в самостоятельную организацию радикальных П.-Ц. Радикальные П.-Ц. продолжали сотрудничать с ВСО и были сторонниками иврита. В целом же они солидаризировались с большевиками в вопросах внутренней политики, настаивая, однако, на необходимости еврейского пролетарского строительства в Палестине. В 1919 г. часть радикальных П.-Ц. выступила с требованием полной идентификации с большевизмом и борьбы с сионистской деятельностью в Палестине вплоть до осуществления мировой революции; в 1920 г. эта группа откололась от П.-Ц., образовав в России еврейскую коммунистическую партию П.-Ц. В этот период среди П.-Ц. существовали разногласия о сотрудничестве с «буржуазным» сионизмом и об участии в Сионистских конгрессах. Окончательный раскол произошел на 5-м съезде (август 1920 г., Вена) из-за разногласий по вопросу о присоединении к Коминтерну. Среди П.-Ц. в России, Польше, Чехословакии и Австрии левые были в большинстве. Тем не менее, отко-

ловшиеся левые П.-Ц. не были приняты в III Интернационал, не признававший создания Всемирной организации еврейских рабочих и отвергнувший «пролетарский» сионизм.

¹⁴ Такого распоряжения не было. О встрече Т. Герцля с министром внутренних дел В.К. Плеве см.: *Локишин А.* В поисках *modus vivendi*.

¹⁵ Речь идёт о советско-польской войне 1920 г.

¹⁶ Такого требования не существовало. Благодарю профессора Варшавского университета Шимона Рудницкого за этот комментарий.

¹⁷ Жаботинский Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880–1940) – писатель и публицист, один из лидеров сионистского движения. После вступления Турции в войну на стороне Германии (октябрь 1914 г.) начинает кампанию за создание еврейской национальной воинской части в составе сил союзников. Считал, что участие еврейского народа в войне даст ему право голоса в послевоенном устройстве мира, а кровь еврейских солдат, пролитая за освобождение Палестины, закрепит право еврейского народа на его историческую родину. После переговоров с английскими военными властями было создано вспомогательное транспортное подразделение («Отряд погонщиков мулов»), что, однако, не удовлетворило Жаботинского. Выехал в Европу, добивался согласия союзников на формирование Еврейского легиона. В 1917 г. правительство Англии согласилось на формирование еврейской боевой части в рамках британских вооружённых сил. Вступает рядовым в Еврейский легион, а позднее производится в офицеры. Однако война закончилась до того, как еврейские батальоны, за исключением первого, в котором служил Ж., успели принять участие в боевых действиях. В 1920 г. поселился в Иерусалиме. Предвидя опасность арабских антиеврейских выступлений, безуспешно пытался воспрепятствовать демобилизации Еврейского легиона. После роспуска легиона организовал из его бывших бойцов первые отряды самообороны, которые во время арабских беспорядков в 1920 г. пытались прорваться в Старый город Иерусалима для защиты его еврейского населения.

¹⁸ Газета «Тог» выходила в Вильно (Вильнюс) с 1919 по октябрь 1939 г., когда город в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа перешёл под контроль советских войск.

¹⁹ Конференция в Сан-Ремо – заседание Верховного совета держав Антанты и присоединившихся к ним государств, состоявшееся после

Первой мировой войны, в апреле 1920 г., в городе Сан-Ремо (Италия). В конференции приняли участие премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж и министр иностранных дел лорд Керзон, премьер-министр Франции Мильтеран, премьер-министр Италии Нитти. Конференция, в частности, определила распределение мандатов Лиги Наций по управлению территорией бывшей Османской империи на Ближнем Востоке.

²⁰ Газета «Еврейская жизнь» выходила в Иркутске в 1919 г. Ср. со сноской 10. Благодарю за этот комментарий доктора исторических наук, профессора Томского университета Иранду Владимировну Нам.

²¹ Эти сведения не соответствуют действительности.

²² Тёмкин Владимир (Зеев) Ионович (1861–1927) – еврейский общественный деятель. После погромов 1881 г. присоединился к еврейскому национальному движению. Один из основателей студенческого палестинофильского общества «Агават Цион». Учредил в ряде городов, в т. ч. в Елизаветграде, палестинофильские кружки. В 1893–1917 гг. – казённый раввин в Елизаветграде. В 1897 г. присоединился к сионистскому движению, участвовал в Сионистских конгрессах, вошёл в руководящие органы ВСО. В 1917 г. избран членом Учредительного собрания. В 1920 г. – в Берлине, затем в Париже, вошёл в редакцию журнала «Рассвет».

²³ Литовская Тариба (Совет Литвы) – орган власти, созданный в сентябре 1917 г., провозгласивший независимость Литвы и преобразованный в Государственный совет республики.

²⁴ Розенбаум Семён Яковлевич (1859–1934) – присяжный поверенный, один из лидеров сионистского движения в России, депутат Государственной думы Российской империи, министр по еврейским делам правительства Литвы (1923–1924), почётный консул Литовской Республики в Палестине.

²⁵ На занятой части территории Литвы большевики в декабре 1918 г. создали Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы в Двинске (Даугавпилсе), которое опубликовало манифест, провозгласивший роспуск Литовской Тарибы, переход власти к Советам депутатов трудящихся и создание Литовской Советской Республики. 27 февраля 1919 г. Литовская Советская Республика объединилась с Советской Белоруссией в Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (Республика Литбел). Просущество-

вала около полугода (февраль-август 1919 г.) на контролируемых красными и их сторонниками территориях Литвы и Белоруссии.

²⁶ «Коммунистиче Фон» («Коммунистическое знамя», идиш) – одна из первых советских еврейских газет, выходила в Киеве в 1919–1925 гг.

²⁷ Шиф, Джейкоб Генри (1847–1920) – американский банкир, филантроп и общественный деятель. Во время Первой мировой войны жертвовал крупные суммы Американскому еврейскому комитету помощи для облегчения участи евреев в воюющей Европе, в т.ч. и в России. Отрицательно относился к сионистской идее, считая её утопией.

²⁸ Усышкин Авраам Менахем Мендл (1863–1941) – сионистский деятель. Идеолог еврейского заселения Палестины, член (с 1935 г. – председатель) Исполнительного комитета ВСО. В 1919 г. вошёл в состав еврейской делегации на Парижской мирной конференции. Уехал в Палестину, где провёл оставшиеся годы жизни. С 1919 по 1921 г. возглавлял Совет представителей – чрезвычайный орган, координировавший сионистскую деятельность в Палестине.

²⁹ Семёнов Григорий Михайлович (1890–1946) – казачий атаман, деятель белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В 1920 г. – главнокомандующий Дальневосточной армией.

³⁰ В войсках Семёнова служили и евреи, были ли среди них сионисты, сказать сложно. В начале 1919 г. служившие у Семёнова евреи были сведены в отдельную еврейскую роту. Вероятно, она была пополнена евреями-добровольцами. Входила в 31-й Читинский полк, который сражался с мадьярами на реке Тунгир. Рота насчитывала до 200 человек. За помощь в составлении комментария благодарю кандидата исторических наук Дениса Романовича Касаточкина.

³¹ Съезд состоялся в Иркутске в январе 1919 г.

³² Международная конференция на Принцевых островах – совещание по инициативе стран Антанты. Его предполагалось созвать в феврале 1919 г. из представителей всех политических групп и государственных образований бывшей Российской империи и Держав согласия для выработки совместного договора о дальнейшей судьбе России. Это была попытка создания все-российской власти под их непосредственным руководством. Ввиду того, что на совещание была приглашена делегация от большевистского правительства, которое подтвердило своё участие, все остальные потенциальные участники

отказались участвовать в совещании, и оно не состоялось.

³³ Мерказ («Центр», иврит) – ЦК Всероссийской сионистской организации

³⁴ Идельсон Абрам Исаакович (1865–1921) – теоретик сионистского движения, публицист. После I Сионистского конгресса поддержал направление политического сионизма. С 1905 по 1919 г. жил в Петербурге, где редактировал периодические сионистские издания (ежемесячник «Еврейская жизнь» и еженедельник «Хроника еврейской жизни», а затем сменивший их еженедельник «Рассвет»).

³⁵ Ныне г. Хельсинки.

³⁶ Стеймацкий Ефим Маркович (1900–1983) – впоследствии основатель старейшей и крупнейшей в Израиле книготорговой фирмы.

³⁷ Бруцкус Юлий Давидович (1870–1951) – один из руководителей Всемирной еврейской медицинской организации, сионистский деятель, литовский политик, занимавший в Литве пост министра без портфеля по делам евреев; историк, публицист, исследователь истории евреев Восточной Европы. После революции 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания. Участвовал в деятельности Всероссийской сионистской организации.

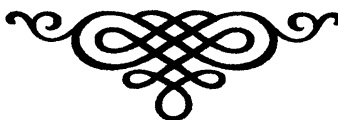
³⁸ Рубинштейн Рувим Борисович (1891–1967) – журналист, редактор. Активный участник сионистского движения в Российской империи и Советской России. Сотрудничал в газете «Петроградер тогблат», редактировал «Унзер тогблат» (1918 г.), печатался в сборнике «Ционистише замлбихер» (Прага, 1918 г.).

³⁹ Бренер Моисей Вульфович (1897–1971) – сотрудник органов государственной безопасности, партийный функционер, государственный служащий. Родился в местечке Уцяны Ковенской губ. в семье кустика-одиночки и чулочницы. В шестилетнем возрасте остался круглым сиротой. Окончил два класса начального еврейского училища в Двинске (ныне Даугавпилс) Витебской губ. С 14 лет трудился на складе, потом – на кожевенном заводе; с 16 лет – на табачных фабриках и в доках Лондона, Христиании (ныне Осло) и Стокгольма, где овладел разговорным английским, немецким и норвежским языками. После Февральской революции вернулся в Россию. В 1917–1918 гг. – переводчик в Русско-американской торговой палате. В 1918–1919 гг. – сотрудник газеты «Дер Эмес» («Правда») – первого печатного органа ЦК РКП(б) на еврейском языке. В 1919–1920 гг. – рядовой

караульного батальона. Член РКП(б) с 1919 г. В ВЧК с 1920 г., уполномоченный секретного отдела, в 1922–1923 гг. – начальник информационного отделения ОГПУ. В феврале 1923 г. по личной просьбе переведён во Владивосток. В апреле-мае 1923 г. – в резерве административного отдела ОГПУ. В 1923–1928 гг. занимал руководящие должности в различных советских учреждениях. В 1928–1932 гг. учился в Военно-химической академии РККА. В 1933–1934 гг. служил в центральном аппарате ОГПУ. В 1935–1937 гг. повышал квалификацию на химическом заводе в Норвегии. В 1937–1953 гг. – инженер, старший инженер, начальник отдела на производственных предприятиях наркоматов тяжелой и химической промышленности в Москве и на Урале. С февраля 1953 г. на пенсии. Показательно, что Б. избежал репрессий.

⁴⁰ Обнаруженные шашки пироксилина были вымышлены следователями ЧК. Эти вещественные доказательства, вероятно, должны были послужить ещё одним основанием для ареста делегатов съезда. Однако 19 мая 1920 г. в «Известиях ВЦИК» появилось опровержение ЦК Сионистской организации по поводу якобы обнаруженного в его помещении пироксилина. «Сам факт, что опровержение это напечатали, свидетельствовал, что советская власть не готова поддерживать злобный и глупый вымысел ЧК» (См.: *Матор И.* Сионистское движение в России. [Иерусалим]: [б. и.], 1977. С. 428).

Т.А. Аникеева, И.В. Зайцев

АВТОГРАФЫ И ЭКСЛИБРИСЫ НА КНИГАХ ИЗ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МГИМО (У) МИД РФ

Автографы и экслибрисы подчас многое могут рассказать о судьбах книг и их владельцев. Для истории отечественного востоковедения, в частности, московского, это весьма важный источник, который активно используется в последнее время¹.

Научная библиотека имени И.Г. Тюлина МГИМО (Университета) МИД РФ была основана в 1944 г., когда на базе факультета Международных отношений МГУ был создан Московский государственный институт международных отношений. Основой книжной коллекции нового учебного заведения послужила факультетская библиотека МГУ, насчитывавшая в то время около 100 тыс. единиц хранения. В 1954 г. в состав МГИМО был включён Московский институт востоковедения, и произошло слияние двух библиотечных фондов. Это событие значительно обогатило книжную коллекцию МГИМО, поскольку Институт востоковедения являлся преемником Лазаревского училища восточных языков, основанного в 1815 г. и располагавшего прекрасной библиотекой. Фонды Лазаревской библиотеки насчитывали около 40 тысяч томов, более трёх тысяч из которых унаследовал МГИМО. Гордостью библиотеки МГИМО являются 176 рукописей и более 21 тысячи редких изданий XIII – начала XX в.²

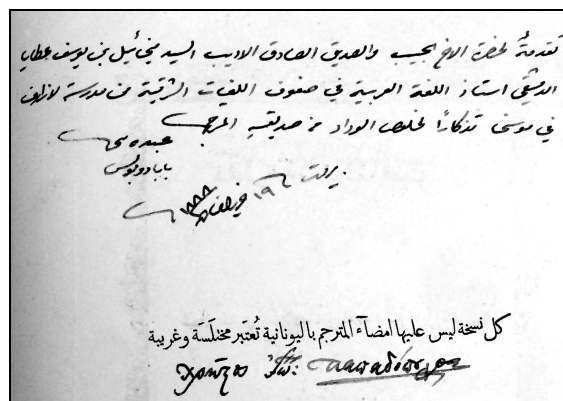
Книги из Библиотеки Лазаревского института – бесценный материал для истории московского востоковедения – уже привлекали внимание исследователей³, однако систематическому описанию они не подвергались. В ходе проекта по описанию этого редкого фонда нас заинтересовали несколько книг, которые ярко рисуют историю отечественной ориенталистики⁴.

Инв. № 134. Иоанн Пападопулос. Православная литургия (на арабском языке).

Наборная печать. Бейрут: издательство Адабийя, 1882. Первое издание. Том 1

(с сентября по январь). 542 стр. На титуле штампы: «Библиотека Института востоковедения в Москве», «1948», «Испол». Там же оттиски печатей: овальной с легендой «Библиотека специальных классов Лазаревского института восточных языков» и прямоугольной с легендой «Научная библиотека МГИМО МИД СССР».

Дарственная надпись синими чернилами от автора Иоанна Пападопулоса (بابادوبولس) «учителю арабского языка в классах восточных языков Лазаревского училища в Москве» Михаилу б. Йусуфу Аттайе ад-Димашки. Дарственная написана по-арабски скорописью в Бейруте, 19 хазирана 1888 г. (см. илл. 1).

Илл. 1.

Инв. № 140. Хусайн Ваиз Кашифи (ум. 1050 г.). انوار السهيلى Анвар ас-Сохейли. («Сияние Канопа» или «Сияние Сохейли»).

Переработка индийского цикла «Калила и Димна» на персидском языке с некоторыми дополнениями. Посвящена везиру султана Хусейна Байкары – Ахмаду Сохейли и названа в его честь.

Литография. Тегеран, 1261 г.х./1845. 168 стр., илл.⁵ На л. 1 оттиск прямоугольной печати с легендой «МИД России. Научная библио-

тека МГИМО (У)». На л. 2 – оттиск овальной печати с легендой «Лазаревых Института восточных языков», и штамп «июль 1954».

На листе 1 чернилами выполнена дарственная надпись: «Признательное приношение Лазаревскому благотворительному институту восточных языков в Москве от Шахбаза Ахиняна Тегеранского. 15 ноября 1852 года. Тегеран». Ниже – тот же текст на армянском языке.

Инв. № 142. Диван Физули.

Литография. Б.м., б.г. На л. 1. несколько печатей и штампов: овальная печать «Фундамен. библиотека Лазаревского института восточных языков» (ещё один оттиск на последней странице); «Библиотека института востоковедения в Москве» (оттиск также на обороте); прямоугольная печать с легендой «МИД России. Научная библиотека МГИМО (У)»; штамп «1948», «1954», «Испол».

На последней странице коричневыми чернилами сделана надпись: «Приношение Лазаревскому Институту восточных языков от бывшего воспитанника его Николая Бежанбек».

Инв. № 143. Санани. Хадикат уль-хаккат ва шарани ат-тарика («Сад истин»).

Дидактическая поэма персидского поэта Санани (1048–1126?); соединяет формы житейской дидактики и суфийской лирики.

Литография. 1270 г.х./1853–4 гг. Издатель: Максуд Хаджи Мухаммед Мехди Кашани. На первой странице прямоугольная печать с легендой «МИД России. Научная библиотека МГИМО (У)». На последней странице оттиск овальной печати с легендой «Библиотека специальных классов Лазаревского института восточных языков».

На первой странице дарственная надпись на фарси: «Подарок нежному другу и ласковому наставнику от замученного выпускника»⁶ и на русском: «На добрую память дорогому проф. Р.Р. Штакельберг от В. Минорского. 15 окт. 1903 г.». Барон Рейнгольд Рейнгольдович Штакельберг (1860–1907) – доктор филологии Страсбургского университета, профессор Лазаревского института восточных языков, иранист. Начал преподавать персидскую словесность и грамматику

в Специальных классах Лазаревского Института в 1893 г., автор исследований по осетинскому языку⁷. Владимир Фёдорович Минорский (1877–1966) – знаменитый иранист, дипломат, специалист по истории, этнографии и литературе Закавказья и Персии. В 1903 г. В.Ф. Минорский закончил обучение в ЛИВЯ и поступил в Азиатский департамент МИД.

Овальная печать с именем «Ферах б. [...]» и датой 1218/1803–4.

Инв. № 275. Мухаммад б. Йахья б. ‘Али ал-Джилани Лахиджи (ум. в 912/1506 г.). شرح گلشان راز («Шарх Гулшан-и раз»).

Литография. Комментарий на суфийский «Гулшан-и раз» («Цветник тайны») Махмуда Шабистари. Написана в 877/1472 г. Название комментария («Мафатих ал-иджаз») указано в колофоне. Напечатана в Тегеране в типографии Мирзы Аббаса в 1301/1883–84 гг.⁸ На книге несколько оттисков владельческих восточных печатей. Один из них с легендой ۱۳۲۷ هو کتابخانه احمدی شراز. Таким образом, книга изначально (не ранее 1909/10 гг.) находилась в ширазской библиотеке Ахмади.

На странице 3 имеется оттиск прямоугольной печати с легендой: «Научная библиотека Института востоковед. НКП РСФСР» и номером, написанным синими чернилами 102854. Рядом с печатью штамп: «Испол».

На форзаце книги чёрными чернилами сделана надпись:

J. Einhorn. Shiraz 10/5 1929 г.

Эта владельческая надпись представляет собой автограф советского дипломата Якова Адольфовича Эйнгорна. Он родился 13 мая 1891 г. в с. Чермна в Галиции (Австро-Венгрия) в крестьянской семье. Член Польской социалистической партии (1905–1914). Участвовал в Первой мировой войне в рядах Австрийской армии (действительная военная служба в 1912–1915 гг. в составе 57-го пехотного полка, рядовой, мл. унтер-офицер). Военнопленный (1915–1917). 1917–1919 гг. – наборщик типографии в г. Скобелев (название г. Фергана в 1910–1924 гг.).

Член ВКП(б) с ноября 1918 г. В 1919–1923 гг. участвовал в боях против басмачества в Ферганской области в качестве красноармейца и начальника Особых отделов (г. Скобелев, г. Ош, г. Андижан, г. Коканд, г. Ташкент). В 1923–1926 гг. – студент восточного факультета Средне-Азиатского государственного университета, специальность – востоковед. Я.А. Эйнгорн хорошо владел несколькими иностранными языками (английским, немецким, французским, польским, персидским). С 1927 по 1929 г. Я.А. Эйнгорн являлся секретарём Генконсульства СССР в Ширазе. Именно к этому времени и относится автограф на книге.

В 1929–1934 гг. Я.А. Эйнгорн служил атташе, а затем – 1-м секретарём Полпредства СССР в Иране (г. Тегеран). С 1934 г. занимал должность уполномоченного Наркомата иностранных дел (НКИД) в Узбекской ССР, а с 1935 г. – уполномоченный НКИД в Таджикистане (по совместительству). В октябре 1937 г. Я.А. Эйнгорна снимают с должности и арестовывают. В июне 1938 г. он был расстрелян.

Инв. № 304. Абд ар-Раззак б. 'Али б. Хусайн Гилани Лахиджи (ум. 1661).

شوارق الالهام في شرح تجريد الكلام

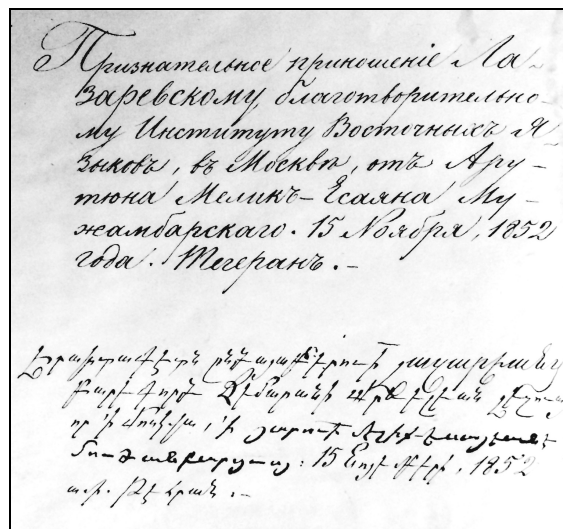
(«Шаварик ал-илхам фи шарх таджрид ал-калам»).

«Восходы вдохновения в объяснении «Очищения калама»». Краткий комментарий на знаменитый труд Насир ад-Дина ат-Туси «Таджрид ал-калам» («Очищение калама»).

Литография. Тегеран, 1206 г.х. /1791.

На л. 2 – оттиск овальной печати с легендой «Лазаревых Института восточных языков» (такой же оттиск на последнем листе) и прямоугольная печать «Научная библиотека МГИМО МИД СССР».

На л. 1 чернилами выполнена дарственная надпись: «Признательное приношение Лазаревскому благотворительному институту восточных языков в Москве от Арутюна Мелик-Есаяна Мужамбарского⁹. 15 ноября 1852 года. Тегеран». Ниже – тот же текст на армянском языке (см. илл. 2).

Илл. 2.

Инв. № 351. Газават султан Саййид Баттал-гази мюкеммель хикяйеси. Джилд ал-аввал – джилд ас-садис. («Газават-наме о султани Баттале. Т. 1-3»).

Газават-наме – особый эпический жанр турецкого фольклора, воинская повесть, в которой героика подвигов традиционного богатырского эпоса переплетена со сказочными фантастическими событиями, романтическими элементами, местными малоазиатскими преданиями и арабской и персидской агиографическими традициями. Исторической основой воинской повести «Баттал-наме» являются события, связанные с ведшимися на протяжении нескольких столетий арабо-византийскими войнами. Основные события, о которых повествуется в сказании, восходят к IX–X вв., наиболее поздние – к XII в. В центре сюжета «Баттал-наме» – легендарная история Баттала, сына доблестного военачальника, который из Малатии (Митилены) отправляется в «земли греков» на подвиги.

Литография. Красивый ярко-синий картонный переплет с тиснением и золотой розеткой. Тонкая пожелтевшая бумага. Стамбул, 1298 г.х./1881. 358 стр. Язык текста – турецкий.

Печать библиотеки Института востоковедения в Москве. Надписи на форзаце: чернилами – №8779; №4980х, №5039м; над-

пись карандашом: «С арабским автографом Минорского. Историческое сочинение на тур яз., 1298 = 1880». На титуле одна восточная печать с датой: «1305» (1887).

Надпись по-арабски (автограф):

صاحب هذا الكتاب و مينورسكى واخترته في
القسطنطينية في ١٣١٧

«Владелец этой книги – В. Минорский, приобретена в Константинополе в 1317 г.х.», т.е. 1899/1900. Это издание, так же, как и инв. № 143 (см. выше), принадлежало Владимиру Фёдоровичу Минорскому.

Инв. № 393. Назми-заде-эфенди.

كلشن خلفا

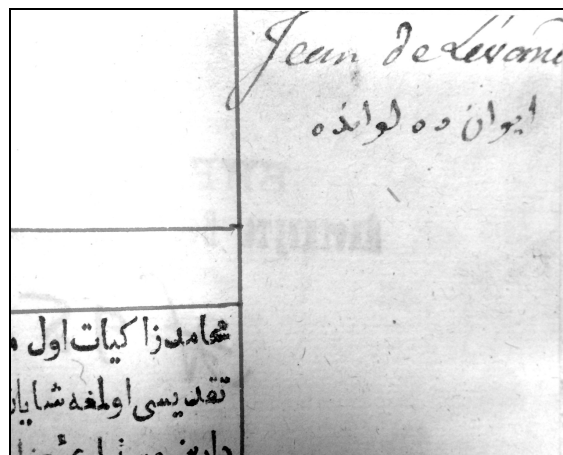
Гульшен-и хюлефа («Сад халифов»).

«Гульшен-и хюлефа» – история исламского мира со 127 по 1130 г.х. (744–1717 гг.), т.е. с конца правления Омейядов до времени правления османского султана Ахмеда III. Это четвертая по счёту печатная турецкая книга, изданная Ибрахимом Мютеферрикой в Стамбуле в 1730 г. Книга была напечатана тиражом 500 экземпляров и стоила 3 куруша¹⁰.

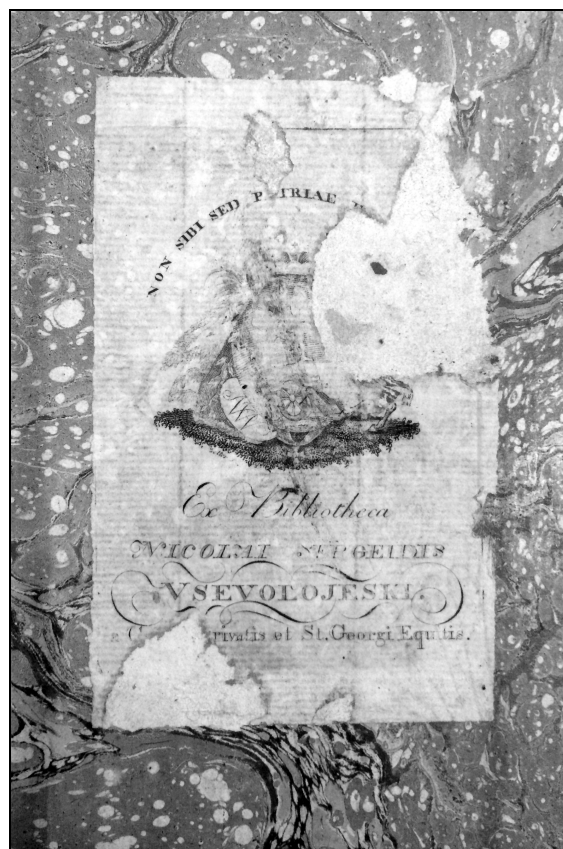
Судя по надписи на титуле на французском и турецком языках («Jean de Levanda» (ايوان ده لوانده), книга происходит из коллекции дипломата и востоковеда, академика Российской академии наук Ивана Ивановича Леванды (см. илл. 3, 4, 5). Большая часть библиотеки Леванды хранится теперь в Отделе рукописей Научной библиотеки МГУ¹¹. В 1813 г. Библиотека Московского университета приобрела коллекцию «старинных арабских книг и рукописей, принадлежавшую академику И.И. Леванде»¹². В настоящее время эта коллекция (по крайней мере, её часть¹³) хранится в Отделе редких книг НБ МГУ.

В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в фонде № 459 (Попечитель Московского Университета и его округа) сохранилось дело под названием «О покупке у г. Леванды арабских книг», начатое 20 ноября 1813 г. и оконченное 27 августа 1814 г.¹⁴ Дело открывается собственноручным письмом И.И. Леванды попечителю Московского университета генералу Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову с предло-

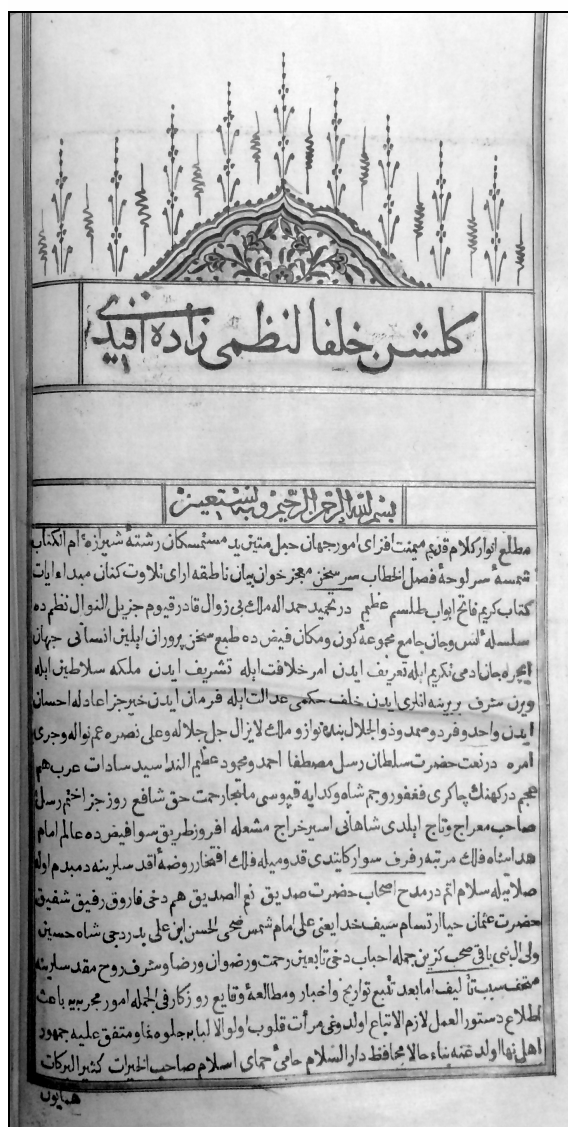
жением купить у него собрание редких восточных рукописей и книг, которое может существенно обогатить библиотеку МУ (письмо написано на французском в Санкт-Петербурге 22 ноября 1813 г.)¹⁵.

Илл. 3.

Илл. 4.

Илл. 5.

Далее в деле представлен каталог (Catalogue des Livres en Langues Orientales) предложенных к продаже книг¹⁶, который делится на две части. В первой части под **номером 1** значится «Fabrica Linguae Arabicae cum interpretatione Latina et Italica. Autore P.E. Domenico Germano de Silesia. Romae 1639 en III vol. in folio» ценою в 100 рублей (все цены – серебром, как это потом выяснилось и видно из других документов дела). № 2 – «Gazophylacium Linguae Persarum triplici linguarum clavi [clasi] Italicae, Latinae, Gallicae nec non spetialibus praeceptis ejusdem Linguae

reseratum. Autore R.P. Angelo à S. Joseph Carmelita excalceato. Amstelodami anno 1684 en 1 vol. in folio» – 85 рублей. № 3 – «Johannis Buxtorfi Lexicon Chaldaicum, Talmudicum et Rabinicum. Basileae Sumptibus Ludovici Regis anno 1639 en 1 vol. in folio» – 40 рублей. № 4 – «Россійской Лексиконъ съ Китайскимъ и Манджурскимъ переводомъ; сочинённый надворнымъ Советникомъ Владыкинымъ. Манускриптъ въ 1мъ томе въ большой китайской листъ» – 300 рублей. Всего, таким образом, книги первой части стоили, по оценке владельца, 525 рублей.

Во второй части количество предложенных рукописей было большим. № 1 – «Pentateuchus Mosis Arabicé, autore Thom. Erpenio Lugduni Batavorum. Anno 1622 en 1 vol. in 4to», цена 35 рублей¹⁷. № 2 – «De Bellis quae marim occurrerunt, cum varia descriptione geographica locorum Adriatici et Mediterrenei cum figuris. Autore Zil-Kabah-Capudan. 1 v. in f.» – цена 50 рублей¹⁸. № 3 – «Tragica Belli Aghuanico-Persici Historia. P. Judea Thadaei Krusinski Societatis Jesu Missionarii Persici. Ex latino ab autore Turcico concinnata in gratiam Ibrahim Passa Magni Vezyrii aedemum ejusdem jussu Constantino-polis typis Turcicis subjecta anno Hedzyrae 1122 aerae Chistianae (sic!) anno 1729 1v. in 4to» – 25 рублей¹⁹. № 4 – «Harririi Eloquentiae Arabicae Principis tres priores consessus, e codice manuscripto bibliothecae Lugduno Batavae pro specimine emissi ac notis illustrati ab Albertho Schultens. Franquerae 1731 en 1 vol. in 4to» – 15 рублей. № 5 – «Consessus Harririi IV-V et VI e Codice manuscripto latine conversi ac notis illustrati. Accedunt Monumenta vetustiora Arabiae. Curavit et edidit Albertho Schultens. Lugduni Batavorum 1740 en 1 vol. in 4to» – 15 рублей. № 6 – «Brevis Institutio Linguae Arabicae D. Joh. Henr. Maji. Accedit Glossarium Arabicum. Opera Justi Helfrici Happellii Offeida Hassi [?]. Francofurti ad Maenum 1707 en 1 vol. in 4to», цена 10 рублей. № 7 – «Joh. Abrahami Kromayeri de Usu linguae Arabicae libelli duo. Accedit supplementum omnium Commentariorum in Jobum. Francofurti ae Lipsiae 1707 en 1 v. 4to» – 10 рублей. № 8 – «Gymnasium

Syriacum hoc est linguae Jesu Christo vernaculae perfecta Institutio à M. Christophoro Crinesio Schlaccowaldo Bohemo. Wittebergae 1640 in 4to», цена 18 рублей. № 9 – «Fides et Leges Mohammaedis exhibitae ex Alcorani manuscripto duplici praemissis institulionibus arabicis. Authore Theodorico Hackspan Linguae Sacrae Professore. Altdorfi 1646», цена 12 рублей²⁰. № 10 – «Pauli Apostoli Epistola ad Romanos Arabicè, seorsum recudi curavit D. Joh. Henr. Callenbergius. Halae 1741» – 5 рублей. № 11 – «Viri Plur: Reverendi Benjamin Schultzi Missionarii Evangelici Grammatica Hindostanica. Halae Saxonum, 1745 en 1 vol. in 4to», цена 20 рублей. Далее Иван Иванович при описании рукописей почему-то дважды переходит с латыни на французский. № 1 – «Divan ou Récueil de diverses Pieces de Poesie en Turc et Persan, sans nom d'Auteur en 1 format», 20 рублей²¹. № 2 – «Vera Antiquorum Arabum explicatio vocabulorum rariorum in Grammatica, Syntaxi et Rhetorica occurrentium, edita à Celeberrimo viro Mahmud-Ben-Kiafi-Ibrahim, cum commentariis variorum authorum. Editio rarissima en 1 format», 60 рублей²². № 3 – «Dictionnaire Arabe avec une explication turque; sans nom d'Auteur en 1 vol. in 4to», 60 рублей. Общая сумма просимых коллежским советником денег за своё собрание составила 880 рублей.

Каталог подписан Левандой по-французски и датирован 22 ноября 1813 г. Чуть ниже его подписи пометка другими чернилами: «По сему реэстру означенное число книгъ получили: Кандидатъ Титъ Каменецкій, Кандидатъ Иванъ Давыдовъ»²³.

Попечитель МУ П.И. Голенищев-Кутузов в связи с предложением Леванды направил министру народного просвещения Алексею Разумовскому донесение, в котором, в частности, писал: «Как во вверенном попечению моему Университете находится кафедра означенных (т.е. восточных. – Авт.) языков, и для оной есть налицо профессор, то по претерпенному Университетом разорению с лишением всех книг потребных к преподаванию на сей кафедре

лекций, почитаю я покупку изъясненных в тех реэстрах книг необходимо-нужною, тем более что по личному моему их осмотру они просимых за них денег не токмо стоят, но и весьма дешёвая назначена им цена, составляющая не более 880 [руб.], как то из оных реэстров усмотреть изволите»²⁴. Разумовский согласился с покупкой и назначенной ценой, о чём 28 ноября 1813 г. извещал Кутузова²⁵.

В результате переписки вельмож П.И. Голенищев-Кутузов написал Леванде ответ на его письмо от 22 ноября 1813 г., в котором сообщал, что А. Разумовский согласен с приобретением, и причитающиеся деньги можно получить в Главном правлении училищ в Санкт-Петербурге на счёт сумм Московского университета²⁶. В августе 1814 г. дело было решено: Леванда согласился получить за купленное уже собрание 440 рублей серебром (т.е. половину от назначенной первоначально цены), что по тогдашнему курсу 393 рубля за серебряный рубль составило 1729 рублей 20 копеек ассигнациями.

Сведения о владельце трёх первопечатных османских книг и двух рукописей из собрания НБ МГУ и библиотеки МГИМО – Иване Ивановиче Леванде скудны²⁷: коллежский советник, переводчик и лингвист начала XIX столетия, член Российской Академии наук с 1811 г.²⁸ Из дела о покупке коллекции ясно, что Иван Иванович Леванда постоянно жил в Санкт-Петербурге. Единственное дошедшее его сочинение имеет довольно витиеватое название: «Разсужденіе о пользе и достоинстве сочиненія сообщённаго отъ неизвестной особы подъ названіемъ *Сходство между Санскритскимъ и Россіискимъ языками* (sic!). За симъ разсужденіемъ следуетъ Истинное происхожденіе и начало славянскаго народа и его Имени, доказанное исторически и этимологически, и представленное Императорской Россіиской Академіи Коллежскимъ Советникомъ Ив. Левандою. Въ Санктпетербургѣ Въ Императорской Типографіи 1812 года». Сочинение, как следует из названия, являлось рецензией

на анонимный труд с прибавлением собственных изысканий автора. Как счёл В.Н. Рогожин, этим «неизвестным» рецензируемым был Аделунг²⁹. Рецензия была заказана ему Академией. Леванда должен был «представить письменно мнение... о достоинстве и пользе безымянного сочинения под заглавием Сходство между Санскритским и Российским языками»³⁰. На собрании Академии 2 декабря 1811 г. было зачитано письменное мнение коллежского советника Ивана Ивановича Леванды «о достоинстве и пользе [упомянутого. – Авт.] сочинения... с присовокуплением сочинённого им исследования о родоначальности славянов, или славян, и происхождения наименования оных».

Собрание, по предложению президента А.А. Нартова, большинством голосов избрало Леванду своим сочленом, «отдавая справедливость труду, употреблённому им на разбор и объяснение ста осьми слов санскритских, имеющих сходство с российскими словами». Таким образом, И.И. Леванда стал действительным членом Академии Наук³¹.

Помимо этого, он создал какой-то «ключ» к Слову о полку Игореве³², а также упоминал о своих занятиях французскими этимологиями. Какого рода были эти научные занятия автора, можно убедиться, прочитав его Рассуждение. Подробный разбор Рассуждения с точки зрения истории науки произвёл С.К. Булич, пришедший к неутешительному выводу о состоянии тогдашнего русского языкознания: «Старина “умствований” Леванды была очень почтенная и восходила к XVII, а то и к XVI веку»³³.

В феврале 1826 г. И.И. Леванду заключили в Петропавловскую крепость, возможно, в связи с восстанием декабристов. Год смерти его нам неизвестен.

Кроме надписи о принадлежности книги Ивану Леванде, на экземпляре сочинения Назми-заде имеется экслибрис Николая Сергеевича Всеволожского. Н.С. Всеволожский (1772–1857) – русский государственный

и военный деятель, историк, типограф, библиофил, губернатор Твери.

Инв. № 398-400, 435-437.

Каземь-Бекъ Мирза Александръ. Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка, съ Высочайшаго разрешения открытаго въ Императорской Военной Академии Профессоромъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета, Действительнымъ Статскимъ Советникомъ Мирзою Александромъ Каземь-Беккомъ.

Санкт-Петербург, 1854 г. № 436: дефектный экземпляр (оторвано начало). Несколько экземпляров учебного пособия по турецкому языку А.К. Казем-Бека (1802–1870), с дарственной надписью «От Ихъ превосходительства Иоана Екимовича и Христофора Екимовича поступает приношением въ Библиотеку Лазаревского Института 1855 г.». Скорее всего, это автограф или самого директора Лазаревского института восточных языков – Христофора Екимовича (Иоакимовича) Лазарева (1789–1871), или попечителя Института, его старшего брата – Иоанна Екимовича Лазарева (1786–1858)³⁴.

Инв. № 521. Бутрус ал-Бустани. Мухит ал-мухит («Сторона океана»). Толковый словарь арабского языка в двух томах известного арабского просветителя, лексикографа и ученого Бутруса ал-Бустани (1819–1883), названного академиком И.Ю. Крачковским «возродителем арабской литературы»³⁵.

Том 2 (раздел *аз-зай* – раздел *ал-йа*). Наборная печать. Бейрут, 1386 г.х. (1870). Пожелтевшая бумага. Язык текста – арабский. Печать библиотеки Института востоковедения в Москве, инв. номер синими чернилами № 8649. Надпись карандашом «бабу-з-зай».

Надпись по-арабски от руки скорописью чёрными чернилами на первой странице:

من كتب ميخايل يوسف عطايا الدمشقي طلبة احد في
المدرسة العلوم الكلية في بيروت

«из книг Михаила Йусуфа Аттая ад-Димашки, студента университета в Бейруте». Очевидно, книга принадлежала Михаилу Осиповичу Аттае (1852–1924) – известному

востоковеду, преподавателю арабского языка в ЛИВЯ, МИВ, Военной Академии РККА, организатору и директору ИЖВЯ (1920–1921)³⁶ – ещё со времени его обучения в Бейруте (ср. **Инв. № 134**). М.О. Аттая стал лектором арабского языка Специальных классов Лазаревского института в 1873 г., будучи приглашённым по рекомендации Г.А. Муркоса.

Инв. № 180478. Диван Хафиза.

Литография. Тегеран, 1260/1844–45 г. Тиснение на переплёте. Переплёт внутри оклеен отходами типографского производства. Пагинация отсутствует. Иллюстрации. Тонкая пожелтевшая бумага. Почерк – каллиграфический насталик. Язык текста – персидский³⁷.

На форзаце печать: «МИД России. Научная библиотека МГИМО (У)». На первой странице оттиски штампов: «Проверено 1936 г.», «1948», «Библиотека Института востоковедения в Москве». На последней странице штампы: 1954, 1958, «Испол», «Проверено», «Библиотека Института востоковедения в Москве». Оттиски овальной печати с легендой «Лазаревых Института восточных языков».

«Признательное приношение Лазаревскому благотворительному Институту Восточных Языков в Москве от Старшины Российского Купечества в Тегеране, Почётного Гражданина Карапета Сарафова Александропольского. 15 ноября 1852 года, Тегеран». Ниже – тот же текст на армянском языке.

Итак, мы видим, что всё время существования Библиотеки Лазаревского Института она пополнялась книгами, подаренными основателями и попечителями этого учебного заведения (Христофором и Иоанном Екимовичами Лазаревыми), его воспитанниками и преподавателями (такими, как В.Ф. Минорский), российскими востоковедами и дипломатами (напр., Я.А. Эйнгорн) и купцами (армянским купечеством Ирана). Очевидно, что книжное собрание Института обогатилось и ценнейшими изданиями из личных библиотек Михаила Осиповича Аттая, Ивана Ивановича Леванды и Николая Сергеевича Всеволожского. Учитывая, что часть книг

И.И. Леванды сейчас хранится в Отделе рукописей Научной библиотеки МГУ, нам ещё предстоит выяснить пути их попадания в Библиотеку Лазаревского института.

Примечания

¹ *Зайцев И.В.* Автограф арабского учёного в турецкой книге из фондов ГПИБ // Восточный Архив. 2003, № 10. С. 72–76; *Зайцев И.* О книжном собрании Ф. Эрдмана, находящемся в отделе редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы // Гасырлар Авазы = Эхо Веков. Казань, 2003, № 1/2. С. 227–231; *Зайцев И.В.* А.-З. Валиди и А.Ф. Миллер // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Специальный выпуск: Мир Востока. Часть 1. Уфа, 2006. С. 7–9; *Зайцев И.В.* Автограф Л.И. Жиркова на книге из фонда ЦВК ВГБИЛ // Восточный Архив. 2007, № 16. С. 105.

² Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский Институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / Под общ. ред. акад. РАН А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 254.

³ *Зайцев И.В.* Из области интереса к арабскому языку в России в конце XVIII – XIX в.: С.С. Джунковский и В.С. Печерин // Тезисы (abstracts): VI Международная конференция «Исторические источники Евроазиатских и Североафриканских цивилизаций», 3–6 октября 2005 г., Республика Адыгея, Майкоп. М., 2005. С. 66–68; *Зайцев И.В.* Кокандец в Стамбуле (Из Коканда «прелестного» в «вилайет Исламбол»: две московские рукописи и кокандская миссия в Стамбул 1838–1840 гг.) // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 189–194; *Зайцев И.В.* К истории рукописной коллекции Лазаревского института восточных языков в Москве (тюркские манускрипты Библиотеки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ) // The Middle East and the Caucasus. Ближний Восток и Кавказ. Тезисы докладов. Yerevan, 2008. С. 63–68.

⁴ Описания даются в порядке возрастания инвентарных номеров.

⁵ См. также: *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР. М., 1975. С. 545, № 1475.

⁶ По всей видимости, в дарственной надписи («...аз тараф мутеаллем моаллем») обыгрывается известнейшая классическая арабская пословица «ал-му'аллимун – ал-му'лимун» («учитель [есть] мучитель»).

⁷ См.: История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М.: Вост. лит., 1997. С. 33, 209.

⁸ См. также: Щеглова О.П. Указ. соч. С. 387, № 967.

⁹ Мужамбар – армянское село недалеко от Тебриза, близ которого находится известный храм Сурб Рипсиме (св. Рипсимии) IV в.

¹⁰ Рафиков А.Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л.: ЛО «Наука», 1973. С. 118–119.

¹¹ Зайцев И.В. Турецкие старопечатные книги и рукописи из библиотеки Ивана Леванды (Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ) // *Altaica*. VIII. М., 2003. С. 80–95; Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета. М.: Изд-во Рудомино, 2006.

¹² Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979. С. 47.

¹³ Так как, возможно, некоторые печатные издания собрания И. Леванды хранятся в общем фонде библиотеки.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 285. Далее ссылки на это дело только с указанием страниц.

¹⁵ Л. 1-10б.

¹⁶ В действительности, в большинстве это именно печатные книги, а не рукописи.

¹⁷ Перевода Моисеева Пятикнижия, выполненного Фомой Эрпениусом, в каталоге ОРК НБ МГУ нет. Однако там числится рукопись на латыни, 86 л., 4°, того же автора: *Erpenius Thomas Rudimenta linguae arabicae. Accedunt ejusdem praxis grammatica et consilium de studio arabico feliciter instituendo*. 1729. См. о нём также: *Nâmeh-ye Bahârestân*. Vol. II, #1, Ser. no. 3. Spring – Summer 2001. Tehran, 2001. P. 186.

¹⁸ Л. 2. См. № 2 нашего описания.

¹⁹ См. № 1 нашего описания.

²⁰ Л. 20б.

²¹ См. № 4 нашего описания.

²² См. № 3 нашего описания. Интересно, что Леванда в реестре и аннотации в самом манускрипте (см. выше) называл эту рукопись *rarissima*, т.е. редчайшей.

²³ Л. 3.

²⁴ Л. 4-4об. Под «разорением Университета» имелся в виду пожар Москвы в 1812 г., в котором пострадало, конечно, и университетское собрание.

²⁵ Л. 5. На л. 6 и 7 ещё два письма (Кутузова Разумовскому и ответ на него).

²⁶ Л. 8.

²⁷ Его не следует путать с Иваном Васильевичем Левандой (1734–1814), известным проповедником, протоиереем киевского Софийского собора. Иван Иванович был его сыном. В истории русской литературы известен ещё один Леванда (Александр Иванович, брат нашего героя, статский советник, ум. в 1812 г.), переводчик романа Э.-Ф. Лантье «Антенорово путешествие в Грецию и Азию с приобщением сведений о Египте. Греческая рукопись, найденная в Геркулануме, переложенная г-ном Лантье. Вновь исправленный перевод в пяти частях с фигурами: трудов Александра Леванды. В Санкт-Петербурге. 1813» (*Etienne François de Lantier. Voyages d'Antenor en Grece et en Asie avec des notions sur l'Egypte*; первое издание – в 5-ти частях, СПб., 1803). По отзыву Н.И. Греча, был «человек основательно учёный и умный, но автор и стилист очень плохой» (*Греч Н.И. Записки о моей жизни*. М., 1990. С. 163–164). Он был также первым переводчиком на русский язык романа Пьера Амбруаза Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803) «Опасные связи», получившего в переводе заглавие «Вредные знакомства, или Письма, собранные одним обществом для предостережения других» (СПб., 1804–1805, в 4 частях).

²⁸ Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. III (Карамышев – Ломоносов). Пг., 1914. С. 412; *Он же*. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней). Издание 2-е. Т. II. Вып. 4-5 (Куликов – Павлов). Пг., 1918. С. 24. См. также: Русский биографический словарь. Т. 10 (Лабзина – Ляшенко). СПб., 1914. С. 118.

²⁹ Сопиков В.С. Опыт Российской библиографии. Ч. IV. Редакция, примечания, дополнения и указатель В.Н. Рогожина. СПб., 1905. С. 190. № 9611. Возможно, что в 1811 г. вышло ещё одно издание Леванды, переведённое с французского Павлом Фрейгангом, «О сходстве санскритского языка с русским», однако, скорее всего, это неверное отождествление уже упомянутого труда (см. Сопиков В.С. Указ. соч. С. 332, № 11607), ведь «Рассуждение» было им опубликовано и по-французски (см. Булич С.К. Очерк истории языко-

знания в России. Т. I (XIII в. – 1825 г.). СПб., 1904. С. 641). В «Библиографии Индии» указан заголовок этого французского перевода: «Dissertation sur l'utilité et le mérite d'un ouvrage anonime ayant pour titre: Rapports entre la langue sanscrite et la langue russe. Suivie de la decouvert de la vraie origin de la nation sclawonne. Prouvée historiquement et étymologiquement et présentée à l'illustre Académie impériale russe». St-Pb., 1812, VIII, 47, 17 p. (см. Библиография Индии. Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная. М., 1959. С. 175, № 3727).

³⁰ См. указанное «Разсуждение...» СПб., 1812.

³¹ *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. VII. СПб., 1885. С. 464–465, 645.

³² Там же. Сочинение, вероятно, не дошло, так как в недавней Энциклопедии Слова об авторе и его произведении не упомянуто. Потеря, впрочем, явно невелика.

³³ *Булич С.К.* Указ. соч. С. 645.

³⁴ Более подробно см.: Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский Институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. С. 34–63.

³⁵ *Крачковский И.Ю.* Восточный факультет университета св. Иосифа в Бейруте (Из отчёта о командировке) // *Крачковский И.Ю.* Труды по истории и филологии христианского Востока. Сост. А. Долинина / ИВР РАН, ИМЛИ РАН. М.: Вост. лит., 2015. С. 694, 696.

³⁶ См.: *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. Библиографический словарь. Т. 1. М.: Вост. лит., 2008. С. 77–78; История отечественного востоковедения... С. 33, 173.

³⁷ См. также: *Щеглова О.П.* Литографское книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 138–143. № 140–155.

С.В. Прожогина

ИСТОКИ «БУНТА УГНЕТЁННЫХ» В КОЛОНИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ГЛАЗАМИ ТУНИССКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛЬБЕРА МЕММИ

1950-е – 1960-е годы характеризовались взлётом национально-освободительных движений, приведших к получению независимости большим количеством государств из числа бывших французских колоний и протекторатов. Исследовать проблему социально-психологических последствий долгого соприсутствия разных цивилизаций в парадигме «угнетатель – угнетённый», «колонизатор – колонизованный» попробовал тунисский писатель, философ, публицист, профессор Сорбонны Альбер Мемми¹. Ещё в 1957 г. он попытался обобщить и даже в известной мере спрогнозировать условия «взрыва ненависти и мести» тех, у кого было отнято «право на собственную историю», чья культура была «обречена на амнезию» в период колонизации². А. Мемми заострил своё внимание не только на взаимозависимости процессов застоя социального прогресса в недрах колониального общества (в среде и колонизованных, и колонизаторов), но и на неизбежности проявлений *крайних форм* как «комплекса угнетённого», так и «комплекса угнетателя».

Вызревание национального сознания колонизованных народов в недрах колониального общества, связанного с «удержанием» традиционных ценностей своего мира, постепенное самоосвобождение от «дуализма мировосприятия» («свой» – «чужой», «я» и «другой»), как и стремление колонизаторов удержать свою безраздельную власть и сохранить чувство *цивилизационного превосходства*; объективная невозможность выбора между культурной «ассимиляцией» или «самопетрификацией» (культурным «окаменением») для колонизованных, как и почти не преодоленные трудности обращения «дикарей» в «новую веру» и повсеместного приобщения их к христианству приводят, как показывает А. Мемми, к неизбежности *радикального противостояния*, к нацио-

нальным революциям или (как это случилось в Алжире) к кровавым антиколониальным войнам.

Конечно, постколониальная реальность скорректировала некоторые выводы А. Мемми, и в частности, экономическая разруха в новых, независимых государствах. Да и способы проведения политики «тотальной арабизации» в странах Магриба, к примеру, где значительно берберское население со своей исконной культурой и языками, не улучшили положение дел в обретших независимость государствах. И такого рода трудности и попытки строительства «новой национальной культуры», созидания «национального возрождения» были чреваты новыми политическими конфликтами и этническими противостояниями, подъёмом эмиграционных волн и даже, как это ни парадоксально, закреплением (а не «смертью», как это предрекал А. Мемми) культурного билингвизма (франко-арабского) в новых национальных литературных системах. Но это не снижает ценности наблюдений А. Мемми. В приведённых фрагментах его книги «Портрет колонизованного, предварённый портретом колонизатора» читатель сможет услышать биение реального пульса не только сложной эпохи середины XX в., но и заметить «искры» тех созревших к началу XXI в. процессов, которые сегодня уже сотрясают мир новыми радикальными конфликтами и противостояниями. И в существующих и всё растущих на Западе иммигрантских слоях и анклавах, где в напряжённом социальном и политическом контексте упорно продолжается *воспроизводство культурных и конфессиональных различий*, и в воздвигаемых «принимающим обществом» многочисленных границах и барьерах для «интеграции» иммигрантов, и в очевидном крахе политики «мультикультурализма» в ставшем не менее уже очевидным по-

лиэтническим и поликонфессиональным западноевропейском мире, – разве не слышатся отзвуки печальных уроков ещё недавней колониальной истории, когда один мир с упорством отстаивал своё право на власть над другим? Когда разные цивилизации, встречаясь на одной земле, не столько берегли и умножали плоды своей «взаимопересечённости», сколько ковали оружие взаимоничтожения, раздувая «пожар», как наблюдал А. Мемми, и «комплекса колонизованного», вызывавшего «к мести», и «комплекса колонизатора», ещё и сегодня так и не простившего себе утрату бывших своих владений и загнавшего внутрь себя «комплекс колониальной вины»? Последствия этого противостояния порождают сегодня, уже по новым наблюдениям философа³, приступы западной «толерантности», которые открывают двери навстречу всё новым и новым потокам беженцев. Они ищут «прибежище» на Западе от многих, все ещё длящихся бед своего мира, но время от времени жестоко мстят ему во вспышках ненависти за когда-то разрушенный колонизаторами нормальный ход исторического времени...

Альбер Мемми⁴

I

Мифический портрет колонизованного

В точности так же, как буржуазия предполагает образ пролетария, существование колонизатора с необходимостью порождает образ колонизованного. Это своего рода условие, без которого само их существование казалось бы скандальным. Но мы попытаемся вскрыть суть этой мистификации, потому что именно она устраивает слишком хорошо и того, и другого. Ибо в этом портрете-обвинении есть черта некоей *лени*, пассивности колонизованного, и такое противопоставление принципиально удобно. Подобная униженность колонизованного – экономически выгодная характеристика. И ничто лучше не может узаконить привилегию колонизатора, чем его трудолюбие. И ничто лучше не может оправдать нищету колонизованного, чем его праздность. Таким образом, мифи-

ческий портрет колонизованного основан на его невероятной, врождённой лени, а колонизатора – на благородном порыве и природно-врождённом вкусе к действию... Но недаром говорят в их среде: «Более экономично использовать трёх колонизованных, чем одного европейца!»

...И когда колонизатор утверждает, что колонизованный – по преимуществу «дебил», умственно отсталый, то он предполагает, что именно эта «умственная отсталость» и призывает к себе на помощь, вызывает к покровительству. Отсюда и понятие «протектората». И когда колонизатор утверждает, что колонизованный – «отсталый», «с грубыми наклонностями», «с бурными инстинктами», что он – «вор», «садист», то таким образом оправдывает необходимость полиции с её «справедливой суровостью», а наличие протектората как ситуации, осуществляемой в интересах самого же колонизованного, который не может участвовать в системе управления его страной. Это – «тяжёлая обязанность» колонизатора. Колонизованного просто необходимо защищать от опасных глупостей и безответственных поступков, от него самого, от его собственной злости. Есть и ещё расхожее представление об отсутствии у колонизованного всяких потребностей к удобствам, неспособности к техническим новшествам, невосприимчивости вообще к прогрессу; но зато в нём наличествует удивительная приспособленность к нищете.

...Трудно понять, как может колонизованный быть одновременно отсталым и злым, ленивым и недоразвитым: уж лучше бы относиться к нему, как к «дикарю» в XVIII в.: отсталый, но добрый... Да к тому же в этих определениях есть и противоречия: то колонизованный свyksя с нищетой, она у него – в природе, то он – жаден и безудержно ворует...

Даже традиционное арабское гостеприимство колонизатор (в отличие от туриста-европейца) отвергает, и колонизованный в его глазах становится «ревнивым, замкнутым, враждебным». «Они непредсказуемы! Их действия невозможно предугадать! С ни-

ми невозможно никогда и ничего знать на-
верное!» Словом, чуждая, беспокоящая им-
пульсивность колонизованного – вот что, в
основном, движет этой массой людей... Но
похоже, что колонизатору нужно, чтобы ко-
лонизованный был именно таким – чужа-
ком, непонятым, чтобы он оставался всегда
таким, загадочным, даже после стольких лет
колонизации...

...Характерный знак подобной деперсо-
нализации – употребление множественного
числа. Колонизованный просто предназна-
чен быть только в числе других, растворён в
анонимном количестве: «Они – все таковы.
Они – все одинаковы... На них нельзя рас-
считывать»...

Слуги же воспринимаются как индиви-
дуумы. Но главное, колонизатор отрицает за
колонизованным самое дорогое – право
большинства людей на свободу. Условия
жизни, созданные колонизатором, это вовсе
не предполагают, просто не принимают в
расчёт. И у колонизованного нет никакого
выхода из своего жалкого положения: ни
юридического (натурализация), ни «мисти-
ческого» (религиозная конверсия).

Этот бред, разрушительный для колони-
зованного, рождён потребностью колони-
затора оправдать колониальную ситуацию. Но
вреднее всего он сказывается на колонизо-
ванном, когда тот свыкается с подобным
бредом. Или начинает действительно боять-
ся «могущества» своего обвинителя и «по-
кровителя». Колонизованный тогда начина-
ет задавать себе вопрос, а не виноват ли во
всём он сам? Действительно, может он и ле-
нив, и бездействен? В самом деле, ведь по-
зволили же мы себя угнетать? Ведь они за-
пугали же нас?

И желаемый, навязываемый, придуман-
ный самим колонизатором мифический
портрет колонизованного, в конечном счёте,
приживается в его сознании, и колонизован-
ный даже может вжиться в него...

Таким образом, мистификация обрета-
ет определённую реальность и способ-
ность действительно создать «портрет ко-
лонизованного», и тогда в обществе, осно-
ванном угнетателем, в определённый мо-

мент истории может даже наступить ста-
бильность.

И сформированный, и навязанный таким
образом комплекс зависимости, «колонизуе-
мости» начинает действовать, но до опреде-
лённого момента. Ведь угнетение – так или
иначе долго не переносится угнетёнными. В
колониальной ситуации – это власть одного
народа над другим. Но внутренняя схема уг-
нетения – одна и та же. И хотя на каком-то
этапе колонизованный «врастает» в колони-
альную ситуацию, но это – всего лишь след-
ствие, результат его колонизации, его угне-
тения, но не её причина.

«Комплекс колонизуемости» появляется
после, а не до колониальной оккупации. Для
того чтобы колонизатор оказался «хозяйи-
ном», осознал себя им, недостаточно того,
чтобы он им сам себя объявил, но чтобы он
был им объективно. А это значит, необходи-
ма вера в законность такого положения, как
и вера в то, что колонизованный – объектив-
но является рабом, чтобы он сам себя при-
знал таковым по закону...

Словом, колонизатор должен быть при-
знан как таковой колонизованным. И полу-
чается, что связь между колонизатором и
колонизованным не только деструктивна, но
и «созидательна»: ведь она разрушает, раз-
деляет, но и одновременно воссоздаёт двух
партнёров одного процесса – колонизации –
в облике колонизатора и колонизованного,
один из которых превращается в угнетателя,
в существо особо хитрое, озабоченное толь-
ко своими привилегиями, защищающего их
всеми способами, во что бы то ни стало.

Другой, который оказался несвободным
в выборе своей судьбы, которому в итоге
колонизации страны достался удел «денату-
рированного» человека, трансформирован-
ного в предмет угнетения, с которым не счи-
таются, к кому не испытывают никакого со-
страдания, кого частенько используют, как
дичь для загона на охоте, не считая его че-
ловеком, превращён в угнетённого, разру-
шенного в своей нормальной эволюции, че-
ловека раздавленного и униженного. И если
колонизатор искушён сознанием своей вла-
сти над этим человеком, то колонизован-

ный, чтобы выжить, принимает своё положение как неизбежность.

II Ситуация колонизованного

А потом начинается замкнутый круг. Если «портрет» создан, то его надо воплотить в реальность. И если кто-то где-то что-то своровал, совершил какое-то преступление, то на подозрении обязательно будет колонизованный... Но это ситуация несостоятельной идеологической агрессии, которая тяготее к дегуманизации колонизованного, потом к его полной мистификации... а быть мистифицированным зачастую оказывается подчинить мифу своё поведение... И подкормленный, обновлённый, возобновляемый историческими, экономическими и культурными требованиями колонизаторов, этот миф укореняется и постепенно становится реальностью. Будет ли колонизованный чувствителен или нет к клевете и презрению, пожмёт ли плечами, оскорбившись, или убоится удара кулаком в лицо, — это уже не имеет никакого значения в сравнении с тем, что ему не избежать нищеты, агонии своей жизни и беззакония... Колонизация фабрикует колонизованных.

Колонизованный и история

Лишение самое тяжёлое, которому подвергся колонизованный, — это то, что его поставили вне истории и вне гражданства. Колонизация лишила его права на свободное участие и в войне, и в мире, и вместо права самостоятельного принятия решения, которое решает его участь, лишила его исторической и общественной ответственности...

...Обычно память народов хранит вспышки народного гнева против власть имущих. Бунты против тех, кто должен был учитывать волю народов: народы всегда чувствовали свою ответственность за то, что они лишались свободы, за свою инертность, слабость или, наоборот, за излишний оптимизм, за несправедливое использование законов... Колонизованные же не чувствуют себя ни ответственными, ни виноватыми, ни

скептиками. Они просто — «вне игры». Ибо колонизованный — не субъект, не «подданный» Истории. Он, конечно, испытывает её тяжесть, гораздо более тяжёлый груз, чем все остальные, но только как *объект*. Ибо теряет привычку к активному участию в ней и даже не требует права на это участие.

Пока длится колонизация, он утрачивает даже воспоминание о свободе. Он забывает о том, чего она стоит, и не осмеливается больше платить за неё. А иначе чем объяснить, что горсточка колонизаторов с вызывающим видом живёт среди толпы колонизованных? Что гарнизон из нескольких человек военных спокойно стоит в горах? Сам колонизатор удивляется этому. Хотя, конечно, знает, что всё не так просто: все ресурсы техники в их распоряжении, телефон, телеграф, самолёты — всё приводится в действие в течение нескольких минут. А это — надёжное средство устрашения, защиты и разрушения. За одного убитого колонизатора будут уничтожены сотни, тысячи колонизованных. Опыт в этом смысле у колонизованных есть, и он, к сожалению, часто повторялся. Всё было пущено в дело, чтобы вытравить в колонизованном смелость умереть и испугать его видом потоков крови...

Речь идёт о лишении колонизованных прав, об отнятии их у них, этих прав на участие в истории, а не о врождённой предрасположенности людей к этому неучастию...

...Тоска по оружию всегда с колонизованным... Но отнятие права на войну постепенно порождает воинственность пропорционально гнёту колонизации: самые изолированные племена оказываются самыми готовыми в любую минуту взяться за оружие. И это — не доказательство их «дикости» или их «грубой силы»...

Опыт последней войны был решающим. Она не только научила колонизованных опыту партизанской войны, но и напомнила и внушила возможность воинственного поведения и свободы... Недаром в колониальных странах не разрешали во время войны показывать фильмы о французском сопротивлении нацистам. Они не только обучали пользоваться оружием: угнетённые, даже не

вооружённые или едва вооружившись, осмеливались отстаивать свои права и атаковать своих угнетателей...

Колонизированный, действительно, колеблется, прежде чем взять в руки свою судьбу... Но уже и не дрожит, увидев колонизатора. А в армии уже шутили по поводу настойчивости солдат-повстанцев из среды колонизированных носить форму цвета хаки... Хотели, конечно, чтобы и их рассматривали как настоящих солдат французской армии и обращались с ними как с равными во всём воинами... Но в этом упрямстве колонизированных, сражавшихся на стороне колонизаторов с немецким фашизмом, было и ещё одно преимущество: они отвоёвывали себе Историю, а История уже была сама одета в цвет хаки...

Колонизированные и гражданство

Расхожие фразы: «Они не способны к управлению. Они не способны сформировать правительство». Колонизированные удалены от власти, теряют к ней привычку, навыки управления своей собственной страной. А потом, когда, организовавшись, колонизированные часто выступают с позиций национализма, их требования считают «шовинистическими». Однако речь идёт совсем о другом, об амбициях, о технике объединения, которая движима мотивами эмоциональными... Говорят, что колонизация ускорила созревание сознания колонизированных. Можно также сказать, что колонизация и замедлила темп образования этого национального самосознания. Разве случайно, что у колонизированных народов осознание самих себя поднялось в последнюю очередь? Не располагая никакими правами гражданства, не голосуя, не участвуя в общественных делах, колонизированный не чувствовал себя настоящим гражданином. Его гражданственность – частична: он есть только то, что не есть колонизатор.

Ребёнок колонизированного

Не рассматривая себя гражданином, колонизированный теряет также и надежду увидеть своего сына гражданином. Ребёнок для него не существует в этом плане, и отсюда

возникает «дыра» в его гражданском образовании, полный пробел. Позднее, юношей, сын увидит единственно возможный выход из несчастной ситуации: бунт. Ибо круг замкнулся. И он взбунтуется и против своего отца и семьи, осуществив свой бунт как акт очистительный, оздоровительный и необходимый, чтобы сформировать собственное «Я». Это позволит ему начать новую жизнь, жизнь мужчины; начать новую битву – счастливую или несчастную, но среди других людей. Конфликт поколений может и должен разрешиться в социальном конфликте. В свою очередь, он – фактор движения и прогресса. Молодые поколения находят в коллективном движении выбор решения своих трудностей, а само движение ускоряет этот выбор.

...Жизнь в колониях застыла, её структуры окостенели, зажаты, как в корсете. Никакая новая роль не предлагается молодому поколению. Никакое начинание невозможно. И если кто-то говорит, что колонизатор «уважает» привычки и нравы колонизированных, то это правильно в том смысле, что если их не «уважать», то любое их изменение может быть непредсказуемо. Таким образом, колонизация способствует и просто призвана сохранять элементы самые ретроградные в традициях жизни колонизированных. Колонизатор, конечно, не единственный ответственный за такую ситуацию. Но сама колониальная система усиливает такую мумификацию.

Колониальное общество оказывается неспособным к обновлению своих структур, приспособлению их к современным запросам. Но именно эти требования времени изменяли в течение веков лицо французского общества. И если невозможно законным и нормальным способом постепенно найти выход из такого застоя, то решение одно: революция. Или остаётся общественный склероз. Колониальное общество – это общество больное, в котором внутренняя динамика процессов развития не приводит к созданию новых структур. Его облик застыл и постепенно становился маской, под которой оно давно задыхается и агонизирует.

ет. В таком обществе не может разрешаться конфликт поколений, ибо оно не подлежит трансформации...

...Бунт колонизованного юноши, если он далёк от того, чтобы разрешиться в социальном прогрессе, может только увязнуть в болоте колониального общества. Если только он не станет абсолютным бунтом, окончательным разрывом...

Традиционные ценности

Рано или поздно он обрушится на традицию повиновения (*de repli*) и на традиционные ценности. Даже такие, как семья, которая представлялась истинной "*valeur-refuge*" («убежищем»). Она спасала колонизованного от отчаяния в тотальном поражении. Но, «самосохраняясь», она продолжала обеспечивать лишь «старый порядок» вещей. Бунт чаще всего заканчивался победой отцов и традиции. Но это – печальная победа. Колонизованное общество не продвигалось в своём развитии ни на полшага. И для молодого человека – это катастрофа внутренняя. Если его «поглощает» семья, традиция, предлагающая ему «приют» и «тепло», то он терпит духовную катастрофу. И постепенно он начинает готовиться к исполнению роли колонизованного. То есть приносит себя в жертву, как объект угнетения...

В точности так же обстоят дела и с такой бесспорной во всех отношениях традиционной ценностью, как религия, одновременно живучей, но и достаточно формализованной. Католические миссионеры плохо представляют себе этот религиозный формализм как главную черту нехристианских религий, предлагая как средство – выйти из них и перейти в другую веру... Они не представляют себе, что именно религия, как и семья, одновременно спасают колонизованного и губят, душат его, защищая его самобытность, но одновременно и изолируя его, просто обрекая на изоляцию в колониальном обществе...

Колониальное общество не обладает национальными структурами; оно не в состоянии предоставить историческое будущее колонизованным. Или должным образом удов-

летворить обеспечение настоящего. И это настоящее колонизованный должен вырывать из ига колонизации, которая давит со всех сторон, подавляя своим техническим и культурным «престижем» молодое поколение колонизованных.

А религиозное, пусть формальное, прикрытие помогает «закрыться», «застыть», умерить свои потребности, спасти на какое-то время саму свою жизнь. Спонтанная реакция самозащиты, средство сохранения коллективного сознания, без которого народ (быстро) исчезнет, перестанет существовать. В условиях колониальной зависимости переход из одной религии в другую взрывает семьи и означает смерть «внутри себя» своего социума.

...Склероз колонизованного общества – это следствие двух разнонаправленных процессов: внутреннего окостенения и внешнего давления. Всё это – следствия и факторы колонизации. Оба феномена выливаются в общий результат: социально-исторический катаклизм и колониальную каталепсию.

Культурная амнезия

Пока длится колонизация, колонизованный стоит перед альтернативой: ассимиляция или петрификация. Окаменение. В ассимиляции как таковой ему отказано по факту. И ему остаётся жить вне времени. Но он располагает всё меньше и меньше своим прошлым. Народные герои, мудрецы, вожди, учёные прошлых веков, – всё это лишь хаос в душе колонизованного, который уже ничего толком не знает. Колонизованный был приговорён, казалось, к «утрате памяти». Ведь воспоминание – это не только феномен разума. Так же как память индивидуума – это плод его истории и физиологии, память народа покоится на его институтах. А эти институты либо отмерли, либо окостенели. А в те, что сохранили видимость жизни, он больше не верит, он ощущает каждый день их неэффективность, стыдится их, как памятника чему-то смешному и анахроничному.

Конечно, в согласии с формальными требованиями, он сохраняет свои праздники, равные самим себе на протяжении не-

скольких веков. Именно они располагаются сами и располагают колонизованного вне времени. Точнее, они, эти праздники, находятся у истоков его исторического времени, но не в текущей Истории. С того самого момента, как они учреждены, в жизни народа как будто бы ничего не изменилось. То есть в том смысле, что ничего не случилось такого, что надо уместить в сознание даже во время праздника. Нет, только пустота...

Случается, что колонизатор что-то привносит в его культуру, создаёт нео-ориенталистский стиль или имитирует европейский. Но это лишь экзотизм, а не ренессанс. Да и сам колонизованный избегает воспоминаний о своём прошлом.

Школа колонизованного

Каким путём передаётся наследие народа? Путём образования, которое дают детям, языка – этого чудесного резервуара, без конца пополняемого новым опытом. Традиции и новоприобретения, привычки, деяния и жесты предшествующих поколений наследуются и прописываются в истории. Однако преобладающее большинство колонизованных детей, которые имели шанс попасть в школу, не «спасено» в плане национальной культуры. Память, которую им воспитывают и формируют, – вовсе не та, что должна быть у их народа.

История, которую им преподают, – это не их история. Кромвель и Жанна д'Арк – не Кахина⁵. Так и с литературой, и искусством, и философией. Учитель и школа представляют им в общих чертах мир, слишком отличный от мира семьи. И в школе окончательно закрепляется дуализм существования, дуальность мировосприятия.

Колониальный билингвизм

Пользуясь только одним своим языком (чаще всего бесписьменной культуры, диалектом, или так называемым «материнским»), колонизованный становится чужим в своей собственной стране, где властвует колонизатор. В колониальном контексте билингвизм необходим. Это условие всякой коммуникации, всей культуры и прогресса.

Но билингвизм колониальный, спасая от «заключения» в тюрьму изолированности, от замкнутости «на себя», обрекает на ещё одну культурную катастрофу.

В колониальном контексте – билингвизм необходим, но владение двумя языками (своим и чужим) – это не только овладение двумя необходимыми элементами существования, это ещё и существование в двух совершенно разных психических и культурных мирах. Но эти миры, эти университеты в колониальном контексте находятся в состоянии конфликта. Мир колонизованного и мир колонизатора заставляет делить языки на принадлежность к миру «материального» и «идеального» (мечтаний, воображения и т.д.). Последний оказывается никому не нужным, – с ним не устроишься на работу, не отвоюешь себе место под солнцем. Для этого нужно согнуться в три погибели и выучить язык хозяев. Язык родной, «материнский», побеждён, унижен, раздавлен. Короче, колониальный билингвизм, в котором сосуществуют народы, даёт преобладание и преимущество только языку правящего мира. Это – не лингвистическое богатство, наподобие второй или третьей клавиатуры, – это лингвистическая драма.

Ситуация писателя

Неудивительно, что у колонизованного нет живой литературы на родном языке. Его лингвистическая двойственность – это символ его культурной двойственности. Колониальный писатель – воплощение всех двойственностей, всех невозможностей колонизованного, доведённых до последней степени. Даже если писатель знает свой родной язык настолько, что способен на нём писать, то для кого? Народ неграмотен, а буржуазия и интеллигенция говорят на языке колонизатора. И писатель выбирает именно этот язык. Но это ещё хуже: он будет писать на языке победителей своего народа! На языке *завоевателя*. Отсюда – горечь и резкость их произведений. А что ждать от колонизованных? Только выражения их возмущения и их несчастья... На что надеяться? На слова мира от тех, кто страдает? Благодарности?

За что? За какое-такое одолжение? За взятый взаймы язык?

Появление литературы колонизованных, самосознание североафриканских писателей – не есть изолированный факт. Это часть возникновения и утверждения самосознания целого человеческого коллектива колонизованных. Плод не случайный, не чудо-растение, но знак его зрелости.

И появление художника в колониальном обществе – результат опережающего утверждения коллективного самосознания. Он – и участник процесса, и его катализатор. Однако самое срочное требование коллектива, который начинает себя осознавать, – это требование освобождения и учреждения своего родного языка, реабилитации его в правах. Только родной язык позволит колонизованному восстановить прерванную связь времён, обрести утраченную непрерывность своей истории. И это – необходимость. Но это не значит, что это требование долго не избывает, и что за это время не происходит процесс обогащения одной культуры другой.

...Чтобы примирить свою судьбу с самим собой, писатель мог бы попробовать писать на своём родном языке. Но это не приходит сразу, в течение одной чьей-то жизни. А тот, кто уже пишет, с лёгкостью переходя с одного языка на другой, так и живёт в состоянии разлада.

Проблема может разрешиться двумя путями: медленным угасанием литературы колонизованных, когда будущие поколения писателей будут писать только на родном языке. Или же, если не заглядывать далеко, то надо решиться полностью принадлежать литературе метрополии. Этическую проблему отложить в сторону. Но и тогда – это самоубийство литературы колонизованных. Обе перспективы подтверждают, что литература колонизованных на европейском языке кажется приговорённой к смерти уже в молодом возрасте.

Лишённый прав человек

Колонизация отбросила колонизованного на обочину дороги Истории, поставила

его вне современного течения времени. Возник порочный круг: лишившись прав, он становится существом неполноценным, недостаточным. Отсюда – все его несчастья...

И даже если он не является таким, каким возникает в колониальном мифе, тем не менее он – узнаваем в своём колониальном обличье... Это существо – угнетаемое, лишённое прав, неполноценное. Кто-то тоже страдает от билингвизма, кто-то – среди интеллигенции колоний – ощущает внутренний разлад, разрыв, но неграмотный человек просто «замурован» в свою «устную культуру». И те, кто понимают такую судьбу, не смиряются с колонизацией, выражают свой «отказ». Это – выразители общего несчастья. Иначе, разве бы голос писателей из колоний не был так быстро услышан?..

...Однажды угнетённый восстанет против своего невыносимого существования. Он либо попробует стать другим, либо попробует восстановить или отвоевать всё то, чего лишила его колонизация...

«Changer de peau» – «сменить кожу» – это только первая попытка, *это отказ от себя*. В результате он не обретёт «доблестей» колонизатора, но обеднит самого себя, вырвет себя из самой своей сущности. Вот почему «стать другим» («чужим», уподобиться ему) – эта свобода иллюзорна (и для негра, и для еврея, и для араба). Стыдясь себя, отказываясь от себя, он становится никем...

Несчастье ассимиляции – это как отказ от семьи, стыд своей бедности, бедности своих родителей. Перерубают корни. В условиях колониализма ассимиляция невозможна. Человек только разрушит себя. Разве можно смотреть на «своих» глазами их палачей? Стыдиться того, откуда ты сам родом? Это будет процесс систематической агрессии против самого себя, а значит, – саморазрушения...

Для ассимиляции недостаточно только освободиться от «своей группы»: надо ещё проникнуть в другую. А там ждёт чаще всего **отказ**. Колонизатор, к примеру, считает, что «чем больше обезьяна умеет, чем она ловчее, тем больше она раздражает своих подражателей»...

Ассимиляция, осуществившаяся или неудавшаяся, не только зависит от «добрых намерений» или от психологических факторов, существующих в самом колониальном обществе... Для успеха, для того, чтобы не группы людей, а целый колонизованный народ ассимилировался, надо модифицировать условия колониального существования: уничтожить колониализм... Осуществить эмансипацию человека, уничтожить угнетение. Ассимиляция и колониализм – взаимоисключающие понятия.

Бунт

Не видя возможностей согласия, слияния, гармоничного существования, колонизованный выберет бунт. Это не удивляет. Хотя эти бунты не часты. Условия жизни колонизованных – абсолютны, и они требуют абсолютного разрешения. Колонизованные были вырваны из своего прошлого, но им был преграждён путь в будущее; его традиции агонизируют; он теряет надежду обрести другую культуру, у него нет языка, ни знамени, ни техники, ни прав, ничего. Он не владеет ничем. Стал никем. И не надеется ни на что.

...Как выйти из этой ситуации? Разрыв, взрыв этого порочного круга бытия. Ибо колониальная ситуация не может быть улучшена или поправлена, от неё можно только избавиться.

В своём бунте колонизованный сохраняет следы и уроки долгого сосуществования с колонизатором. Он выдвигает свои требования и сражается от имени тех ценностей, которые привнёс колонизатор, употребляет его образ мыслей и его методы борьбы...

...Все европейцы колоний автоматически становятся в глазах колонизованных колонизаторами из-за экономических привилегий и принадлежности к угнетающей политической системе, из-за их участия в создании аффективного «комплекса отрицания» существования колонизованного, отказа от признания его рабского положения. И таким образом колонизованный превращается в ксенофоба и «расиста». И этот «расизм» – не результат мистификации колониалиста:

это результат самомистификации как агрессора против несправедливости другого. Короче – это не расизм нападающий, но защищающий своё достоинство.

Самоутверждение

Поначалу отмщение за себя приобретает для колонизованного форму утверждения своей непохожести, своего отличия от колонизатора, и он требует этого отмщения со страстью. Он будет, он есть тот человек, которого отбрасывали с той же страстью, с какой он тайно восхищался Европой. Но он начнёт с утверждения жизнеспособности своих старых обычаев, попробует подчинить их современности, сделает религию способом общения не только с «невидимым» миром, но прежде всего со своим. Он станет утверждать своё отличие, раз эти отличия образуют его сущность. Отсюда – повышенная религиозность, традиционность, собственная концепция мира. Раз его религия и его традиции – это его сущность, его отличительное свойство, то он будет отстаивать своё «единство» как способ утверждения жизнеспособности своего народа и утверждения своей собственной солидарности с ним.

Он даже пойдёт на крайности. Выберет самую трудную трудность. Запретит язык колонизатора и все «удобства» колониального мира. Выберет язык старой письменной культуры, «учёный», на котором трудно общаться и нелегко учиться, но он пойдёт на все эти меры. Они – оправдательны. И никому, никакому народу нельзя запретить потребность оправдать себя, выкупить себя из полного плена.

Колонизация сосредоточила колонизованного на возвращении к своим основам «доколониального существования».

Амбивалентность утверждения своего «Я»

Но повернувшись «к себе», к своим собственным истокам, колонизованный не может не проделать этот путь в границах, установленных самим колониализмом. Религия, традиция, отсутствие склонности к техниче-

скому прогрессу, оригинальная сущность духовной жизни – вся так называемая «восточная природа» колонизованного определена колонизатором, не согласуема с «механикой века», с новой цивилизацией, к которой был призван приобщить колониализм. И происходит поначалу процесс дальнейшей мистификации колонизованного.

Идеологические задачи, конечно, у того иные: он не унижает, но возвышает себя, но отбрасывает в сторону всё то, что было предназначено для его образования. Он отбросит в сторону и экономику, и принципы административного управления, и школьные программы, и старые кадры, поменяет учителей и предметы обучения... Он предпочтёт крайние трудности, но зато не будет больше ничего и никому должен. Ошибка состояла в том, что колонизованный думал, что всё это принадлежит (или выдуманно) колонизатору. Полагая, что такая система жизни не адекватна в целом его способу существования. И это отрицание всего, что «принадлежит колонизатору», было главным элементом утверждения себя. Но рождённое только из протеста против ран, нанесённых колониализмом, это «утверждение себя» продолжало развиваться в рамках того комплекса, который был навязан колонизаторами.

Не очень уверенный в себе, он опьяняет яростью и насилием. Не очень уверенный в необходимости «возврата к прошлому», он агрессивно утверждает эту необходимость. Столь долго наказываемый Историей, он остаётся беспокойным, несмотря на уверенность в правоте своих требований.

...И это – драма человека, продукта и жертвы колонизации. Он не может почти никогда совпасть с самим собой...

Во время, как и до своего бунта, колонизованный не перестаёт сравнивать себя с колонизатором, которого он выставляет либо как модель, либо как антитезу. И так или иначе, но даже во время бунта продолжается период разлада с самим собой. И чтобы видеть окончательное выздоровление колонизованного, необходимо, чтобы совершилось и окончательно прекратилось его отчу-

ждение. Надо ждать полного исчезновения колонизации, то есть второго периода бунта, когда колонизатор его поймёт и заметит...

После диагностики причин «болезни» колонизованного общества необходимы поиски средств его излечения.

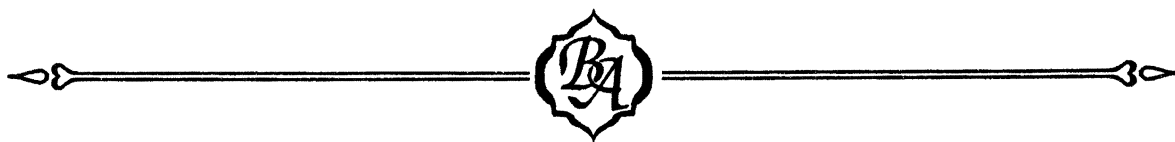
Для многих из нас, которые отказывались от лица Европы в её колониях, речь вообще не шла о том, отказаться от Европы вообще, в целом. Мы желали только, чтобы она признала наши права, как мы признали, что готовы на исполнение своего долга (и мы платили за него нашими жизнями). Но мы с удивлением замечали, что эта наша надежда была иллюзорна. Наши замыслы были всего лишь новым воспроизводством портретов колонизатора и колонизованного. Согласие, гармония были невозможны. В современных условиях остаются огромные социальные противоречия, порождённые колонизацией. И она или продлевается, и её «эффекты» продолжают сказываться. Или же всему этому надлежит исчезнуть, и следы отношений «колонизованный – колонизатор» тоже исчезнут навсегда.

Возможно, для колонизатора, вместо несостоявшейся ассимиляции колонизованного, была уготована его экстерминация, уничтожение. Но последнее для этой системы не подходяще. Ведь это прежде всего экономическая и политическая эксплуатация других народов. И если уничтожают колонизованных, то и колония становится обычной землёй, где некого эксплуатировать.

Вот почему с «концом» колонизованного как такового наступает конец колонизации и колонизатора. Искоренение «колонизованного» в самом себе, утверждение им своего собственного «Я» – это и конец колонизатора.

И ассимиляция была задумана как противоположность колонизации. Смешать всех воедино нельзя, это означает уничтожение колонизатора и самой колонизации. Колонизованные никогда бы сами её не допустили.

И вот наступает день, когда колонизованный поднимет голову. Его, конечно, со-

трясает ещё неустойчивый эквилибр. Но у него нет другого выхода. Кроме одного: положить конец угнетению. Но отказ колонизованного от своего положения, от колониальной ситуации может быть только абсолютным. То есть не бунтом, но полной революцией.

Реформы, последовательные замещения требований худших на лучшие, – не выход. Тогда процесс ликвидации колониализма не окончится никогда. Умеренность – это не мера.

Колонизация убивала колонизованных не только материально: она убивала их духовно. Она искажала отношения между людьми, разрушала или склерозировала общественные институты, традиции, коррумпировала людей. Всех и вся... И колонизаторов, и колонизованных. И чтобы жить дальше, колонизованный должен уничтожить колонизатора. Но чтобы стать человеком, он должен уничтожить в себе *колонизованного*, каким он стал.

Ликвидация колонизации – это только прелюдия к полному освобождению: победе над самим собой. Отвоевание самого себя, человека в себе – вот что главное.

И для этого надо полностью освободиться от условий собственного порабощения. От националистических воззрений, чтобы бороться за достоинство и честь своего народа, который должен почувствовать себя равным с другими народами. Народ существует не ради верховенства нации или религии, но благодаря своей истории и прошлому, традициям своего этноса и его верованиям. Возможно, тогда исчезнет абсурдное противопоставление «Восток – Запад». Эта антитеза давно окаменела, насквозь выдуманна и узаконена ложью колонизатора о непреодолимости барьеров между колонизованными и теми, кто их колонизовал.

Что значит «возврат к Востоку»?.. Если колонизованный сам перестанет быть существом неполноценным, станет «другим» (хотя и география, и традиции останутся), то может быть тогда будет меньше разность между алжирцем и марсельцем, или алжирцем и ливанцем... Именно тогда, когда колонизованный обретёт «размеры» просто человека, он станет Свободным.

Примечания

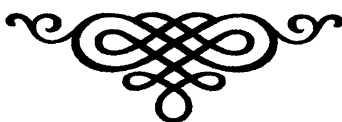
¹ Альбер Мемми родился в Тунисе в 1920 г. Автор широко известных романов и публицистических «портретов» и эссе: “La statue de sel”, P., 1953; “Agar”, P., 1955; “Le Scorpion, ou la confession imaginaire”, P., 1969; “Le desert”, P., 1977; “Le pharaon”, P., 1988; “Portrait du colonisé, précédé de portrait du colonisateur”, P., 1957; 1985; 2002; “Portrait d’un juif”, P., 1962; 2002; “L’Homme dominé”, P., 1968; 1973; “Le racisme”, P., 1994; “Portrait du decolonisé arabo-musulman”, P., 2004 и многих других. Его творчество переведено на многие языки мира в 20 странах. К 95-летию А. Мемми в Национальном центре научных исследований Франции вышла его «Антология портретов» (A. Memmi. Anthologie des Portraits, 2015), в которой представлена публицистика писателя.

² Memmi A. “Portrait du colonisé, précédé de portrait du colonisateur”. P.: Buchet-chastel, 1957. Préface de J.P. Sartre. Фрагменты из раздела этой книги «Портрет колонизованного» публикуются ниже (перевод мой. – С.П.)

³ См. его книгу “Portrait du decolonisé” («Портрет деколонизованного»). P., 2004.

⁴ Фрагменты книги: Мемми А. Portrait du colonisé précédé du Portrait du colonisateur, P., 1957.

⁵ Легендарная берберская царица, защищавшая свой народ и его землю от вторжения чужеземцев.

В.Г. Бухерт

«МАТЕРИАЛ СЛЕДУЕТ БРАТЬ ТОЛЬКО ИЗ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ»

Отзыв В.Б. Луцкого на реферат Е.М. Примакова. 1955 г.

Учёба в Московском институте востоковедения (1948–1953 гг.), а затем в аспирантуре экономического факультета МГУ (1953–1956 гг.) открыла Е.М. Примакову¹ путь в науку. Дать ему рекомендацию для прикрепления к аспирантуре директора МИВ² убедила преподавательница арабского языка К.В. Оде-Васильева³. Кроме неё, из тех, кто обучал студентов в МИВ, Е.М. Примаков выделял (и это характеризовало его собственные научные устремления) «блестящего знатока марксизма» Э.Я. Брегея, преподававшего политэкономия⁴.

Зачисление в аспирантуру было большим достижением для студента из провинции. Однако «счастливые аспирантские годы пролетели быстро, но по истечении положенных трёх лет диссертацию он не защитил»⁵. По свидетельству В.С. Зорина⁶, в Москве Е.И. Примаков отнюдь «не вёл жизнь анахорета»⁷, но если это и было причиной отсрочки защиты диссертации, то, очевидно, не единственной и не главной.

С осени 1953 г. Е.М. Примаков стал работать в Главном управлении радиовещания на зарубежные страны Государственного комитета по телевидению и радиовещанию, а в 1956 г. возглавил вещание на страны Арабского Востока⁸.

Е.М. Примаков вспоминал: «В аспирантуре я написал кандидатскую диссертацию, но защищать её следовало – таков был порядок – не в МГУ, а в другом институте. Собственно, мне было уже не до защиты. Появилась семья⁹, надо было думать о зарплатке, и я устроился на Иновещание, где, будучи аспирантом, подрабатывал и где очень прилично платили. Допускаю, так и не защитился бы...»¹⁰. Однако на защите стал настаивать заместитель директора Института

востоковедения АН СССР Р.А. Ульяновский¹¹, и ему удалось убедить Е.М. Примакова. Не случись этого, как признавался сам Евгений Максимович, он «не пошёл бы потом по научной линии»¹².

Первая из статей Е.М. Примакова, в которых излагались основные положения будущей диссертации, была опубликована в 1955 г.¹³, а вскоре была издана и его первая книга¹⁴. Статьи Евгений Максимович публиковал не только под своей фамилией, но и под псевдонимом «Е. Максимов».

Завершению работы над диссертацией предшествовала подготовка Е.М. Примаковым реферата по теме «Воздействие экспорта капитала на экономику слаборазвитых стран (на примере Египта и других арабских стран)». Научным руководителем Е.М. Примакова в аспирантуре был известный востоковед В.Б. Луцкий¹⁵. Данный им 23 июня 1955 г. отзыв на реферат, наряду с признанием общего высокого уровня работы, содержал и критические замечания, требовавшие существенной доработки основных положений подготавливаемой диссертации. Видимо, это и стало одной из главных причин отсрочки защиты.

В 1960 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялась защита Е.М. Примаковым диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук по теме «Экспорт капитала в некоторые арабские страны – средство обеспечения монопольно высоких прибылей». Диссертацию на соискание учёной степени доктора экономических наук по теме «Социальное и экономическое развитие Египта» Е.М. Примаков защитил в 1969 г. в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), причём, по его собственному выражению, он «умудрился» сделать

это, будучи корреспондентом газеты «Правда» на Ближнем Востоке¹⁶.

Когда в следующем году Е.М. Примаков пришёл в ИМЭМО на должность заместителя директора, «академические коллеги» его «настоящим учёным» не признали, а считали всего лишь «способным журналистом»¹⁷.

Докторскую диссертацию, как и кандидатскую, Е.М. Примаков защищал, по собственному признанию, «меньше всего строя на этот счёт планы»¹⁸. Как и в случае с кандидатской диссертацией, вновь понадобилось влияние со стороны, на этот раз – директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева¹⁹, к которому Евгений Максимович относился с большим уважением²⁰. Именно он настоял, чтобы Е.М. Примаков пошёл на защиту.

Близкий друг Евгения Максимовича на протяжении десятилетий – Т.А. Колесниченко²¹ утверждал, что Е.М. Примаков «хотел быть журналистом и именно журналистом»²², но, как оказалось, судьба отвела ему роль совершенно иного масштаба.

Отзыв на реферат Е.М. Примакова был обнаружен в личном фонде В.Б. Луцкого (Ф. 1574), хранящемся в Архиве Российской академии наук (РАН).

В.Б. Луцкий

**Отзыв на реферат Е.М. Примакова
«Воздействие экспорта капитала
на экономику слаборазвитых стран
(на примере Египта и других арабских
стран)»**

Реферат тов. Е.М. Примакова ставит задачей показать, как воздействует экспорт капитала в колониальные и зависимые страны на экономическое положение и развитие этих стран. Вводная теоретическая часть реферата правильно освещает причины и условия экспорта капитала из империалистических стран в страны колониальные и зависимые и формулирует противоречивые, двойственные результаты экспорта капитала. С одной стороны, экспорт капитала ускоряет капиталистическое развитие колониальных и зависимых стран, с другой сторо-

ны, ведёт к ограблению этих стран, к консервации феодальных пережитков, к торможению развития национальной промышленности, что, в конечном счёте, задерживает развитие указанных стран.

Вызывает сомнение проводимое автором различие между основой экспорта капитала (наличие «избыточного» капитала в капиталистически-развитых странах) и причиной экспорта капитала (обеспечение максимальных прибылей). Оба эти явления связаны между собой, оба они лежат в основе экспорта капитала и являются его причинами.

В основной части реферата автор на широком конкретном экономическом материале, преимущественно египетском (но с привлечением также материалов по другим странам Ближнего Востока), развивает свои основные теоретические положения. Он показывает, как развёртывается процесс капиталистического развития в период империализма в условиях колониальных и зависимых стран, вскрывая противоречия этого процесса и факторы, тормозящие его. Однако существенным недостатком его анализа является то обстоятельство, что он не исследует при этом конкретно – какие экономические процессы вызваны действительно воздействием экспорта капитала и какие из них вызваны внутренними причинами, развитием национального капитала (в борьбе с иностранными монополиями и вопреки их воздействию). Поэтому у читателя может сложиться неправильное впечатление, что своим капиталистическим развитием колониальные и зависимые страны целиком обязаны экспорту иностранного капитала. Чтобы избежать такого впечатления, недостаточно в общей форме указать на наличие национального капитализма, который развивается в борьбе с иностранным капиталом, как это делает автор, но надо также проследить этот процесс посредством анализа конкретного экономического материала. Так, например, развитие товарно-денежных отношений, замена натуральных налогов и ренты денежными, и даже появление капиталистических мануфактур – все эти процессы наблюдались в Египте ещё в конце XVIII века, за-

долго до того, как начался экспорт капитала в Египет, и были связаны с зарождением капиталистических отношений внутри египетского общества на базе начавшегося разложения феодальной формации, т.е. вызывались внутренними противоречиями, а не внешним влиянием. Надо думать, что, продолжая разрабатывать эту проблему в своей диссертации, автор покажет уровень развития капиталистических отношений, достигнутый теми или иными странами до начала экспорта капитала в эти страны, а также условия развития национального капитализма в этих странах в период их колониального порабощения.

Материал следует брать только из первоисточников. Конечно, и в* первоисточниках содержатся фальсифицированные данные, и их использование требует сугубо критического подхода. Но когда материал берётся из различных справочников и сопоставляются цифры, исчисленные на основе различной методики, то это приводит к неправильным выводам (например, к выводу о бурном росте железнодорожной сети в Египте в период с 1925 по 1949 г.).

Отмечая наличие противоречий между иностранным капиталом и национальной буржуазией, – следует указать в то же время на участие верхушки национального капитала в иностранных предприятиях, на её сближение с иностранными монополиями.

Анализируя источники максимальной прибыли нефтяных компаний, следует уточнить цифры и отметить значение монопольных цен на нефть.

Критические замечания по частным вопросам изложены мной непосредственно автору.

В целом же реферат заслуживает высокой оценки. Он свидетельствует и о серьёзном теоретическом подходе тов. Примакова к изучаемым им проблемам, и об изучении им обширного экономического материала. Реферат также свидетельствует о том, что тов. Примаков вполне способен справиться со стоящей перед ним задачей подготовки

диссертации об экспорте капитала [в] колониальные и зависимые страны.

Научный руководитель
доцент В. Луцкий
23 июня 1955 г.

АРАН. Ф. 1574 (В.Б. Луцкий). Оп. 1. Д. 736. Л. 12–14. Машинопись, подпись – авторограф.

Примечания

¹ Примаков Евгений Максимович (1929–2015) – политический и государственный деятель, директор СВР РФ (1991–1996), министр иностранных дел РФ (1996–1998), председатель Правительства РФ (1998–1999), академик АН СССР (с 1979 г.).

² Авдиев Всеволод Игоревич (1898–1978) – востоковед, египтолог, директор Московского института востоковедения (1953–1954). В.И. Авдиев был назначен директором МИВ 13 марта 1953 г., сменив на этой должности С.П. Толстова (АРАН. Ф. 1782 (В.И. Авдиев). Оп. 1. Д. 280. Л. 8).

³ Завада М.Р., Куликов Ю.П. «Я много проскакал, но не осёдлан». Тридцать часов с Евгением Примаковым. М., 2009. С. 20–21. Оде-Васильева Клавдия Викторовна (1892–1965) – востоковед, арабист, преподаватель Московского института востоковедения (1943–1956).

⁴ Завада М.Р., Куликов Ю.П. Указ. соч. С. 15. Брегель Энох Яковлевич (1903–1993) – экономист, профессор МИВ. По поводу эмиграции Э.Я. Брегеля в Израиль, с последующим переездом его в США, Е.М. Примаков говорил: «Кому он был там нужен со своим марксизмом?». (См.: Завада М.Р., Куликов Ю.П. Указ. соч. С. 15). Между тем, Э.Я. Брегель уехал из СССР, когда ему было уже 70 лет.

⁵ Млечин Л.М. Евгений Примаков. М., 2007. С. 20.

⁶ Зорин Валентин Сергеевич (род. в 1925 г.) – журналист, писатель, профессор МГИМО (с 1965 г.), научный сотрудник Института США и Канады АН СССР (с 1967 г.).

⁷ Млечин Л.М. Указ. соч. С. 23.

⁸ Там же. С. 22–23.

⁹ В 1951 г. Е.М. Примаков женился на Лауре Васильевне Харадзе (1930–1987), в 1954 г. у них родился сын Александр.

¹⁰ Завада М.Р., Куликов Ю.П. Указ. соч. С. 21.

* Далее зачёркнуто «этих».

¹¹ Ульяновский Ростислав Александрович (1904–1995) – востоковед, историк Индии, зам. директора Института востоковедения АН СССР (1958–1961).

¹² Завада М.Р., Куликов Ю.П. Указ. соч. С. 21.

¹³ Примаков Е. Закономерное стремление // Новое время, 1955. № 38. 15 сентября. С. 6–9.

¹⁴ Примаков Е.М. Страны Аравии и колониализм. М., 1956.

¹⁵ Луцкий Владимир Борисович (1906–1962) – востоковед-арабист, преподаватель МГУ (1936–1958), старший научный сотрудник Института этнографии (1957–1959), Института Африки (с 1959 г.) АН СССР. (О нём см.: В защиту советской арабистики. Письма В.Б. Луцкого Н.С. Хрущёву и А.М. Панкратовой. 1953 г. Публ. подг. В.Г. Бухерт // Восточный архив, 2014. № 1 (29). С. 68–75).

¹⁶ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 18.

¹⁷ Млечин Л.М. Указ. соч. С. 76.

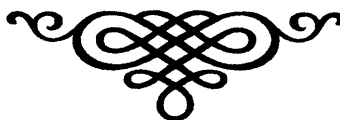
¹⁸ Завада М.Р., Куликов Ю.П. Указ. соч. С. 23.

¹⁹ Иноземцев Николай Николаевич (1921–1982) – экономист и историк, академик АН СССР (с 1968 г.).

²⁰ См.: Примаков Е. Учёный, руководитель, человек (К 70-летию академика Н.Н. Иноземцева) // Мировая экономика и международные отношения, 1991, № 4. С. 104–110.

²¹ Колесниченко Томас Анатольевич (1930–2003) – журналист-международник. Е.М. Примаков относил Т.А. Колесниченко к тем, кто был ему «очень близок по духу» (Завада М.Р., Куликов Ю.П. Указ. соч. С. 310).

²² Млечин Л.М. Указ. соч. С. 62.

Н.З. Мосаки

О ВЫСТУПЛЕНИИ Ш.Х. МГОИ ПО КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В СИРИИ В 1987 ГОДУ

Советское востоковедение дало курдоведению много славных имён. Ныне это классики востоковедения, труды которых до сих пор вызывают огромный интерес. С полной уверенностью к ним можно причислить Ш.Х. Мгои, одного из последних курдологов-классиков, начинавших свою деятельность в середине XX в.

Коснувшись советской курдологии, необходимо хотя бы вскользь отметить некоторые аспекты её развития. Курдология, как и советское востоковедение в целом, была непосредственно связана с «политикой... Советского государства на Востоке», являясь наукой «фундаментальной и в то же время прикладной»; с учётом этого обуславливался «характер кадров... тематика и проблематика исследований»¹.

Зародившись в Петербурге, курдология в послевоенное время получила развитие по всей стране, особенно в закавказских республиках. Однако, в отличие от предыдущего периода, когда исследователи были в большей степени сфокусированы на вопросах этнографии, лингвистики, филологии и истории, в 1950-х годах начинается новый этап в рассматриваемых курдологией вопросах. Он был спровоцирован «резким обострением освободительной борьбы народов Востока, в которой активно участвовали и курды»². В этих обстоятельствах ядром курдологии становятся исследования, сконцентрированные на курдском вопросе, на его разнообразных аспектах и вопросах национально-освободительного движения, то есть на острых темах того периода³.

Одним из ведущих представителей этого направления в курдологии является Шакро Худоевич Мгои – известный учёный, доктор исторических наук (защитил диссертацию в ИВ АН СССР в 1978 г.⁴), профессор (1985), член-корреспондент Академии наук Армян-

ской ССР (1990), действительный член Национальной академии наук Республики Армения (1996)⁵. Фактически он первым осуществил «попытку составления цельной истории национального-освободительной борьбы курдского народа в Ираке в новейшее время»⁶.

В 1981–1994 гг. Ш.Х. Мгои заведовал отделом курдоведения Института востоковедения Академии наук Армянской ССР (НАН Армении), в 1994 г. возглавил московский Центр курдских исследований, с конца 1990-х годов и до самой смерти в 2007 г. был ведущим научным сотрудником сектора курдоведения ИВ РАН. Безусловно, научное наследие исследователей такого масштаба включает в себя не только опубликованные ими многочисленные работы, но и разнообразные рабочие записи, незаконченные произведения, выступления, переписку и т.д. Все эти материалы остаются чрезвычайно важными для науки, однако нередко в них обнаруживаются анализ, выводы и прогнозы, весьма интересные с точки зрения наблюдаемых процессов, указывающие на их практическую значимость и актуальность.

В этой связи небезынтесным представляется предлагаемый читателю текст из личного архива Ш.Х. Мгои, любезно предоставленный мне его родственниками. Это машинопись на листах А4 – 7 страниц с указанием автора, но без указания мероприятия, для которого готовилось выступление. По-видимому, этот доклад, посвящённый курдам Сирии, был выступлением Ш.Х. Мгои на одном из рабочих востоковедческих совещаний (предположительно в Институте востоковедения АН СССР) в 1987 г., касавшихся Сирии.

С точки зрения мировой истории с тех пор прошло немного времени, однако за эти

годы «свершились события, имевшие фундаментальное “трансформирующее” значение как для отдельных стран и регионов, так и для мирового порядка в целом»⁷. В то время курдское национально-освободительное движение в Ираке и Иране переживало серьёзный спад, Саддам Хусейн уверенно руководил страной. В Турции наблюдался определённый подъём курдского движения, однако положение этой страны оставалось всё же очень прочным.

Авантюра Саддама Хусейна по вторжению в Кувейт и последовавшие за ней события резко актуализировали курдский вопрос в Ираке, в регионе и в мире. Однако даже на этом фоне положение курдов Сирии долгое время оставалось неизменным. В этом смысле взгляд Ш.Х. Мгой из прошлой, но в то же время недавней эпохи, радикально отличавшейся от нынешней, в определённой степени можно рассматривать как пророческий.

Необходимо отметить, что дружественные отношения между СССР и баасистским режимом в Сирии в те годы обуславливали некоторую тишину в отношении исследований и озвучивания курдской проблемы в Сирии в СССР. Однако и в целом курдский вопрос во второй половине 1980-х гг. занимал место на весьма дальней периферии интересов СССР, если вообще интересовал Москву. При этом данный период характеризовался своеобразной политической изоляцией курдов, полным игнорированием курдских организаций и большими сложностями, стоявшими перед курдским движением в Ираке. В этой связи Ш.Х. Мгой пытался актуализировать курдский вопрос для СССР, указывая на близость курдских организаций самых разных течений к идеям «научного социализма» и т.д. Очень актуален и сегодня тезис Ш.Х. Мгой о господстве старомодных стереотипов и псевдонаучных оценок в отношении курдов и Курдистана, о необходимости новых подходов, отражающих требования современной эпохи. Важным является мнение Ш.Х. Мгой о пути консолидации курдского движения, обеспечения его единства через создание национальных фронтов. Для Ш.Х. Мгой был ха-

рактерен прагматизм и понимание реальных интересов различных сторон. Выдвигая геополитический тезис об угрозе интересам СССР в связи с возможным сближением баасистских Сирии и Ирака, Ш.Х. Мгой в то же время критиковал ряд курдских деятелей, выступавших с антисирийскими лозунгами. Для него было очевидным, что нахождение «в Сирии руководства курдских национально-демократических партий и организаций» (по-видимому, речь шла о ведущих партиях Южного Курдистана, а также организациях турецких курдов) обеспечивало выживание курдских военно-политических сил, а провокации с антисирийскими требованиями были санкционированы турецкой и иракской агентурой.

Ш.Х. Мгой считал «неоправданной и труднообъяснимой практику умалчивания событий в Курдистане», имея в виду полное отсутствие материалов в советских СМИ при широком освещении событий, связанных с курдами в западной прессе, что, безусловно, негативно влияло на отношение курдов к СССР. Критикуя «старые установки», в соответствии с которыми публикаций, касавшихся курдской проблемы, в 1980-х гг. в советских СМИ практически не появлялось, Ш.Х. Мгой призывал озабочиться если не политическими, то хотя бы гуманитарными мотивами. Он считал ненормальным широкое освещение небольших событий в Африке или других регионах мира, игнорируя при этом массовые репрессии в отношении курдов. Однако, как известно, СССР уже не интересовали ни политический, ни гуманитарный аспект курдской проблемы. В определённом смысле эта политика получила продолжение в постсоветской России.

Важным и ныне особенно актуально звучащим являлось замечание Ш.Х. Мгой о сближении баасистского режима Сирии с курдскими национальными силами для нейтрализации исламистских сил. Несмотря на некоторые непродолжительные зигзаги, история подтвердила правоту Ш.Х. Мгой о перспективах развития отношений Сирии с Турцией и Ираком.

Некоторые коллеги рассматривали научные взгляды Ш.Х. Мгои отчасти в контексте его курдского происхождения, считая, что этим объясняется его чрезмерная «чувствительность» к данной теме. Безусловно, этот фактор играл определённую роль в формировании его позиции в отношении тех или иных событий в «околокурдистанском» регионе, включающем территории стран, в состав которых входит этногеографический Курдистан. Вместе с тем именно систематическое и разностороннее изучение данного вопроса, а не эмоциональный фон определял его аргументацию. Некоторые осуществившиеся предположения, высказанные в приводимом ниже тексте – ещё один довод в пользу его объективности.

Ш.Х. Мгои предлагал более внимательно отнестись к складывающимся обстоятельствам и многочисленным курдским партиям, в деятельности которых он обнаруживал поступательный характер развития, и рассматривать траекторию политических процессов в «околокурдистанском» регионе в среднесрочной и даже в долгосрочной перспективе. Он отмечал необходимость учёта курдского аспекта в политике СССР на Ближнем и Среднем Востоке, а также уменьшения её зависимости от контекста отношений с государствами, для которых курдский вопрос был внутренней проблемой.

События последних лет в Сирии сделали эту страну, наряду с другими государствами т.н. «арабской весны», одной из наиболее обсуждаемых тем мировой политики. Во весь рост встала курдская проблема в этой стране, которая, в отличие от курдских проблем в других государствах, отличается малоизученностью. По сути, мировое и, в большей степени, российское курдоведение оказалось не готово к представлению полноценных исследований и реальных аналитических разработок, касающихся курдов и курдской проблемы в Сирии, да и в целом в отношении этого региона. При этом следует отметить, что информационная активность и высказывания по этой теме в основном приходятся на «так называемых специалистов,

не сходящих с экранов телевизоров»⁸, высказывающих различные домыслы, не имеющие ничего общего с реальностью либо переписывающие давно известные истины.

Очевидно, что некоторые моменты в суждениях Ш.Х. Мгои необходимо рассматривать в контексте существовавших на тот период идеологических аспектов и относиться к ним как к истории. Главным в его подходе являлось стремление учесть различные аспекты и факторы, которые будут определять развитие ситуации на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Особое внимание читателей обращаем на последний пункт рекомендаций Ш.Х. Мгои.

* * *

Ш.Х. Мгои⁹

ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КУРДСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИРИИ В ИНТЕРЕСАХ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РЕГИОНЕ

Настоящее сообщение и наши соображения по обсуждаемому вопросу хотелось бы начать с некоторых примечательных фактов. Почти все они вам известны и, тем не менее, их приходится привести, ибо не всегда убедительны аргументы, на основании которых курдская национальная проблема не занимает подобающее ей место в нашей политике.

1. В настоящее время курдов насчитывается более 20 млн человек, основная масса этого народа находится в процессе национально-освободительной борьбы, что весьма заметно влияет на политический климат Ближнего и Среднего Востока.

2. Любопытно, что в регионе, который не имеет аналога количеству нерешённых национально-этнических проблем, ни один из угнетённых народов так часто не выступал с оружием в руках и освободительными движениями, как курды. По нашим подсчётам, с начала 20-х годов по настоящее время

имели место более чем 18 курдских восстаний или выступлений, не считая мелкие, локальные выступления против политики угнетения. Ряд выступлений курдов имел выраженный антиимпериалистический характер.

3. Внимательное ознакомление с официальными документами курдских национально-демократических партий и организаций, их провозглашёнными лозунгами даёт основание для другого примечательного заключения: среди немарксистских, национально-демократических партий данного региона, да и вне региона, курдские партии и организации выделяются своей большой близостью к идеям научного социализма, выраженной социалистической ориентацией, широкой пропагандой достижений СССР и социалистических стран, особенно в области национальной политики.

4. Вероятно, нет преувеличения в том, что наибольшее рвение к установлению дружественных отношений с СССР наблюдается именно у курдских партий и организаций революционно-демократического характера.

Всё сказанное в конечном счёте призвано ответить на вопрос о том, какова истинная значимость курдского национального движения в современных условиях, роль и место последней в системе интересов СССР, в интересах антиимпериалистической борьбы в регионе. По нашему глубокому убеждению, невозможно добиться положительных сдвигов не только в направлении предпринятия более или менее значительных практических шагов по установлению необходимых контактов с курдским национально-демократическим движением, но и его научно-теоретической оценки до тех пор, пока не расстанемся со старомодными стереотипами и псевдонаучными оценками, которые идут вразрез с истинным положением вещей в Курдистане. Применение старых, отживших свой век формулировок и пониманий к явлениям и событиям, новым по своей природе и требующим подлинно марксистского подхода, удивительная живучесть довольно робких схем и оценок курдской проблемы – вот общая схема механиз-

ма, который пока твёрдо стоит на пути выяснения истинного характера и последствий довольно серьёзного политического процесса, происходящего непосредственно у наших южных границ. По поводу вышесказанного как нельзя уместны слова М.С. Горбачёва: «Сегодняшние процессы нельзя подгонять под старые формулы. Нужно выработать новые выводы, отражающие современную диалектику жизни. И это можно делать только в атмосфере творчества. Поиск истины должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов».

При анализе вопроса о положении курдов в Сирии необходимо исходить из того факта, что данный вопрос имеет как общие, так и специфические черты. В Сирии курды – угнетённое национальное меньшинство, их национальные права правящим баасистским режимом не признаются, нередко случаи, когда правящие круги этой страны сотрудничают со странами, правительства которых проводят совместные карательные операции против курдских национальных сил. Вспомним в связи с этим участие сирийских вооружённых сил в истребительной войне против курдов в Ираке в 1963 г., осуществление пресловутого плана «арабского пояса» в приграничных курдских районах и ряд других репрессивных мероприятий. В то же время приходится констатировать, что курдский вопрос в Сирии не отличается той остротой, которая характерна для него в Турции, Иране и Ираке. Более того, в последние годы в Сирии сложилось положение, которое объективно благоприятствует развитию курдского национального движения в других частях Курдистана. Сравнительно лояльное отношение сирийских правящих кругов по отношению к курдам обусловлено двумя обстоятельствами: 1) Обострение внутривнутриполитического положения в Сирии, в частности, борьба правящего режима против правозащитной оппозиции (ударной силой которой являлись «Братья-мусульмане») вынудила баасистов сблизиться с коммунистами и курдскими национальными силами с тем, чтобы нейтрализо-

вать антиправительственные выступления «братьев» и поддерживающих их сил. 2) Что касается внешнеполитических факторов, определяющих нынешний сравнительно лояльный политический курс правящего сирийского режима по отношению к курдам, то о них следует сказать следующее. Так называемая «курдская политика» сирийского руководства имеет антииракскую и антитурецкую направленность. При этом важно учесть, что если отношения Сирии с Ираком, возможно, могут измениться к лучшему (особенно в случае ухода с арены нынешнего руководства иракских баасистов во главе с Саддамом Хусейном), то этот вопрос имеет, на наш взгляд, иной характер в отношениях с Турцией. Здесь, очевидно, будет ещё долго функционировать хронический и «болезненный фактор» «Александреттского санджака». Можно не сомневаться, что этот фактор будет иметь тенденцию к обострению и по мере укрепления позиций Сирии в регионе и смягчения положения, связанного с ближневосточным конфликтом. Из этого своеобразного положения в Сирии вытекает политика правящих кругов этой страны по курдскому вопросу. Поэтому эта политика противоречива и определяется факторами тактического характера. Тем не менее, нам кажется, что не исключён длительный характер этого курса, ибо ещё трудно прогнозировать благоприятную эволюцию иракско-сирийских отношений, поскольку общие межарабские противоречия, похоже, ещё долго будут питать и это противоборство. Показателен в связи с этим и тот факт, что охлаждение отношений Турции с арабскими странами в общем имеет благоприятный для Турции характер. И ещё один интересный пример, проливающий свет на межарабские отношения: с Турцией поддерживает дружественные отношения не только враждебно настроенный к Сирии Ирак, но и Ливия, которая, как известно, выступает сторонницей развития дружественных отношений с Сирией. Как видим, политика сирийского руководства по курдскому вопросу и его отношения с соседними странами в этом аспекте имеют многоплановый и слож-

ный характер, что исключает однозначные ответы на вытекающие отсюда вопросы.

Резюмируя вышесказанное, считаем, что необходимо обратить внимание на следующие меры, призванные способствовать развитию курдского национально-освободительного движения в Сирии и антиимпериалистической борьбы в регионе.

1. Можно не сомневаться, что политика сирийского руководства по курдскому вопросу во многом будет определяться силой и единством курдского движения. Хорошо известно, что с сильным и сплочённым движением считаются все. В то же время раздробленное движение, даже при провозглашённых им прогрессивных лозунгах и задачах, не удостоивается внимания и поддержки. Отсюда настоятельная необходимость восстановления единства в курдском движении.

2. Касаясь форм и методов обеспечения этого единства, следует отметить, что в настоящее время наиболее реальным путём достижения этого единства является не поглощение одной партией другой, а создание национальных фронтов, включающих партии и организации с идентичными политическими установками, целями и задачами проводимой ими борьбы. Важно подчеркнуть, что идея восстановления единства в национально-демократическом движении курдов весьма популярна, и не случайно, что ныне между ведущими отрядами курдского движения ведутся переговоры по этому вопросу. Компартии этих стран прилагают большие усилия для достижения этого единства. Поскольку в Сирии представлены почти все направления курдского национально-демократического движения и есть практические возможности встречи с ними, резонно подумать о том, как положительно повлиять на объединительный процесс в курдском движении. Практические шаги в этом направлении – предмет особого обсуждения.

3. Есть все основания считать, что преодоление острого противоборства между иракскими и сирийскими баасистами, за которое выступают правые арабские режимы,

отрицательно повлияет как на коммунистическое движение, так и на деятельность национально-демократических сил. Эта опасность тем более очевидна, если принять во внимание, что связанный с Турцией рядом военно-политических обязательств иракский режим в случае сближения с Сирией может и последнюю включить в сферу необузданной антикоммунистической и антикурдской политики и практических мер. Не случайно, что Турция проявляет не меньшую заинтересованность в сближении Ирака с Сирией.

4. Приглашение на торжества в честь 70-летия Октябрьской революции Лёвого единства Турции и Турецкого Курдистана¹⁰ – важный обнадёживающий шаг на пути налаживания контактов с курдскими революционно-демократическими силами. Продолжение этой политики, несомненно, повысит авторитет курдских революционно-демократических партий в среде борющихся курдских масс, стимулирует выход на передний план новых левых сил в курдском движении. Кроме того, налаживание контактов с ведущими курдскими политическими партиями послужит серьёзным подспорьем, чтобы последние стали ведущей силой в сплочении курдских национально-демократических партий и организаций, что является главной проблемой курдского движения на современном этапе.

5. Обеспокоенные нахождением в Сирии руководства курдских национально-демократических партий и организаций, Турция и Ирак, частично и Иран, всеми возможными средствами стараются провалить деятельность этих партий, перессорить их с сирийскими властями и тем самым исключить возможность дальнейшего пребывания и деятельность курдских национальных партий в этой стране. Настораживают, например, безответственные заявления отдельных курдских национальных деятелей, имеющие антисирийский оттенок. Есть основания считать, что такие провокационные поступки могут быть санкционированы турецко-иракской агентурой с вышеупомянутой целью.

6. Нам кажется неоправданной и труднообъяснимой практика умалчивания событий в Курдистане. Отсутствие материалов в советской прессе о событиях в Курдистане в то время, когда таковые широко публикуются в западной прессе, негативно влияет на отношение курдских борющихся масс к Советскому Союзу. Старые установки, запрещающие публикацию материалов о национально-демократической борьбе курдского народа, неоправданны и должны быть устранены. Остаётся добавить, что, помимо чисто политических соображений, есть и гуманитарные. Думается, что ненормально, когда небольшие события в Африке и других регионах широко освещаются, а уничтожение целых деревень и населённых пунктов в Курдистане, одновременная казнь нескольких десятков курдских демократов не находят места в советской прессе. Это вопиющее игнорирование курса гласности, демократизации, который проводится в нашей стране.

7. В настоящее время у курдских национально-демократических партий и организаций как в Сирии, так и в европейских странах широкие издательские возможности. В связи с этим можно осуществлять здесь, в Советском Союзе, перевод некоторых работ классиков марксизма по национальному вопросу, которые непременно будут изданы за рубежом.

8. Необходимо увеличить квоту сирийским курдам для учёбы в СССР, при этом важно, чтобы с ними, помимо общей, велась и соответствующая работа, вытекающая из конкретных задач.

9. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, независимо от того, насколько наши оценки и рекомендации обоснованы и эффективны (они ведь выдвигаются в порядке обмена мнениями), одно совершенно бесспорно: сама жизнь подсказывает, что без учёта курдского фактора вряд ли будет полноценным прогнозирование будущих ситуаций и их последствий на Ближнем и Среднем Востоке.

[1987 г.]

Примечания

¹ *Афанасьев О.А.* Становление советского востоковедения // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 139.

² *Халфин Н.А.* Курдская историография в СССР и некоторые её проблемы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 157.

³ Там же.

⁴ В качестве докторской диссертации им была представлена монография: *Мгои Ш.Х.* Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике (1958–1970 гг.). Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1977.

⁵ Ш.Х. Мгои был избран членом-корреспондентом и действительным членом Академии наук Армении по специальности «курдоведение».

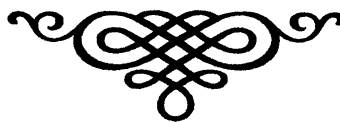
⁶ *Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 5.

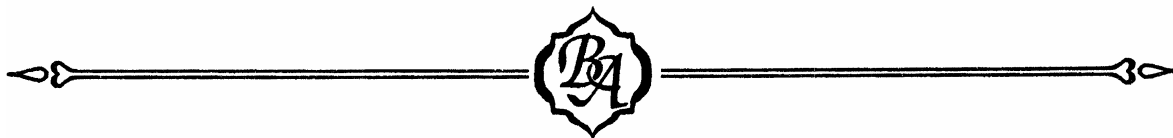
⁷ *Шаклеина Т.* Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4. С. 7.

⁸ *Наумкин В.В.* Компьютерные джихадисты Ближнего Востока // <http://imesclub.org/ru/component/k2/item/409-isis-mideast-digiterror-interview-naumkin>, 18.02.2016.

⁹ Ш.Х. Мгои – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом курдоведения Института востоковедения АН Армянской ССР (сведения приведены по состоянию на период написания им приводимого ниже текста, 1987 г.)

¹⁰ Фронт, созданный компартией Турции с курдскими партиями – Социалистической партией Турецкого Курдистана и Авангардной партией Курдистана (Пешанг), лидеры которых Кемаль Буркай и Мурад Дживан присутствовали на торжествах по случаю юбилея Октябрьской революции в Москве.

НАШИ АВТОРЫ

АНИКЕЕВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

БЕККИН Ренат Ирикович – доктор экономических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: bekkin@mail.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, и.о. директора Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

ЗЕЛЕНИНА Людмила Владимировна – научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sheremetv@mail.ru

ЛОКШИН Александр Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. E-mail: simarakh@yahoo.com

МАССОВ Александр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. E-mail: amassov@gmail.com

МОСАКИ Нодар Зейналович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Омского института водного транспорта. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de